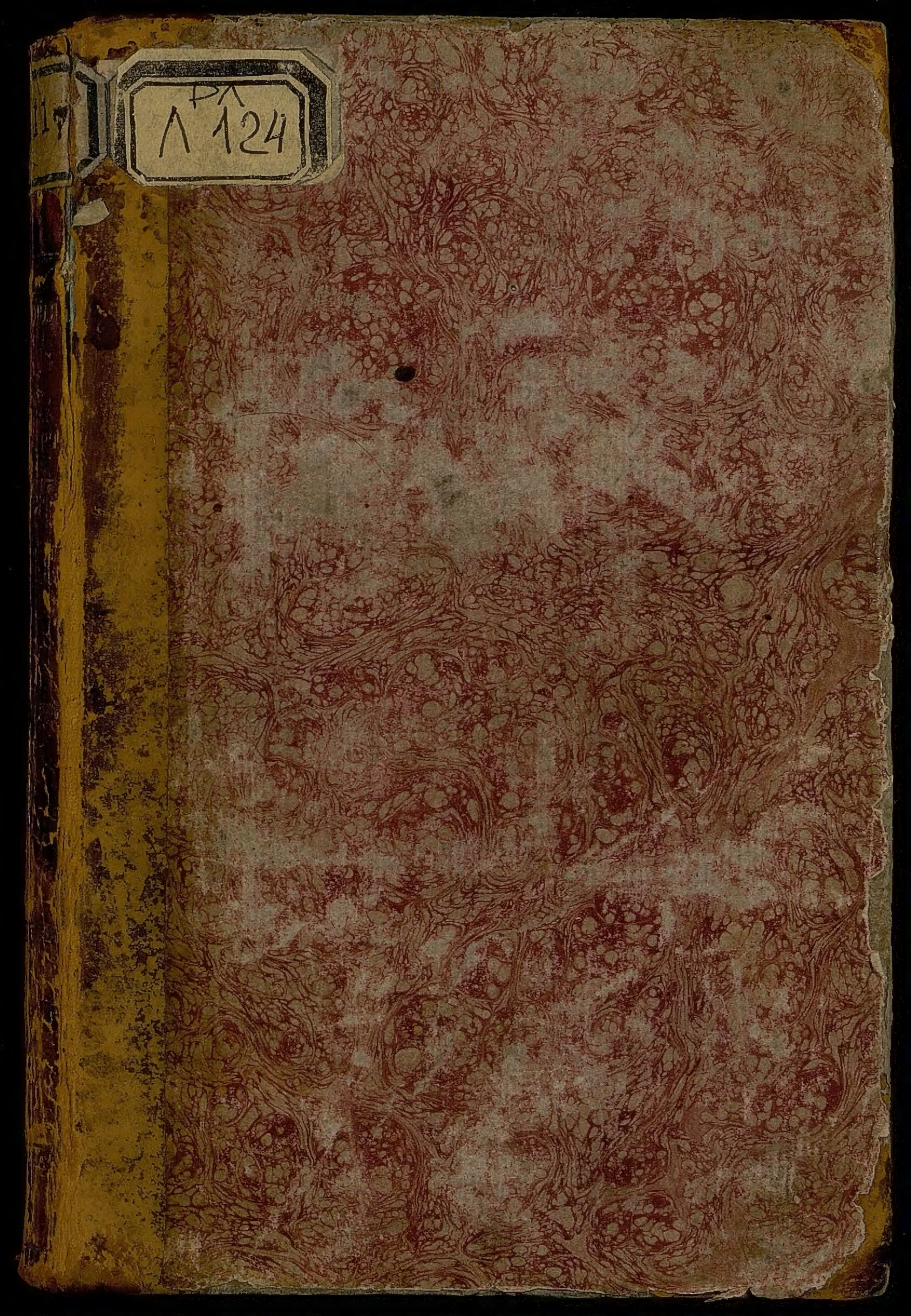

PΛ
Λ 124

ИМПЕРАТОРСКАГО

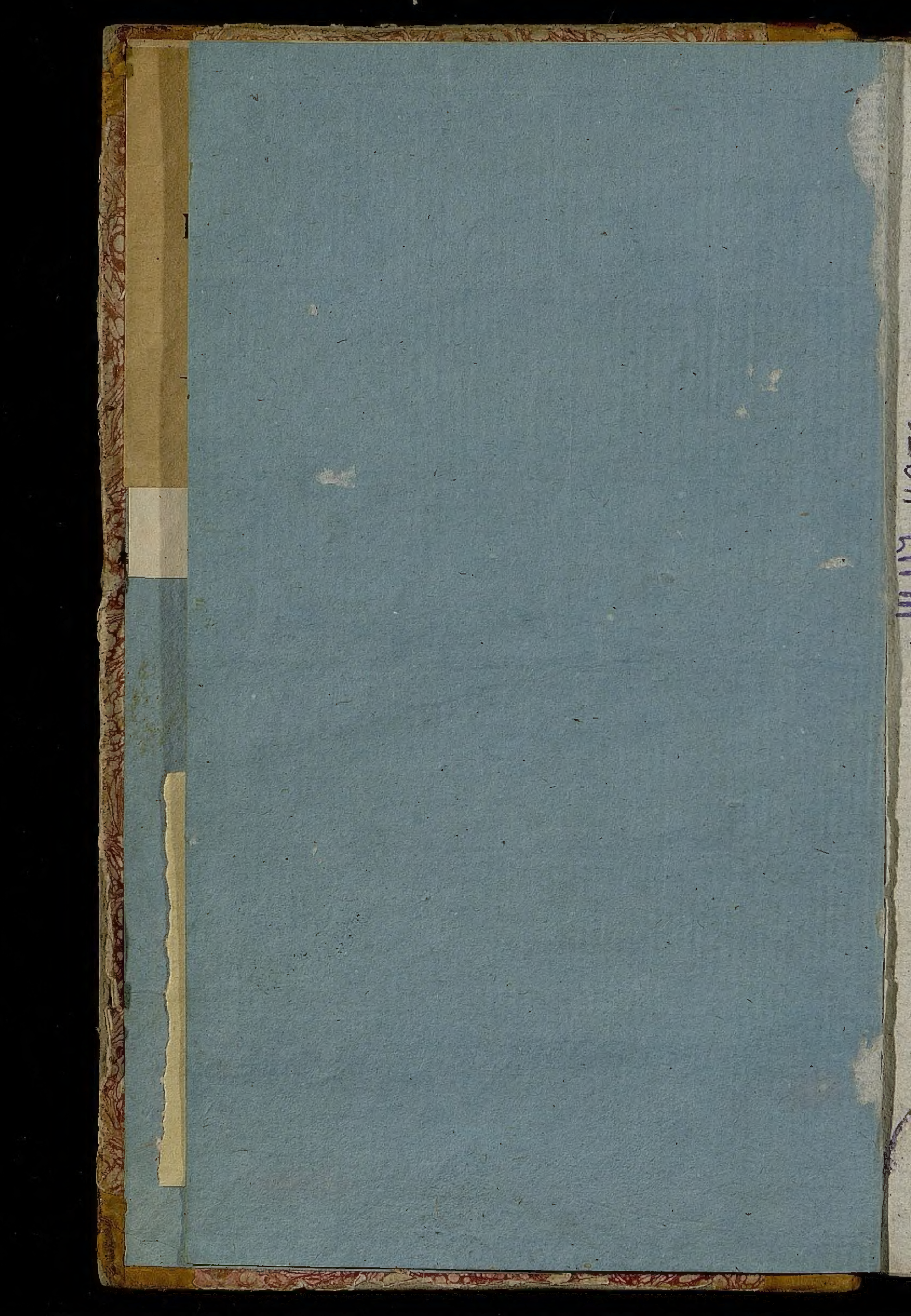
АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ.

КОМНАТА А ШКАФЪ XI

ПОЛКА 2 №: ИНВЕНТАРЯ 1394

~~111.117~~

4956

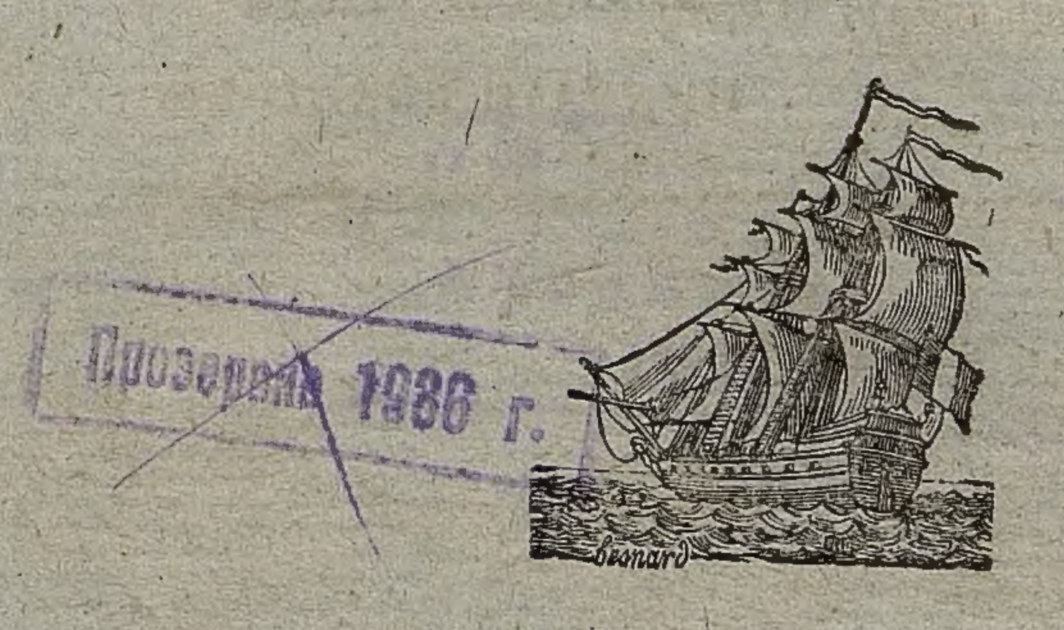
ИСТОРІЯ
О
НИЗВЕРЖЕНІИ
НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ
СЪ ПОХИЩЕННАГО ИМЪ ТРОНА.

Сочиненіе Евгенія Ла-Бома.

Баталіоннаго начальника Королевскаго Гвардейскаго корпуса, Кавалера почетнаго Легіона и Императорскаго Австрійскаго ордена желѣзной короны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Переводъ съ Французскаго.

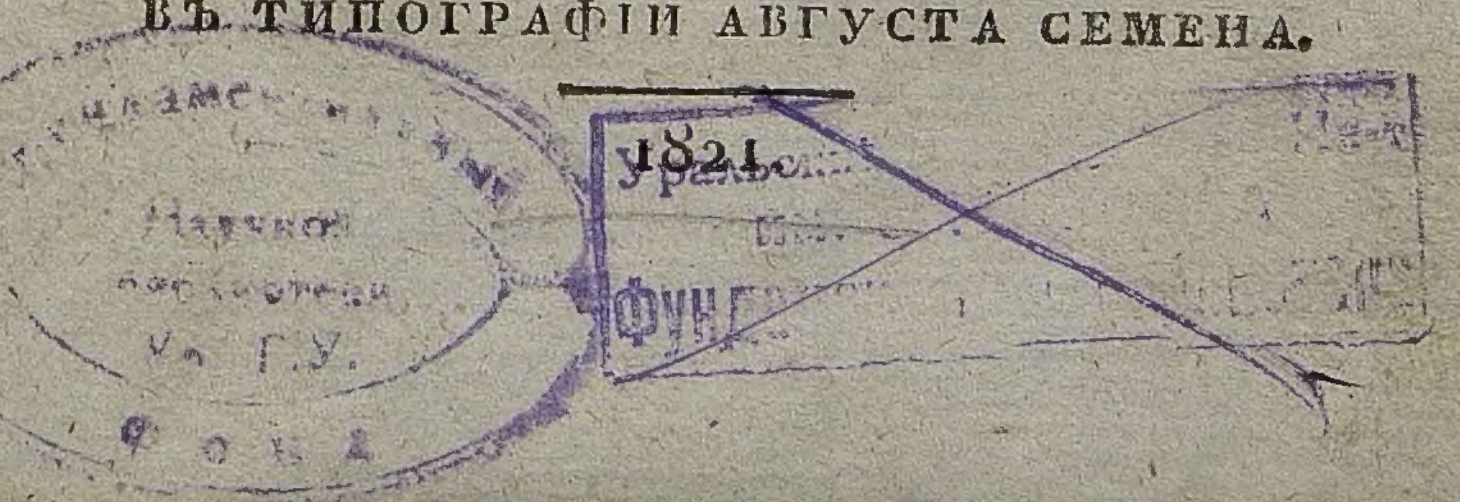

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

1821.

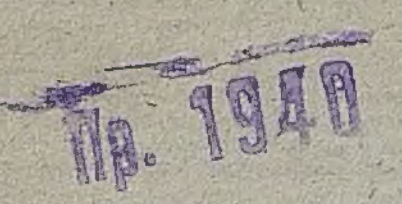

09 : 9(44) [Наполеон I]

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ публику, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Іюля 11 дня, 1821 года. Книгу сію разсматривалъ Экстра-Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ

НИКОЛАЙ БЕКЕТОВЪ.

Уральский Индустриальн. Ин-тут имени С. М. Кирова ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сія исторія, сочиненная Г. Лабомомъ и писанная съ рѣдкимъ безпристрастіемъ бывъ переведена на разныя языки, заслужила одобреніе читателей. Ни одинъ Французъ не описывалъ характеръ Наполеона съ такою точностію. Благоговѣя предъ доблестями Россійскаго Императора, иноплеменникъ нашъ убѣдительно доказываетъ въ семъ сочиненіи какая существуетъ разность между угнѣтателемъ и хищникомъ престола Наполеономъ и отцемъ Отечества АЛЕКСАНДРОМЪ I. Съ равнымъ базпристрастіемъ онъ изображаетъ знаменитые подвиги Россійскихъ полководцевъ: Князей: Кутузова Смоленскаго, Барклая де Толли: Графовъ: Милорадовича, Витгенштейна, Сакена, Ланжерона, Воронцова, Чернышева и прочихъ. Иностранныхъ: Князей: Блюхера, Шварценберга, Вреде

Лорда Веллингтона и прочихъ славныхъ Военачальниковъ; подробно описываетъ переговоры, происходившіе въ Прагѣ, Шатильонѣ и Парижѣ; незабвенныя и полезныя отечеству дѣйствія въ оныхъ Россійскихъ Министровъ Графовъ Разумовскаго и Нессельроде, Барона Анштета и иностранныхъ: Князей: Меттерниха, Гарденберга, Лордовъ: Кастлрига, Вальполя и прочихъ. Но такъ какъ Г. Лабомъ писалъ исторію свою только до отправленія Бонапарте на островъ Эльбы, то переводчикомъ прибавлена еще пятая часть, въ коей выбравъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, онъ описалъ бѣгство Наполеона съ Эльбы, походъ его къ Парижу, стодневное Правленіе во Франціи, заточеніе хищника на островѣ Св. Елены, жительство его въ семъ мѣстѣ, болѣзнь, завѣщаніе и смерть его.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Первой Части.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРУССІЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ЛЮЦЕНЪ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ВУРШЕНЪ.

ИСТОРІЯ
О
НИЗВЕРЖЕНІИ
НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРУССІЯ.

Величіе Имперіи, которой разрушеніе и паденіе я хочу описывать, получила быстрое и страшное приращеніе отъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Хищникъ пользуясь общественною благосклонностію, присвоилъ себѣ средства, уготованные революціею, которые будучи посвящены для спасенія всѣхъ, учинились страшными какъ скоро остались во власти одного:

Наполеонъ, поставляя первымъ для себя благополучіемъ наслѣдовать безначалію, видѣлъ Францію и Европу споспѣшествующими своему возвышенію, потому что онъ обѣщалъ прекращеніе междоусобной войны, возвращеніе нравственности и казалось ничего болѣе не желалъ, какъ пріобрѣсти званіе миротворца. Ласкались даже надеждою, что по примѣру Вашингтона, онъ поставляетъ единственнымъ своимъ честолюбіемъ общественное благо и что его правленіе уподобится славѣ его оружія.

Но этотъ самый человѣкъ, одаренный столь высокими качествами, презрѣлъ самой лучшій даръ, какой только можетъ дать небо великодушнѣйшему изъ смертныхъ, предназначенному для важнѣйшей цѣли: любовь народовъ. Вмѣсто того, чтобъ утвердить, онъ началъ тѣмъ, что подавилъ республику, которой обязанъ всею своею знаменитостію: Сражаясь за нашу независимость, онъ ни о чемъ болѣе не помышлялъ какъ наложить на насъ оковы. Столь виновное предпріятіе не могло исполниться безъ злодѣяній; чтобъ прекратить революцію, онъ воспользовался ея преступленіями и подражая Ромулу въ

одной жестокости почиталъ обязанностію совершать убійства для основанія своей Имперіи.

Съ того времяни онъ не скрывалъ болѣе намѣренія, чтобы все покорить своему владычеству. Между первыми членами Государства онъ нашелъ послушные себѣ орудіи, которые никогда не помышляли объ обязанностяхъ своего званія. Сенаторы всегда готовы были употребить власть свою для нарушенія узаконеній которыхъ бы должны быть ревностнѣйшими защитниками; Прелаты домогались, подобно другимъ, милостей двора. Военные принимали наслѣдственное дворянство и алкая возвышеній, ввергали насъ въ рабство. Успѣхи въ разврагѣ истребили тѣхъ великихъ людей, которые посреди нашихъ раздоровъ являли столь героическіе чувствованіи. Чины, ленты и титлы обольстили ихъ на ровнѣ съ прочими, всѣ почти пресмыкались передъ новымъ властителемъ, ибо жадность къ пріобрѣтеніямъ, скоро научила ихъ повергнуть свою независимость ко всевозможнымъ раболѣпствамъ.

Злоупотребленіи, предшествовавшіе революціи, явились опять въ новомъ видѣ; мысль эта тѣмъ унизительнѣе для про-

свѣщеннаго вѣка, что тѣ самые искали преимуществъ, которые сперьва возставали противъ нихъ. Но естьли они смотрѣли завистливыми глазами на прежнихъ знатныхъ, то какъ могли льстить себя надеждою, что мы спокойно перенесемъ высокомѣріе тѣхъ, которыхъ видѣли себѣ равными? Но вскорѣ по обороту щастія тѣ люди, которыхъ благополучіе перемѣнило и свойство, подверглись обыкновенному наказанію за гордость; они были оклеветаны тѣми же льстецами, которые прежде пресмыкались у ногъ ихъ. Ужасной урокъ для тѣхъ, которые похищаютъ почести, подъ щитомъ равенства стараются возвыситься и для которыхъ свобода служитъ предлогомъ къ ввержению насъ въ рабство. Нравственное порабощеніе уничижило тогда всѣхъ и у всѣхъ была одна мысль. Запретили говорить и писать и самую совѣсть поработили волѣ одного человѣка. Наконецъ мрачное тиранство Наполеона похитило бы у насъ даже воспоминаніе о благѣ, еслибы оковавъ намъ языкъ, онъ могъ лишить насъ воспоминанія.

Въ это время Политика и Эгоизмъ раздѣляли главнѣйшія Европейскія кабинеты.

Наполеонъ умѣлъ тѣмъ воспользоваться. Первыя его успѣхи усилили его мнѣніе. Съ помощію сего могущественнаго права онъ увѣренъ былъ въ непремѣнномъ благополучіи. Въ немъ самомъ заключалась причина его паденія, съ средствами его возвышенія потому что будучи истребителемъ собственнаго своего творенія, онъ поставилъ себя въ такое положеніе, въ которомъ долженъ былъ всегда побѣждать и все порабощать, чтобъ избѣжать мщенія вселенной.

Наше мужество сдѣлало могущество его непреодолимымъ и Европа выключая Россіи и Англіи, преклонила главу подъ тяжестію его деспотизма. Поработивъ ее Наполеонъ думалъ, что еще недостаточно къ его побѣдамъ. Новый Монархъ, поколебалъ или разрушилъ древнѣйшіе династіи. Отъ Геркулесовыхъ столповъ до береговъ Вислы водилъ онъ побѣдоносные свои войски, съ ними во всѣхъ мѣстахъ распространялъ наши нравы, нашъ образъ мыслей и наши законы. Одни только степи могли остановить его завоеванія и вскорѣ, пустота доказала ихъ ничтожество.

Нынѣшняя компанія, плачевнѣйшимъ образомъ свидѣтельствуетъ, что пред-

пріятіе, исполняемое великимъ военнымъ человѣкомъ съ безчисленною арміею должно сдѣлаться пагубнымъ, когда не уважаютъ ни преградъ природы, ни совѣтовъ благоразумія. Ослѣпленный славою, заблужденіями честолюбія и ложными политическими видами, Наполеонъ былъ увѣренъ, что въ Москвѣ, онъ можетъ предписать условіи, которые остановятъ успѣхи могущества Русскихъ. Сіи требованія обратились въ ничто передъ твердостію Россійскаго Государя. Пожаръ Москвы былъ для Европы зарею ея освобожденія. АЛЕКСАНДРЪ, покровительствуемый Промысломъ, увидя исчезающею ту самую армію, которая не имѣла себѣ равной, въ свою очередь рѣшился вести своихъ воиновъ за границы Государства и призывалъ всю землю принять оружіе противъ врага, осмѣлившагося оскорблять не только народы и Царей но даже самаго Вседержителя.

Наполеонъ любилъ лучше возводить на престолы своихъ родственниковъ, нежели величествомъ души своей пріобрѣтать себѣ вѣрныхъ союзниковъ, то и не удивительно, что всѣ Дворы, порабощенные его владычеству, втайнѣ противъ него

умышляли. Съ лишеніемъ силы, они должны были его оставить. Минута смерти Наполеона была эпохою, на которой основывали они надежду своего освобожденія. Только въ сей отдаленной будущности могъ бы составиться новый союзъ. Потеря арміи, произвела тоже самое дѣйствіе, какое воспослѣдовало бы отъ его смерти и всѣ источники неудовольствія немедленно обнаружились. Въ скоромъ времяни Европейскіе державы сообразуясь съ положеніемъ и обстоятельствами, въ которыхъ они находились, рѣшились дѣлать все то, что предписывали имъ: долгъ, честь и здравая политика.

Англія, которая никогда не преклонялась подъ иго Наполеона, благопріятствуемая топографическимъ своимъ положеніемъ, руководствуемая постоянными правилами, всегда плодовитая въ политическихъ хитростяхъ, могла гордиться неослабнымъ своимъ сопротивленіемъ общему врагу и никогда не отчаяваясь спасти республику Европы. Она ревностно воспользовалась расположеніями Россійскаго Императора, чтобъ возобновить связи, которые столько разъ были разрушаемы. Пруссія, предпочитала лучше не существовать,

нежели быть въ уничижительномъ угнѣтеніи.

Совсѣмъ тѣмъ, пораженіе нашей арміи, не уменьшило ослѣпленія ея къ своему начальнику и легіоны его разсѣянные въ его отсудствіи, въ присудствіи его вновь образовались. Тогда какъ горсть храбрыхъ, избѣгнувшихъ ужаснѣйшихъ нещастій, удерживала усиліи непріятеля, Наполеонъ, пользуясь любовію къ славѣ, которая всегда оживотворяла Французовъ, выступаетъ въ походъ съ другою арміею. Блистательное начало казалось что было порукою непоколебимости его предкамѣреній. Щастіе для того къ нему возвратилось, чтобы видѣть исправило ли злополучіе буйность его свойствъ. На этой точкѣ Провидѣніе предначертало продолжить, или лишить его своего вспомоществованія. Благополучнѣйшіе обстоятельства по видимому такъ хорошо были расположены, что могли бы примирить его со щастіемъ; гордость его была наказана, но слава еще ему оставалась. Выгоды цѣлой Европы казалось того же требовали. Но вмѣсто того, чтобы принять благоразумные мѣры, онъ помышлялъ о томъ только, чтобы возвратить владѣнія, ко-

торые почиталъ своею собственностію и когда блистательное мужество, когда невѣроятная приверженность новыхъ воиновъ, слѣдующихъ за нимъ, опять покрыли его лаврами, онъ отказалъ въ мирѣ, выгодномъ для Франціи, но недостаточномъ для его честолюбія.

Усилія трехъ Союзныхъ Державъ увѣнчались бы совершеннымъ успѣхомъ и безъ вспомоществованія Австріи, которая будучи возбуждена всеобщею выгодою своихъ владѣній приступила къ союзу, тогда уже, какъ Наполеонъ въ чрезмѣрномъ своемъ ослѣпленіи прервалъ послѣднія связи, соединяющіе его съ Имперіею. Вѣнскій Кабинетъ, раздраженный оскорбительною его надменностію, рѣшился на все отважиться и подвигнулъ многочисленныя свои войска, долженствующія преклонить вѣсы той стороны, къ которой она приступила. Прочіе малыя Королевства послѣдовали ея примѣру Народы въ нетерпѣніи предупреждали намѣренія своихъ владѣтелей. Всѣ знамена Германіи распустились для возстановленія ея независимости и негодованіе противъ иностраннаго ига повсюду обнаружилось во всей своей силѣ.

Обширное сіе ополченіе успѣло въ дѣлѣ

своемъ посредствомъ хорошо обдуманнаго плана и единственною храбростію образованнаго войска. Надлежало, чтобы всѣ народы взяли одинаковое участіе и можно было бы положиться на ихъ содѣйствіе. Въ сей войнѣ совершенно особенное могло отвѣтствовать за успѣхъ: Она была предпринята не только для пользы престоловъ но и для общественнаго блага, признаннаго и живо чувствуемаго народами, которые лучше желали повиноваться природнымъ своимъ Государямъ и коренным своимъ законамъ, нежели хищнику, который покоривъ ихъ своему скипетру, принялъ ложное правило, состоящее въ томъ, чтобъ перемѣнить ихъ нравы, ихъ обыкновеніи и даже самый языкъ. Наполеонъ былъ бы уважаемъ побѣжденными, еслибъ даровалъ имъ истинную свободу. Но къ прежнимъ цѣпямъ ихъ, онъ прибавилъ новые и гораздо тягостнѣйшіе: далъ Германцамъ законы свойственныя Французамъ и возвелъ на одинъ изъ ихъ престоловъ своего брата. Ложные сіи мѣры внушили народамъ страхъ всеобщаго порабощенія ихъ отечества; Государи симъ воспользовались, чтобъ поддержать священную войну. Германцы, созванные имянемъ правъ

своихъ для защиты престола, предались надеждѣ возвратить его. Имъ обѣщано народное представленіе. Освобожденіе ихъ владѣній было назначено чертою сего намѣренія, къ которому стремились всеобщія желанія. Война эта признана за необходимую и всѣ умы были тѣмъ очарованы, но чтобъ возбудить ихъ противъ Франціи, представили ее единственнымъ препятствіемъ ихъ свободы. Всякой Французъ возбуждалъ ихъ ненависть; чувствованіе сіе, въ особенности имѣло вліяніе на рѣшительность быстро воспламеняющейся юности, которая плѣнясь независимостію, воображала улучшить свою образованность, сближаясь съ нравами и обыкновеніями Тевтоновъ.

Задача сія была рѣшена всѣми Германскими народами и не нужно было принуждать ихъ къ защитѣ своихъ правъ; въ то время явилось, также, какъ и на зарѣ нашей революціи, безчисленное множество гражданъ различнаго возраста и различныхъ сословій, исполненныхъ любви къ отечеству, стремящихся къ оружію и въ нѣсколько дней, содѣлавшихся неустрашимыми воинами. Въ борьбу сію входили не только цѣлые Правительства, но даже и свободные

народы. Сила соединеннаго движенія членовъ всеобщаго тѣла, въ которомъ всѣ, начиная отъ Государя до поселянина дѣлали, что только могли, должна была составить совершенное торжество для общаго блага, въ которомъ каждый имѣлъ право гордиться собою. Но безъ единодушнаго соединенія силъ всѣхъ державъ, величайшій этотъ союзъ, подобно прочимъ, потерпѣлъ бы пораженіе, а Наполеонъ къ нещастію общему оставался бы на тронѣ.

Никогда еще политическая сцена не представляла ничего подобнаго въ разсужденіи выгодъ и величія, предметовъ и лицъ ее занимающихъ, какъ при открытіи сей достопамятной борьбы. Всѣ стремились къ раззоренію или совершенному покоренію нашей Имперіи, къ доставленію рабства или свободы цѣлой Европѣ и наконецъ къ прекращенію или возобновленію бѣдствій, истощившихъ мужество и утомившихъ терпѣніе народовъ. Вся Европа двинулась противъ Наполеона. Оставшись одинъ съ непобѣдимыми своими воинами Бонапарте могъ бы ограничиться могущественною и славнѣйшею своею Имперіею. Остановивъ теченіе своихъ завоеваній для

заключенія пагубнаго перемирія, онъ открылъ новую компанію при мрачнѣйшихъ предзнаменованіяхъ. Лучшіе его Генералы, друзья своего отечества представляли ему опасность его положенія; онъ упорствовалъ въ ономъ остаться до той самой минуты, какъ уже не въ силахъ былъ освободиться не бывъ окруженъ безчиленными войсками и ненавистію народовъ, которыхъ злополучія онъ былъ причиною. Разсѣявъ всѣ войска свои на поверхности Европы, остался онъ окруженнымъ со всѣхъ сторонъ въ Дрезденѣ и видѣлъ себя принужденнымъ сражаться на такомъ мѣстѣ, которое не представляло ему ничего выгоднаго при побѣдѣ и все ужасное при пораженіи. Наконецъ Лейпцигскія болота содѣлались бездною, въ которой была поглощена та самая армія, которая за нѣсколько передъ симъ мѣсяцевъ возстановляла нашу славу. Въ первый разъ Наполеонъ, побѣжденный въ устроенномъ сраженіи, долженъ былъ преклонить уничиженное чело свое и приписать пораженіе собственнымъ ошибкамъ.

Наконецъ онъ переправился черезъ Рейнъ и прибылъ увѣдомить свой Сенатъ о ужасномъ нещастіи, которое снова похи-

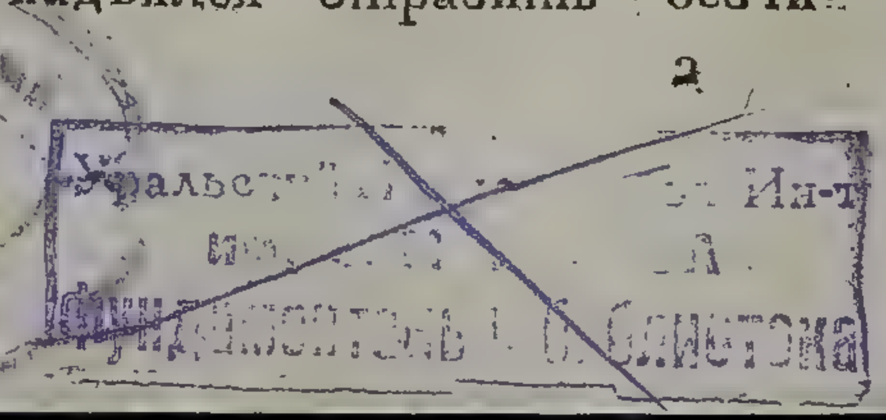
тило цвѣтъ нашего войска. Несмотря на бѣдствія, какія произвело пагубное его честолюбіе, Французы чувствовали, что участь ихъ сопряжена съ участію ихъ властителя; они еще бы дали ему вспомоществованіе, еслибъ подобно Германскимъ Государямъ, онъ бы имѣлъ столько мудрости, чтобы умѣть пользу трона обратить въ народную пользу. Но самодержавіе его, которое хотѣло все пріобрѣсть силою, а не любовью, въ такое затруднительное положеніе поставило народъ, что ненавидя чужестранцевъ, или исполняя повелѣнія Наполеона, онъ не зналъ самъ, справедливъ ли онъ въ ненависти своей, или несчастливъ въ своей привязанности.

Государи Европейскаго союза горѣли желаніемъ освободить свои престолы и даровать вольность народамъ; но столь мало занимались нашимъ положеніемъ, что мы могли страшиться, чтобы не пожертвовали Франціею для спокойствія Европы. Союзные Государи, ревнуя предупредить возвращеніе Французскаго правительства и побуждаемыя сроднымъ желаніемъ къ пріобрѣтенію, должны были предпочесть лучше, чтобы пограничныя наши области

и самые лучшія крѣпости болѣе бы ручались за ослабленіе наше и за ихъ безопасность, нежели сама особа Наполеона. Сія важная причина послужила къ его пользѣ. Народъ въ своей горести, одною рукою подавалъ ему скипетръ, а другою разрушалъ его въ своемъ негодованіи. Вотъ какимъ образомъ сей смертный, хотя изгнанный изъ всѣхъ сердецъ находилъ себѣ опору въ страхѣ и въ соединеніи выгодъ. Съ помощію ложнаго нашего ужаса онъ еще царствовалъ, но могущество его долженствовало разрушиться при первыхъ лучахъ щастливой будущности.

Послѣ пораженія своего, будучи непоколебимъ въ своей системѣ, непреклоненъ въ упорствѣ, онъ не помышлялъ о спасеніи народа котораго истощилъ всѣ способы; со всѣхъ сторонъ сзывалъ новыхъ воиновъ не для того, чтобы спасти Францію, поставленную имъ на край бездны, но въ надѣждѣ возвратить свои завоеванія. Онъ своевольно удвоилъ подать и поставилъ подъ пагубные свои знамена послѣднихъ нашихъ юношей, которыхъ вырвалъ изъ нѣдръ горестныхъ ихъ семействъ. Съ сими то односуточными солдатами онъ надѣялся отразить безчи-

III.Н.4956

сленные, хорошо обученные и побѣдоносныя войски, тогда какъ крѣпости, которымъ онъ не въ силахъ былъ болѣе вспомоществовать, были наполнены старыми солдатами, привыкшими ко всѣмъ военнымъ опасностямъ. Въ то время, какъ непріятель угрожалъ его столицѣ, онъ безъ смущенія видѣлъ, что половина Франціи была уже занята. Злощастіе еще болѣе его раздражило; онъ отпустилъ народныхъ депутатовъ, отъ которыхъ долженъ былъ ожидать помощи и которые при такомъ безумномъ поступкѣ, оледѣнели отъ горести и ужаса.

Тогда отечество наше, порабощенное истиннымъ Диктаторомъ, находилось въ ужаснѣйшемъ положеніи. Тамъ, царствовали тревоги и мрачное безпокойство, внушающее ужасъ; тамъ, кровь человѣческая лилась обильными ручьями и не позволено было произнести ни одной жалобы, ни вознесть къ небу рукъ; все преклонилось подъ тяжестію силы или необходимости; повсюду было ощущаемо всеобщее утомленіе и чувство предзнаменующее близкое разрушеніе; всякой зналъ тому причину и никто не имѣлъ духа предложить пособіе. Наполеонъ, занимаясь

единственно сбереженіемъ самаго себя, въ всеобщихъ бѣдствіяхъ надѣялся возвратить побѣду измѣнившую его знаменамъ. Холодное тиранство его прибѣгло къ гнуснымъ пособіямъ коварства и лжи. Но и тутъ ему повиновались; нравственное упорство, сдѣлавшееся всеобщимъ, доставляло большіе выгоды его непріятелямъ, по причинѣ бездѣйствія, лишавшаго его довѣренности и уваженія.

Хотя всякой ясно видѣлъ пропасть, въ которую влекъ насъ Наполеонъ, однакожъ большая часть народа предавалась еще пустой надѣждѣ на его щастіе; столько то были предубѣждены, что всеобщее потрясеніе сопряжено съ его паденіемъ; какъ будто бы возможно было послѣ него испытать нещастіи больше тѣхъ, какіе мы при немъ переносили? Посреди таковыхъ опасностей, легчайшею казалась та, которая соединяла насъ съ участію нашего мучителя. Въ столь ужасномъ затрудненіи, ничто не являлось къ нашему спасенію; упорство и отчаяніе нашего владыки соединились съ ужасомъ нашего положенія; взгляды его были смутны и положеніе грозно. Онъ слышалъ издалека шумъ милліона непріятелей, прибли-

жающихся опровергнуть могущество, которое онъ умѣлъ поддерживать одною силою, вмѣсто того, чтобы основать его на установленіяхъ. Тогда раскаялся онъ, что принялъ систему, которой чувствовалъ всю безсмысленность. Онъ съ горестію напоминалъ себѣ дни, которые терялъ выигрывая сраженіи, вмѣсто того, чтобы научиться царствовать Особенно сожалѣлъ о томъ великомъ безразсудствѣ, которое вошло ему въ голову, чтобы посредствомъ угнѣтенія преобразовать Европу. Просвѣщенная часть народа разбирала его дѣянія, онъ могъ ослѣплять одно простонародіе. Военные его сотоварищи были руководствуемы только побужденіями мужества, чувствованіемъ чести и привычкою исполнять свою должность. Они не сражались болѣе ни за него, ни за себя потому что единственнымъ ихъ честолюбіемъ было спасти безчисленной залогъ славы, ввѣренной ихъ мужеству.

Благородное ихъ честолюбіе производило чудеса. Молодые солдаты оспоривали неустрашимость у старыхъ. Удивительные марши, смѣлыя военные дѣйствіи доставили намъ самые неожиданные успѣхи. Устрашенные союзники видя себя отраженными во всѣхъ мѣстахъ, были изумлены

столь великою храбростію и столь благородною неутомимостію.

Покрытая мрачною завѣсою цѣль иностранной политики споспѣшествовала къ продолженію ужаснаго нашего бѣдствія. Сомнительные виды политики казалось запутали ходъ союза и отдалили конецъ нашему терпѣнію. При начатіи сей неравной борьбы, самые искренніе друзья Наполеона видѣли, что онъ не въ состояніи будетъ выдержать, но стараясь сохранить свои выгоды, даже на счетъ чести націи, хотѣли чтобъ Австрійскій Орелъ покрылъ колыбель младенца.

Еслибъ союзники захотѣли ясно объявить, каковою будетъ участь Франціи послѣ Наполеона, то нѣтъ сомнѣнія, что откровенное и чистосердечное ето объясненіе возродило бы изъ ея пепла партію Роялистовъ. Послѣ сего горестнаго изображенія, все сдѣлалось для насъ предметомъ недовѣрчивости и безпокойства. Германскіе Государи ошибясь въ мужествѣ нашихъ воиновъ и въ расположеніи поселянъ полагали, что упорство ето происходитъ отъ приверженности къ Наполеону, тогда, какъ сражались только изъ любви къ отечеству. Англія, какъ скоро Веллингтонъ

вступилъ въ наши предѣлы, позволила, чтобы Бурбоны взяли участіе въ нашихъ желаніяхъ и возбуждали бы нашу къ нимъ вѣрность Но въ тоже самое время Генералы объявили Роялистамъ, что они будутъ защищать только то правительство, которое принято будетъ большимъ числомъ и извѣщали ихъ сколь опасно требовать возвращенія прежнихъ Государей. Несмотря на сіи совѣты, крики: *Да здравствуетъ Король*, раздавались на Югѣ и въ Вогезской провинціи, чрезъ которую проѣхалъ Графъ д'Артуа.

Такимъ образомъ было прервано всеобщее молчаніе каковое царствовало объ высокой судьбѣ Бурбоновъ; любовь сохраняемая къ нимъ вѣрною партіею ожила во всѣхъ сердцахъ и укрѣпилась всеобщею пользою, которая всегда привязывается къ угнѣтаемому бѣдствію. Она съ восторгомъ была обнаружена, какъ скоро Парижъ объявилъ себя на сторонѣ Короля. Подобно быстротѣ молніи тѣже восклицаніи раздались отъ береговъ Сены до береговъ Роны и Лоора. Наполеонъ, изгнанный изъ всѣхъ сердецъ видѣлъ, что всѣ отъ него удалились. Союзники его, родные, уже его оставили и угнѣтенные подданные видя разрушен-

ными сей коллоссъ, рукоплескали его паденію и требовали возвращенія Государей, которыхъ мирное и отеческое правленіе всѣмъ обѣщало въ будущемъ благополучіе. Призваніе Бурбоновъ не было дѣйствіемъ какого либо тайнаго заговора. Чужестранцы входили въ партіи для того только, чтобы проникнуть мысли народа и исполнили его желаніи тогда, какъ всѣ единогласно потребовали мира и своего Короля. Одному народу предоставлена была честь, возстановить древнюю монархію съ которою въ продолженіи четырнадцати столѣтій предки наши срослись и слава, въ полученіи желаемаго, не посредствомъ принужденія, но добровольнымъ дѣйствіемъ и сильнымъ внутреннимъ желаніемъ.

Вотъ сокращеніе того пространнаго предмѣта о которомъ я намѣренъ писать; я выбралъ его въ той надеждѣ, что столь достопамятные происшествіи, повѣствуямыя безпристрастно, послужатъ къ славѣ моего отечества, котораго бѣдствіи не имѣютъ ничего для него унизительнаго, если вообразятъ, что пожавъ побѣдоносные лавры, оно оказало величіе свое въ злоключеніяхъ и нашло въ наслажденіи миромъ столь изобильные плоды, что

что забыло нещастіи, навлеченные на насъ пагубными лаврами. Столь рѣдкіе и героическіе добродѣтели успокоили раздраженные народы. Они хотѣли только въ награду за наше освобожденіе, въ нашихъ объятіяхъ отречься отъ чувствованій ненависти и раздора, которые внушилъ имъ противный духъ. Да подастъ мнѣ Кліо, открывъ завѣсу своихъ таинъ, столь щастливое внушеніе, чтобъ узнать посреди нашего благоденствія, также какъ и въ нашихъ бѣдствіяхъ, невидимую руку, покоряющую все верьховному своему могуществу, которая казалось хотѣла сдѣлать насъ предметомъ новой исторіи, для того чтобы мы служили урокомъ для всѣхъ народовъ!

Франція и половина Европы ничего не знали объ участи нашей арміи, съ тѣхъ поръ какъ она оставила развалины Москвы. Если для успокоенія общественнаго безпокойства Правительство и сообщало часть ея депешей, то содержаніе оныхъ столь было пусто, столь невразумительно, или столь противно догадкамъ, рождающимся отъ сего необыкновеннаго молчанія, что все, что только ни обнародовано было на етотъ щетъ, болѣе способствовало

къ подтвержденію страховъ, нежели къ подкрѣпленію надежды. Въ то время какъ пребывали въ сей ужасной неизвѣстности, смятеніи поколебали многіе большіе города Имперіи и даже самую столицу, гдѣ владычество Наполеона казалось столь страшнымъ и столь хорошо утвержденнымъ; но сіе Правительство, по наружности твердо установленное, едва не опроверглось удивительнымъ соединеніемъ нѣсколькихъ отважныхъ людей, которые привели въ мгновенное недоумѣніе самаго Министра, у коего находились подъ стражею.

Сіи происшествія, случившіеся вдругъ въ Государствѣ, котораго безпрестанно возвѣщали твердость, устрашили самыхъ смѣлыхъ гражданъ; въ первый еще разъ они почувствовали, что страшное его могущество состояло только въ одномъ войскѣ и что перенеся силы свои на границы Азіи, безъ добраго мнѣнія и народной любви, оно ослабѣвало отъ безчисленнаго разстоянія раздѣляющаго Парижъ отъ столицы Россіи. Однакожъ внутреннія смущенія были успокоены, заговоръ открытъ и злоумышленники наказаны; но отдаленность Наполеона, подвергая опасности наше существованіе и твердость Государ-

ства, приводила въ ужасъ самые неустрашимые души и усугубляла горесть семействъ, которые при наступающей суровости зимы, обращали безпокойные свои взоры къ тѣмъ странамъ, которыхъ холодной климатъ могъ похитить у нихъ отца, супруга, или сына.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ протекло въ семъ плачевномъ недоумѣніи, какъ вдругъ явился 29 бюллетень, въ которомъ ясно описывали о бѣдствіяхъ арміи. Черезъ два дни послѣ изданія его, Наполеонъ оставилъ армію, проѣхалъ Литву подъ чужимъ имянемъ и прибылъ въ Варшаву, гдѣ онъ предсталъ предъ своего посланника въ такомъ положеніи, которое изображало разительный примѣръ непостоянства человѣческаго величія. Онъ немедленно потребовалъ главнѣйшихъ Министровъ Великаго Герцогства и разговаривая съ ними, ясно доказалъ несвязность въ мысляхъ, холодную нечуствительность, пустоту прежнихъ своихъ предпріятій и ослѣпленіе въ будущихъ своихъ опасностяхъ.

Изъ Варшавы, онъ прибылъ въ Глогау; будучи принужденъ до вступленія въ Саксонію переѣзжать Прусскіе владѣніи, онъ велѣлъ сопровождать себя отряду почетной

Гвардіи, пришедшей вновь изъ Италіи; холодъ былъ столь жестокъ, что на первой станціи у всѣхъ молодыхъ людей были переморожены члены. Пріѣхавъ въ Дрезденъ, Наполеонъ остановился у Графа де Серры своего посланника, потомъ взялъ ванну, поужиналъ и легъ въ постелю; онъ приказалъ позвать къ себѣ Саксонскаго Короля; Монархъ сей, удивленный столь страннымъ явленіемъ, хотя былъ не слишкомъ здоровъ, но прибылъ къ Наполеону въ портшезѣ: во время продолжительнаго разговора, Наполеонъ предписалъ ему все, что онъ долженъ дѣлать, чтобъ воспрепятствовать покоренію великаго Герцогства Варшавскаго. Потомъ онъ пустился въ путь. На другой день по утру уполномоченные Министры при Саксонскомъ дворѣ, отправили нарочныхъ къ своимъ Государямъ съ увѣдомленіемъ о столь неожиданномъ проѣздѣ Бонапарта.

Наконецъ 18 Декабря въ полночь, онъ прибылъ въ Парижъ. Но на сей разъ не предшествовали ему съ лавровыми вѣтьвями, какъ послѣ Тильзитскаго мира; вступленіе его было, такъ сказать, потаенное. Столица въ слезахъ предавалась отчаянію, которое произвелъ во всѣхъ

семейсшвахъ пагубный бюллешень, какъ вдругъ на разсвѣшѣ, мониперъ объявляешъ унылымъ Французамъ о прибышіи Наполеона въ Тюльери и извѣщаешъ о вожделенномъ его здравіи, какъ будшо бы оно могло вознаградишь ихъ за шоликіе бѣдсшвіи.

Разсшроенный опасносшями, кошорымъ онъ подвергался послѣ пораженія своего проѣзжая угнѣшаемыя имъ владѣніи, онъ помышлялъ шолько о собсшвенной безопасносши и о суешносши связей поддерживающихъ его могущесшво. Усшрашенный сими двумя ужасными мыслями, прежде всего онъ присшупилъ къ набору солдашъ, чшобы снова укрѣпишь власшь свою и провозгласишь въ прошивносшь древнимъ законамъ Государсшва новые законные права, для лучшаго ушвержденія за собою наслѣдсшва блисшашельной своей короны.

На другой день Сенашъ собрался поздравишь его съ благополучнымъ прибышіемъ и предсшавилъ, чшо неизвѣсшносшь о наслѣдсшвѣ пресшола производишъ внушренніе волненія, шерзающіе народъ. Онъ обнаружилъ желаніе, чшобы шоржесшвенная клятва впредь присоединила всѣхъ Французовъ къ новому поколѣнію и чшобы по

примѣру прежнихъ Королей вѣнчанъ былъ юный Принцъ, призываемой къ престолу залогомъ будущаго своего владычества. Государственный совѣтъ изъявилъ тоже мнѣніе, прибавя къ тому, что вѣрное изображеніе непредвидѣнныхъ нашихъ потерь, внушило благородные чувствованіи народу, благодарному къ Генію покровителю Франціи, которой предваривъ дѣйствіе толикихъ бѣдствій, представляетъ случай къ пріобрѣтенію новой славы.

Въ сихъ важныхъ обстоятельствахъ, Наполеонъ будучи столько же занятъ правленіемъ своей Имперіи, какъ и собраніемъ скорой помощи, которой требовала разбитая его армія, отвѣчалъ Сенату, что всѣ мысли его стремятся только къ тому, чтобъ навсегда утвердить спокойствіе Имперіи и оградить народъ свой отъ внутреннихъ раздоровъ, что престолъ его былъ возстановленъ на развалинахъ безначалія, и по единогласному желанію Французовъ. Онъ уподоблялъ мужество градоправителей храбрости солдатъ и далъ почувствовать, что первѣйшая необходимость Имперіи имѣть достойныхъ чиновниковъ, ибо они есть истинные защитники Государства, законовъ, правъ, короны и обще-

ственнаго порядка. « Предки наши собира»
» лись по зову: *Король умерЪ, да здрав»*
» *ствуетЪ Король!* Краткіе слова сіи,
» прибавилъ онъ, содержатъ въ себѣ глав»
» ную пользу Монархіи. » Потомъ увѣряя, что война противъ Россіи была война политическая и что онъ предпринялъ ее безъ всякой вражды, отвѣчалъ Государственному Совѣту рѣчью, которой окончаніе будетъ для потомства незабвенно, чтобы доказать какъ хорошо Наполеонъ постигъ причины нашей революціи и сколько ненавидѣлъ правила провозглашаемыя тѣми, которые осмѣливались бы еще ее возобновить: » Никому болѣе, какъ идео-
» логіи, сей мрачной метафизикѣ, которая
» проницательно изыскивая первыя причи-
» ны, хочетъ учредить на своихъ основа-
» ніяхъ законодательство народовъ, вмѣсто
» того, чтобъ приспособить законы къ
» познанію человѣческаго сердца и уроковъ
» исторіи, надобно приписать всѣ бѣдствіи,
» претерпѣнные безпримѣрною нашею Фран-
» ціею. Сіи заблужденіи должны были и
» дѣйствительно истребили знаменитыхъ
» людей. Кто провозглашалъ мятежниче-
» ство должностію? Кто могъ обласкать
» народъ, призывая его къ Самодержавію,

» котораго онъ неспособенъ исполнить?
» Кто разрушалъ святость и почтеніе къ
» законамъ, заставляя зависѣть ихъ не
» отъ священныхъ правилъ природы и граж-
» данскаго правосудія, но единственно отъ
» воли собранія людей, которымъ неизвѣ-
» стны ни гражданскіе, ни уголовные, ни
» верьховные, ни политическіе; ни военные
» законы? Когда призываютъ возстановить
» Государство, то должно слѣдовать со-
» вершенно противнымъ тому правиламъ.
» Исторія изображаетъ человѣческое сердце.
» Въ ней одной надобно искать пользы и
» неудобства различныхъ узаконеній. Вотъ
» правила, которыхъ Государственный Со-
» вѣтъ великой Имперіи никогда не долженъ
» терять изъ виду; онъ обязанъ исполнять
» ето съ величайшею неустрашимостію и
» по примѣру президентовъ Гарлáя и Моле
» быть въ готовности погибнуть, защи-
» щая Государя, престолъ и законы.

Наполеонъ прямо обвинивъ друзей свободныхъ мыслей зачинщиками заговора, обнаружившагося въ его отсудствіи, принялъ прочихъ первыхъ членовъ Государства. Всѣ объявили ему, что Французы, опытомъ наученные, не могутъ основать твердаго Правительства, не пожертвовавъ

наслѣдію короны, справедливо почитаемой основательною статьею преданности нашихъ предковъ и что члены Государства, хранители прежнихъ правъ, отрицаются *отъ сихъ дерзновенныхъ новостей, которые опровергая всѣ постановленіи, увлекаютъ за собою все относящееся къ престолу*. Правила сіи, признанные и принятые новымъ поколѣніемъ, служили доказательствомъ въ пользу того, которое послѣ представило права свои. Но въ ето время, не оспоривали у Наполеона его правъ; одна мрачная совѣсть его производила въ немъ тревоги и всегда заставляла бояться, что онъ недовольно еще сдѣлалъ для утвержденія своего престола.

Желая предупредить дѣйствіи заговора Маллета, котораго важные послѣдствія онъ чувствовалъ больше всѣхъ, Наполеонъ хотѣлъ судъ етотъ сдѣлать общенароднымъ. Всѣ отдѣленіи Сената были созваны для того, чтобъ произнести свое мнѣніе о поступкахъ въ семъ случаѣ Сенскаго Префекта. Они всѣ объявили, что если сей Градоначальникъ и не участвовалъ въ заговорѣ, то по крайнѣй мѣрѣ оказалъ малодушіе, недостойное подобнаго чиновника что онъ заслуживаетъ быть

наказанъ за забвеніе обязанностей, налагаемыхъ на него клятвами, данными Наполеонову поколѣнію, но что трудности съ коими сопряжено новое судопроизводство, заставляютъ думать, что гораздо свойственнѣе отрѣшить его отъ должности. И на другой день Г. Фрошо, лишился мѣста Префекта и чина Государственнаго Совѣтника.

Наполеонъ былъ слишкомъ жестокъ, слишкомъ самовластенъ и слишкомъ презрительно поступалъ съ людьми, а потому не могъ быть любимъ народомъ, просвѣщеннымъ, великодушнымъ, но гордымъ. Однакожъ, гнусная его политика, соединивъ участь Государства съ собственнымъ его лицемъ, заставляла почитать благополучіемъ имѣть владыкою такого человѣка, который одинъ только могъ исправить причиненное имъ зло; но вмѣсто того, чтобъ негодовать на его ошибки, рѣшились на чрезвычайные пожертвованіи для отвращенія бѣдствій, казавшихся неизбѣжными. Всѣ участвуя въ побѣдахъ его, желали ему новыхъ успѣховъ, страшась навлечь на себя наказаніе, которымъ угрожало его пораженіе.

Всѣ журналы Франціи, всѣ адресы

[library stamps]

главнѣйшихъ чиновниковъ наполнены были увѣреніями преданности и вѣрности Наполеону и живѣйшимъ побужденіемъ, каковое его присудствіе придало новому вооруженію. Чтобы доказать высочайшую степень сохраненнаго имъ владычества, несмотря на величайшія его злоключеніи, достаточно будетъ сказать, что Римскіе депутаты прибыли благодарить его за то, что онъ далъ сыну своему титло Государя ихъ города и до того простерли свое уничиженное ласкательство, что не устыдылись сказать, по возвращеніи уже его изъ Москвы, что умоляютъ его удостоить своимъ присудствіемъ Римъ, чтобы жители могли насладиться лицезрѣніемъ священной его особы, сидящей на возвышенномъ тронѣ во дворцѣ Кесарей; что тамъ, въ сихъ священныхъ стѣнахъ, Римляне украсятъ чело его неувядаемыми лаврами; что вшествіе его въ Капитолію будетъ торжественнѣйшимъ и болѣе заслуженнымъ всѣхъ тріумфовъ и что онъ изгладитъ изъ памяти всѣхъ толико прославленныхъ древнѣйшихъ воиновъ и знаменитѣйшихъ Императоровъ!

Русскіе, по истребленіи нашей арміи не имѣя препятствій, вступили въ Вильну и

обнародовали достопамятную прокламацію въ которой возвѣщали освобожденіе Европы. Англійскіе Генералы, присоединясь къ нимъ, и споспѣшествуя своими мнѣніями новой военной системѣ, сообщили своему Правительству о послѣдствіяхъ компаніи столь пагубной для нашего оружія, которую Англійской народъ приписывалъ непоколебимой своей твердости. Принцъ Регентъ, удивлялся великодушному народу, которой будучи твердъ въ своихъ правилахъ, лучше предпочиталъ погребсти себя подъ развалинами отечества, нежели согласиться на свое порабощеніе.

Лордъ Ливерпуль, въ качествѣ Канцлера возбудилъ вниманіе камеры нижняго Парламента, напоминая о неожиданныхъ происшествіяхъ долженствующихъ имѣть величайшее вліяніе на дѣла Европы. « Франція, говорилъ онъ, употребила противъ » Россіи такіе усиліи, которыхъ она ни» когда не употребляла ни противъ какой » другой державы. Наполеонъ наводнилъ » страну сію безчисленною арміею въ ту » минуту, какъ большая часть Россійскихъ » войскъ находилась противъ Турковъ. Не » было еще примѣра въ новѣйшихъ войнахъ, » прибавилъ онъ, столь великодушной пре-

» данности, каковую оказалъ Россійскій
» народъ. Онъ жертвовалъ всѣмъ, даже са-
» мою столицею. Тысячи городовъ и дере-
» вень были разрушаемы при появленіи
» Французовъ. Для чего же они желали овла-
» дѣть Россіею? Для того, что она не
» соглашалась принять континентальной
» системы, не соглашалась запретить
» привозить въ свои пристани произведе-
» нія Англійской промышленности, а по
» всему этому и видно, что Москвою хо-
» тѣли нанести вредъ Великобританіи и
» соображая отношеніе къ нашимъ выго-
» дамъ, мы извлекли большую пользу отъ
» послѣдствія сего предпріятія. Не уже ли
» ничего не значитъ производить торго-
» влю съ 42 милліонами жителей? Мы
» ощутили уже выгоду въ возвышеніи цѣны
» колоніальныхъ нашихъ товаровъ. Издѣліи
» наши не менѣе уважаемы по многочи-
» сленнымъ требованіямъ произведеніи Ан-
» глійской промышленности. Наконецъ всѣ
» вѣтви нашей торговли получили новую
» жизнь; утвердимъ между обѣими дер-
» жавами союзъ, къ коему ихъ пользы столь-
» ко же привязаны, какъ и выгоды всей
» Европы. »

Спустя три дни послѣ сего предложе-

нія, Графъ Ливенъ Генералъ-Адьютантъ Россійскаго Императора въ качествѣ Посланника прибылъ въ Лондонъ. Лордъ Кастельригъ представивъ его Принцу Регенту, созвалъ Тайный Совѣтъ, на которомъ присудствовали первые Государственные чины. Лордъ Вальполь, бывшій за нѣсколько передъ симъ времянемъ въ Петербургѣ, получилъ повелѣніе отправиться въ Вѣну. Великобританскіе же Министры, исполненные довѣренности къ прозорливости сего юнаго дипломатика, льстились надеждою, что онъ вскорѣ произведетъ перемѣну въ совѣтахъ Австріи. Въ Лондонѣ уже говорили о приведеніи Европы въ прежнее положеніе, въ которомъ была она двадцать лѣтъ тому назадъ. Всякой предвидѣлъ, что кончилось честолюбивое поприще Наполеона и онъ долженъ ограничить себя одною Франціею; но Наполеонъ, будучи далекъ отъ того, чтобъ устрашиться своихъ нещастій, казался еще болѣе угрожающимъ; какъ въ журналахъ, такъ и въ дипломатическихъ своихъ отношеніяхъ, онъ предсказывалъ бѣдствіе тѣмъ, которые допустятъ себя быть увлеченными совѣтами Англіи, увѣряя, что сорокъ милліоновъ народа не могутъ

ничего страшиться, что совершенное развитіе силъ усугубитъ его могущество, что онъ не имѣетъ нужды ни въ людяхъ, ни въ деньгахъ, а если ему и угрожаютъ, то Французы ничѣмъ не подорожатъ для соблюденія общей безопасности Имперіи, Италіи и Рейнскаго Союза.

Въ такомъ обстоятельствѣ, гдѣ политика принуждала Наполеона обуздать себя для сохраненія Союзниковъ, столь высокомѣрной языкъ много способствовалъ къ отклоненію отъ него народовъ довольно могущественныхъ, чтобъ разорвать цѣпи при первомъ знакѣ его ослабленія. Хотя Австрія и желала поддержать Французскую Имперію, но совсѣмъ тѣмъ Вѣнскій дворъ претерпѣлъ столь значительные потери и еще въ недавнемъ времяни отказъ удовлетворить условіямъ, которыми купленъ союзъ съ нимъ, былъ для него такимъ поношеніемъ, что Австрійскіе Министры болѣе не колебались явно говорить объ истинной пользѣ Государства; всѣ объявили, что должно воспользоваться нещастіями Наполеона, чтобъ исторгнуть у него то, что столько разъ было обѣщано. Мнѣніе сіе столь единодушно было принято, что Австрійскій народъ въ пораженіи

Французской арміи находилъ единственное средство возвратить обратно потерянное и отмстить честь оружія, столь долговременно унижаемаго.

Вспомогательный Австрійскій корпусъ, въ продолженіи Россійской компаніи отступалъ при появленіи Русскихъ. Такимъ образомъ увидѣли себя оставленнными Поляки, которыхъ усиліи были слишкомъ слабы, чтобъ предохранить отечество свое отъ угрожающаго ему вторженія. Вотще былъ собранъ Сеймъ и положенъ всеобщій союзъ; вотще провозглашеніи сихъ собраній и Короля предписывали многочисленные вооруженіи, сіи позднія мѣры содѣлались обманчивы.

Всѣ Государственные чины Австрійской Имперіи были призваны въ Вѣну. Графъ Гоецъ, Губернаторъ отдаленныхъ отъ столицы Провинцій, также туда прибылъ. Сіе обстоятельство было замѣчено потому, что съ тѣхъ поръ какъ Наполеонъ держалъ его въ заточеніи, Министръ сей питалъ къ нему сильнѣйшую ненависть. Въ семъ торжественномъ совѣщаніи рѣшено было набрать многочисленные войска, чтобъ приготовить къ веснѣ могу-

щественные силы. Въ тоже время Графъ Бубна, Генералъ столько же уважаемый по своимъ свойствамъ, какъ и по военнымъ дарованіямъ, былъ посланъ въ Парижъ по дипломатическимъ дѣламъ. Выборъ сего посланника давалъ предчувствовать ходъ переговоровъ потому, что Бубна, со времяни Пресбургскаго мира всегда былъ выбираемъ своимъ Государемъ для защищенія противъ Наполеона Государственныхъ пользъ. Искусный сей ходатай во всѣхъ препорученіяхъ, употреблялъ столь заманчивые виды съ самымъ грубымъ и вспыльчивымъ человѣкомъ, что достигъ до того, что заставилъ его любить себя и снискалъ искусство проникать его тайны, не подавая ему въ томъ даже тѣни подозрѣнія.

Союзъ нашъ съ Пруссіею, заключенный отъ страха, еще менѣе Австрійскаго былъ надѣженъ; друзья сего Государства, дорожа его славою и будучи неутѣшны послѣ Іенскаго пораженія, не могли рѣшиться оставить блистательное наслѣдіе Великаго Фридриха въ унизительномъ положеніи, въ которое ввергнулъ его Тильзитскій миръ. Пруссаки смотрѣли на насъ съ негодованіемъ и какъ скоро бѣдствіи наши въ

Россіи сдѣлались извѣстными, народъ и дворянство обнаружили надежду свою на скорое освобожденіе. Совсѣмъ тѣмъ, Прускіе солдаты сражались еще съ такимъ мужествомъ, которое часто извлекало у насъ заслуженные похвалы и слухъ объ ихъ добровольномъ отступленіи утверждался пристрастными писателями, въ которыхъ духъ партіи заглушалъ чувствованіи къ справедливости.

Въ то время, какъ Французская армія была въ Москвѣ, Герцогу Тарентскому, подъ начальствомъ котораго находился корпусъ Пруссаковъ препоручена была осада Риги. Получивъ извѣстіе о совершенномъ истребленіи Французской арміи, онъ расположился отступить за Немень съ дивизіею Гранджана и бригадою Генерала Массембаха; остатокъ Прусскаго корпуса, начальствуемый Генераломъ Іоркомъ, составлялъ арріергардъ и слѣдовалъ за нимъ въ односуточномъ разстояніи. Россійскій Генералъ Паулуччи, выступивъ тогда изъ Риги, овладѣлъ безпрепятственно Митавою и далъ повелѣніе слѣдовать за нашимъ десятымъ корпусомъ Генералу Левизу, тѣмъ времянемъ какъ самъ принялъ направленіе отъ Палангена на Мемель, кото-

рымъ овладѣлъ вмѣстѣ съ крѣпостію. 26 Декабря Герцогъ Тарентскій встрѣтилъ въ окружностяхъ Тильзита дивизію Русскихъ. Генералъ Башелю и Прусская кавалерія атаковали ее и сразились.

Через три дни послѣ того Герцогъ Тарентскій вошелъ въ Тильзитъ, изъ котораго вышелъ Генералъ Теттенборнъ, бывшій Адьютантомъ у Князя Шварценберга и вновь вступившій въ Россійскую службу. Тѣмъ времянемъ Генералъ начальствующій арріергардомъ, заключилъ съ Россійскимъ Генераломъ Дибичемъ договоръ, по силѣ котораго Пруссаки оставили Французскую армію, въ ожиданіи повелѣніи отъ своего Государя. Генералъ Іоркъ сообщилъ Тарентскому Герцогу о своемъ поступкѣ и писалъ, что, невзирая на судъ потомства, онъ поступилъ по справедливымъ причинамъ. На другой день Генералъ Русской убѣждалъ Генерала Массембаха согласоваться съ тѣмъ же договоромъ. Прусскій Генералъ поспѣшно тому повиновался и оставилъ ввѣренной ему постъ. До отъѣзда своего онъ равномѣрно извѣстилъ Маршала, о своемъ намѣреніи. Таково было первое дѣйствіе отложенія союзниковъ

Наполеона, которые были оправданы успѣхами.

Прусскій Король писалъ къ Мюрату, что намѣренъ отправить Князя Гацфелда въ Парижъ, для увѣренія Наполеона, что неслыханное сіе произшествіе не перемѣнитъ дружественныхъ расположеній Пруссіи. Но посольство сіе, обѣщанное 5 Генваря произведено въ дѣйство только 11. Наконецъ Король отрѣшилъ отъ должности Генераловъ Іорка и Массембаха и сверьхъ того Адьютанту своему Маіору Нацмеру препоручилъ отправиться въ Кенигсбергъ для задержанія Генерала Іорка и врученія начальства Генералу Клейсту.

Между тѣмъ приказано было выдать Прусскимъ Агентамъ 60 тысячь ружей, набранныхъ на дорогѣ, чрезъ которую проходила наша армія, для вооруженія набранныхъ Пруссіею рекрутъ. Герцогъ Кастигліонъ и даже Сентъ-Морсанъ, имѣвшіе въ то время пребываніе свое въ Берлинѣ, перьвый въ званіи Губернатора, а вторый Посланника, говорили противъ сего. Еще болѣе укрѣпляло ихъ въ томъ неудовольствіе, оказываемое противъ Іорка, Барономъ Гарденбергомъ справе-

дливо почитаемаго душею Прусской политики. Наконецъ они увѣряли, что при етомъ случаѣ Государь и весь дворъ вскорѣ докажутъ приверженность свою къ Наполеону и живѣйшее желаніе сохранить съ нимъ союзъ, исправивъ непредвидѣнное отложеніе увеличеніемъ слѣдующаго отъ нихъ пособія.

До сихъ поръ Наполеонъ, скрывая свои злополучіи, не осмѣливался испрашивать у народа столь многочисленнаго вспомоществованія, каковаго требовало его положеніе. Сто баталіоновъ, составленныхъ изъ всѣхъ юношей національной Гвардіи, избавившихся отъ предъидущихъ наборовъ, вступили въ его распоряженіе. Сіи баталіоны просили позволенія по внушенію своего начальника, умножить число дѣйствующей арміи. Радуясь таковому опыту приверженности, Наполеонъ притворился не желающимъ принять ихъ, но какъ скоро узналъ объ отложеніи Генерала Іорка, при столь благопріятномъ случаѣ, не удерживалъ болѣе многочисленныхъ вооруженій, коихъ требовала ужасная брань, въ которой онъ былъ вовлеченъ. Онъ немедленно сзываетъ совѣтъ и объявляетъ ему, что однихъ соединенныхъ силъ Франціи и

Италіи было бы достаточно для поддержаніи войны противъ Россіи, предполагая что Австрія, Данія и Пруссія пребудутъ вѣрны союзу, что хотя еще ничто не предвѣщало перемѣны ихъ расположенія, но что совсѣмъ тѣмъ благопріятныя расположенія Государей, его союзниковъ, не могутъ предохранить насъ отъ дѣйствій Англіи, которой хитрости были причиною отступленія Генерала Іорка, а потому и надобно прибѣгнуть къ большему собранію силъ, чтобъ оградить національную честь отъ пагубнаго сего вліянія.

Сенатъ, представленный при семъ случаѣ, требовалъ, чтобъ присоединить къ дѣйствующей арміи сто баталіоновъ національной Гвардіи и набрать сто тысячь человѣкъ по послѣднимъ четыремъ конскрипціямъ, наконецъ набрать сто тысячь за 1814. годъ, для охраненія нашихъ крѣпостей и границъ въ ожиданіи того, какъ они будутъ довольно хорошо обучены, чтобъ могли выступить въ полѣ. Рено де Сентъ-Жеанъ д'Анжели, коему препоручено было защищать сіе предположеніе, обвинялъ дѣятельное развращеніе Англичанъ, уготовавшихъ вѣчное пятно Генералу Іорку. Онъ приписывалъ Великобритан-

скому Кабинету всѣ источники ненависти, семена раздора и замѣшательства, могущіе удалить, или отлучить подданныхъ отъ своихъ Государей и народы отъ своего Правительства. «Такимъ то образомъ, » говорилъ онъ, многочисленные общества » подъ имянами *друзей истинны, природы, и проч.* или подъ другими не менѣе » странными названіями, были составля» емы, ободряемы, поддерживаемы, для » проповѣдыванія ненависти, злоумышле» нія, неповиновенія противъ всякаго Го» сударя, друга Франціи и спокойствія на » твердой землѣ.» Ораторъ не ограничился тѣмъ, что гремѣлъ противъ сего отложенія, но къ стыду страждущаго человѣчества осмѣлился присовокупить, что отступленіе отъ Москвы прославило совершившаго оное Генія. Выраженіе самое низкое и самое ласкательное изъ всѣхъ вышедшихъ изъ устъ человѣка, коего обязанность состояла въ томъ, чтобъ защищать политическіе ошибки и оправдывать злоупотребленіи власти. Ни одного великодушнаго голоса не слышно было къ поощренію перемѣнить систему, позволяющую Франціи избѣгнуть новыхъ бѣдствій,

которыми она была угрожаема и на все требуемое получено согласіе.

Союзъ Пруссіи съ Наполеономъ болѣе былъ противенъ, нежели благопріятенъ его успѣхамъ а потому онъ и ошибся заключивъ такой союзъ, которой предалъ его двору, слишкомъ уже имъ оскорбленному.

Какъ скоро узнали отложеніе Пруссаковъ и извѣстились о безчисленныхъ вооруженіяхъ, возвѣщающихъ опасности отечества, то со всѣхъ сторонъ появились адрессы, въ которыхъ каждый городъ, каждый Департаментъ изъявлялъ негодованіе, признаться, что сіе обстоятельство, послѣдовавшее за таковыми бѣдствіями, еще болѣе заставило принимать участія въ участи Наполеона и было причиною, что негодованіе обнаружилось съ притворною искренностію. Должно замѣтить, что этимъ обязаны мы просвѣщенію и что со времяни возстановленія общественнаго права въ Европѣ, всеобщее мнѣніе обвиняетъ всегда того, которой удаляется отъ правилъ чести и приноситъ на жертву честолюбію своему тысяча невинныхъ подданныхъ.

Одоло двадцати лѣтъ Франція вела

войну неразлучно съ славою и если нѣкоторые потери, оскорбляли ея оружіе, то въ послѣдствіи они же придавали ея трофеямъ новый блескъ. Войски, образованные во время революціи, всегда дополнялись конскриптами, которые, научаясь посреди старшихъ, въ короткое время пріобрѣтали военной духъ и подавали средство народу замѣнять ежегодные потери. Въ продолженіи послѣдней компаніи, вся армія была истреблена и казалось невозможнымъ набрать новую. Находили людей, но имъ не льзя было вдругъ дать тотъ духъ и свойства, которое старые служивые передаютъ новобраннымъ. Врожденное мужество въ сердце Французовъ заставляло надѣятся скораго образованія; но не взирая на ихъ усердіе и неустрашимость, можно ли дать имъ опытность, которая пріобрѣтается только времянемъ? Гдѣ сыскать наставниковъ для обученія кавалеристовъ и артиллерійскихъ Офицеровъ для управленія молодыми канонерами? Наконецъ кто образуетъ новую Гвардію и роты Саперовъ и Понтонщиковъ? Совсѣмъ тѣмъ оно было необходимо и обстоятельства требовали, чтобъ въ два мѣсяца все было вновь создано.

Тѣмъ временемъ какъ взывали къ великодушію Французовъ и когда Парижъ принималъ знаки приверженности, журналы, чтобъ лучше возбудить духъ народа, посредствомъ извлеченій изъ Французской исторіи безпрерывно извѣщали о знаменитыхъ пожертвованіяхъ, приносимыхъ къ подножію престола и на олтарь отечества. Сердца Французовъ, всегда приходящіе въ движеніе при священныхъ словахъ, чести, славы и независимости, стремились переносить нужды, требуемые опасностями Государства. Гражданское общество Парижа обѣщало набрать полкъ конныхъ Егерей. Благородному сему примѣру, поданному столицею, вскорѣ послѣдовали главнѣйшіе горола Имперіи. Повсюду великодушное побужденіе одушевляло гражданъ. Чиновники, помѣщики, торговцы, сословіе ученыхъ и фабрикантовъ, стремились представлять лошадей, деньги и всякими средствами, споспѣшествовать утвержденію нашего благоденствія. Новые Французы, ревнуя сохранить знаменитое сіе титло, старались сравниться съ ихъ предками. Департаменты, лежащіе за Альпійскими горами и около Рейна объявили чрезъ своихъ правителей, что они ничѣмъ

не подорожатъ для восторжествованія надъ непріятелемъ и всѣ съ радостію предлагали себя и имущество для защиты Имперіи и для поддержанія ея славы.

Тѣмъ времянемъ какъ Наполеонъ былъ занятъ собраніемъ новыхъ войскъ, остатки кинутой имъ арміи ежедневно уменьшались. Послѣ его отбытія, бѣдствіи столь раздражили Генераловъ, что они не страшились болѣе явно обнаруживать своего негодованія и большая часть изъ нихъ, завидуя другъ другу, отдѣлились, чтобъ дѣйствовать особенно. Неаполитанскій Король, пріобрѣтшій себѣ славу, начальствуя войсками; доказалъ въ бѣдственномъ семъ походѣ, что тамъ недостаточно одного мужества, гдѣ потребно хладнокровіе, твердость и искусство. Вмѣсто всѣхъ силъ добродѣтелей, онъ заключалъ въ себѣ всѣ слабости тѣхъ, которые, любя верховную власть не умѣютъ переносить строгихъ ея обязанностей. Неаполитанскіе придворные, составлявшіе главной его штабъ, приведенные въ ужасъ потерями и страданіями отступленія, неслыханнаго въ военныхъ лѣтописяхъ, сожалѣли о Неаполитанскихъ наслажденіяхъ; воспользовавшись обстоятельствомъ, въ

которомъ Королевское достоинство согласовалось съ ихъ выгодами, они сказали Іоахиму, что начальство надъ презрѣнными остатками разбитой арміи, совсѣмъ не прилично для Владыки столь прекраснаго Королевства, что онъ обязанъ собою блаженству своихъ подданныхъ, которые давно уже желаютъ видѣть Государя въ нѣдрахъ своихъ владѣній, а не въ отдаленныхъ странахъ, завоеваніе которыхъ ничего не прибавитъ къ блеску его короны.

Слова сіи, льстя самолюбію Іоахима, склоняли его освободить себя отъ бремяни, котораго тяжести онъ не могъ болѣе переносить. Симъ обстоятельствомъ онъ доказалъ въ какое чрезмѣрное ослѣпленіе можетъ повергнуть насъ тщеславіе. Не уважая почтенныхъ остатковъ Императорской гвардіи, онъ предпочелъ имъ нѣсколько отрядовъ Неаполитанской, встрѣтившейся съ нимъ на пути, которою окруживъ себя, полагалъ свѣжестію ихъ вооруженія возстановить свое достоинство. По прибытіи въ Кенигсбергъ, вмѣсто того, чтобъ заняться военными распоряженіями, онъ казалось былъ обрадованъ сыскавъ одежду, великолѣпіе которой на-

поминало его Величество; далъ большой пиръ и съ пышностію и важностію принималъ Прусскихъ чиновниковъ, которые однакожъ не ослѣпились смѣшнымъ великолѣпіемъ Генералиссимуса безъ войска. Не нашедъ корпуса Тарентскаго Герцога, на которой онъ надѣялся въ защитѣ Немена, Іоахимъ пришелъ въ большое замѣшательство. Онъ немедленно очистилъ Кенигсбергъ оставивъ въ сей столицѣ магазины, оцѣненные болѣе нежели въ тридцать милліоновъ. Рѣшились лучше лишиться ихъ, нежели заплатить подрядчикамъ, которые брались ихъ вывѣсть. Сверьхъ того оставили множество Офицеровъ, изнуренныхъ при отступленіи. И въ етомъ городѣ умерли Генералы Ларибуасьеръ, Эбле, Бараге д'Илліеръ и многіе другіе не столь извѣстные, но по заслугамъ своимъ равно драгоцѣнные для Франціи. 10. Корпусъ не въ силахъ будучи болѣе удерживать непріятеля, отступилъ за Пассаржу.

Остатки большой арміи въ началѣ 1813 года расположились на Вислѣ: 1 корпусъ въ Торнѣ и въ Бромбергѣ. 2 и 3 въ Маріенбургѣ. 4 и 9 въ Моріенвердерѣ. 5 и 7 въ Варшавѣ и 6 на Подолѣ. Наконецъ вся

кавалерія должна была соединиться въ Ельбингѣ, которой въ продолженіи компаніи 1807 года, для арміи былъ чрезвычайно полезенъ. Въ семъ городѣ были лучшія магазины Пруссіи. Близость острова Ногата, извѣстнаго своимъ изобиліемъ, придавала надежду находить съѣстные припасы и фуражъ для кавалеріи, которой остатки собиралъ Генералъ Бурсье.

Бездѣйствіе людей, избѣгнувшихъ злополучій при отступленіи, породило жесточайшіе болѣзни; города, гошпитали и дома были наполнены солдатами, неспособными къ службѣ; однимъ отрѣзывали отмороженные члены и они отъ жестокихъ судорогъ прекращали жизнь; другіе бывъ изнурены страданіями и лишены всѣхъ нравственныхъ способностей, умирали такъ, что имъ невозможно было подать ни малѣйшаго вспомоществованія. Вскорѣ нервическая и заразительная лихорадка пожала тѣхъ, коихъ столь долго щадила война. Послѣ великаго томленія отъ голода не въ силахъ человѣческихъ быть воздержну, воины не имѣвъ къ тому достаточныхъ силъ находили смерть въ тѣхъ самыхъ кушаньяхъ, которые долженствовали бы возвращать ихъ къ жизни.

Такимъ образомъ по претерпѣніи всевозможныхъ бѣдствій къ довершенію злополучія надлежало изобилія столько же страшиться какъ и голода.

Хотя Прусское правительство также удовлетворяло нашимъ нуждамъ, какъ бы мы по прежнему были могущественны и страшны, не менѣе того народъ одобрялъ поступокъ Генерала Iорка; повсюду раздавались противъ насъ восклицанія. Военные, соединялись съ кипящею юностію, раздраженные Iенійскимъ пораженіемъ, увеселялись надеждою вскорѣ освободиться отъ уничиженія, въ которое они были нами повержены. Оскорбительные отзывы Наполеона также возбуждали мщеніе; наконецъ порабощеніе Короля, содѣлавшагося по принужденію нашимъ союзникомъ, все споспѣшествовало къ воспламененію негодованія сего народа, котораго ненависть, обнаруженная противъ нашего Владыки, никогда не простиралась въ особенности на Французовъ. Россіяне, вступивъ въ Кенигсбергъ, съ восхищеніемъ были приняты жителями; чтобъ ускорить будущій союзъ ихъ., они дружелюбно обходились со всѣми Пруссаками, называя ихъ товарищами и добрыми сосѣдами;

уговаривали ихъ вооружиться и присоединиться къ корпусу Іорка съ ними идущему и наконецъ обѣщали, что имъ не сдѣлано будетъ ни малѣйшаго оскорбленія и всегда будетъ оказано должное правосудіе.

Въ столь плачевномъ положеніи для Французской арміи, большая часть начальниковъ не знали что дѣлать; всякое между ими сообщеніе было почти прервано. За триста миль отъ своихъ границъ, безъ оружія безъ войскъ и артиллеріи, находясь въ нерѣшимости, въ зависимости у угнѣтенныхъ нами народовъ, которые не страшась насъ болѣе даже въ нашемъ присудствіи не скрывали намѣренія отмстить за свое поношеніе, мы вдругъ лишены были всѣхъ способовъ, надежда исчезала и уныніе становилось всеобщимъ.

Герцогъ Невшательскій находился при арміи и не занимался никакими дѣлами. Иные приписывали бездѣйствіе его лѣтомъ и преждевремяннымъ немощамъ отъ столь удручительной компаніи; другіе же, съ большею справедливостію подозрѣвали, что безпечность Неаполитанскаго Короля, возбудивъ его негодованіе, заставляла отклонятся отъ столь запутанныхъ дѣлъ.

Какъ бы то ни было, но за подлинное извѣстно, что какъ скоро Герцогъ Невшательскій удостовѣрился, что Іоахимъ оставилъ дѣла произвольному ихъ теченію, то препроводилъ къ Наполеону ноту съ изъясненіемъ, что Король Іоахимъ превосходно умѣя управлять и одушевлять торжествующую армія, неспособенъ ею начальствовать въ то время, когда для него необходимо имѣть всю твердость души, которая даже посреди труднѣйшихъ обстоятельствъ никогда не должна предаваться отчаянію.

По мѣрѣ отступленія къ Вислѣ остатковъ 10 корпуса, происходили съ Русскими многіе сшибки, въ которыхъ войски наши, хотя изнуренные неслыханными злополучіями, храбро сражались. Въ продолженіи сего времяни, не знали, что сдѣлалось съ Неаполитанскимъ Королемъ, говорили, что онъ въ Ельбингѣ, но какъ не извѣщали начальниковъ корпусовъ о его возвращеніи, то они всѣ, дѣйствуя особо, занимались только соединеніемъ слабыхъ остатковъ великаго нашего кораблекрушенія.

Въ Бромбергѣ, Герцогъ Екмюльскій,

желая вновь образовать одинъ изъ важнѣйшихъ отрядовъ, нашелъ не болѣе четырехъ сотъ человѣкъ, изъ коихъ у большей части члены были переморожены; всѣ они были безъ оружія, безъ обуви и въ самыхъ отвратительныхъ рубищахъ; воззрѣніе на сихъ нещастныхъ, злополучный остатокъ толичаго числа храбрыхъ воиновъ, представлялъ столь трогательное зрѣлище, что невозможно было смотрѣть на нихъ безъ пролитія слезъ. Въ столь бѣдственномъ положеніи большая часть Генераловъ полагали, что надобно удержаться ежедневно жертвовать отдѣленными отрядами, не находя въ томъ настоящей пользы и что лучше идти туда, гдѣ, встрѣтя ожидаемое усиліе, можно будетъ сопротивляться непріятелю.

Въ продолженіи двухъ недѣль какъ остатки арміи укрѣпились на Вислѣ, не переставали говорить о быстрыхъ успѣхахъ непріятеля, но никто тому не вѣрилъ. Отложеніе Іорка еще не было извѣстно и въ удержаніи Русскихъ полагались на Герцога Тарентскаго. Даже распространили слухъ, что Неаполитонскій Король обратно пошелъ на Кенигсбергъ и при семъ городѣ, одержалъ знаменитую побѣду,

тогда какъ онъ въ противность оному слуху отступалъ на Диршау, и какъ ничего о себѣ не извѣщалъ, то молчаніе его перетолковали иногда въ хорошую, а иногда съ худую сторону. За всѣмъ тѣмъ, слухъ объ успѣхахъ непріятеля слишкомъ былъ справедливъ; внезапной страхъ овладѣлъ войсками, посланными противъ него и по мѣрѣ нашей боязливости, онъ становился отважнѣе.

Принцъ Евгеній, котораго передніе отряды болѣе всѣхъ находились въ опасности, отправилъ Ескадронъ Баденцовъ для развѣдыванія; но едва они вступили изъ Маріенвердера, какъ козаки стремительно на нихъ напали и всѣхъ, кто только остался въ живыхъ, побрали въ плѣнъ; отрядъ оныхъ, безъ сомнѣнія провожаемый жителями, проникнулъ до самой площади, на которой жилъ Вице-Король. Италіанская Гвардія, выстрѣлила по перьвымъ появившимся козакамъ, пробили генералъ маршъ и всѣ явились на площади съ оружіемъ въ рукахъ. Расположеніи сіи доказавъ, что мы были въ готовности, заставили непріятеля удалиться съ нѣсколькими плѣнными, между коими были нѣкоторыя изъ значущихъ чиновниковъ.

Послѣ сей ошибки, Принцъ оставилъ Маріенвердеръ, Герцогъ Беллуно послѣдовалъ за нимъ и оба отступили за Вислу. Рѣка сія столь крѣпко замерзла, что многіе Ескадроны козаковъ тѣмъ воспользовавшись черезъ нее переправились; они окружили бы высоту Нейдембурга, на которой мы укрѣпились, еслибъ тысячи вооруженныхъ не удержали ихъ до тѣхъ поръ, какъ рѣшено было отступить на Позень.

Тѣмъ временемъ какъ мы оставляли Вислу, Великое Герцогство Варшавское было уже наполнено Русскими и чиновники сложили съ себя должности. Шварценбергъ, не скрывая болѣе негодованій двора своего, пересталъ вспомоществовать дѣйствіямъ Французскихъ Генераловъ и жаловался, что Наполеонъ не сдержалъ слова, обѣщавъ Австріи въ награду за ея союзъ шесть милліоновъ и возвращеніе Иллирійскихъ провинцій. « Если и теперь еще, говорилъ » онъ, Императоръ Французовъ исполнитъ послѣднее обѣщаніе, то мои Офи» церы и солдаты, хотя лишены жало» ванья, но готовы драться; не видя же » въ войнѣ сей ничего выгоднаго для сво» его отечества они ропщутъ на мои

повелѣніи и обвиняютъ, что для честолюбія « Наполеона, я пожертвовалъ выгодами » Австріи. » Жалобы сіи были очень основательны, ибо несмотря на то, что совсѣмъ не думали объ отдачѣ Иллирійскихъ провинцій, но въ продолженіи союза нашего съ Австріею, выдали только имъ на тридцать тысячь человѣкъ пятьсотъ тысячь франковъ, вмѣсто обѣщанныхъ шести милліоновъ.

Уже козаки приближались къ Варшавѣ и корпусъ Шварценберга отступалъ передъ Сакеномъ. Генералы Реиньеръ и Дюрютъ съ остатками полковъ, тщетно старались удержать непріятеля, которой разсѣясь производилъ опустошеніе и захватилъ всѣ пособіи. Польскіе вельможи, ужасаясь злополучій своего отечества, употребляли все усердіе для воспрепятствованія вступленію чужестранцевъ. Двѣ кровопролитныя войны и продолжительное пребываніе войскъ, стоящихъ на квартирахъ въ ихъ владѣніяхъ, истощили ихъ имущество. Огорченные требованіемъ новыхъ вспомоществованій для поддержанія дѣла, за которое они соединились, они всѣ чрезмѣрно были опечалены видя, что

таковые пожертвованіи послужили только къ преданію ихъ власти иноплеменной. Несмотря на то, они побуждали народъ вооружаться и набравъ крестьянъ и множество слугъ, образовали изъ нихъ легкіе войска. Но новобранцы сіи, не привыкшіе владѣть оружіемъ и не поддерживаемые обученымъ войскомъ, не въ силахъ были противиться такой арміи, предъ которою поотступали 30 тысячь Австрійцевъ. Поляки явно обнаруживъ сильнѣйшую ненависть противъ Русскихъ, полагали что они будутъ жаждать крови и мщенія; терзаемые ужасною сею мыслію, они предались такому отчаянію, и унынію, котораго невозможно описать. Но вскорѣ были успокоены провозглашеніемъ Россійскаго Императора. Государь сей, желая торжествовать своимъ милосердіемъ, ручался за сохраненіе имѣній и за личную безопасность жителей Великаго Герцогства, побуждалъ чиновниковъ не оставлять должностей своихъ и обѣщалъ, что начальники его войскъ, во всякое время будутъ оказывать имъ вспомоществованіе и покровительство.

При оставленіи линіи на Вислѣ, рѣшено было занять только крѣпости Модлинъ, Торнъ и Данцигъ. Въ Торнѣ гарнизонъ

былъ составленъ изъ остатковъ перьваго армейскаго корпуса, къ коему было прибавлено нѣсколько Баварцевъ. Модлинъ же и прочіе маловажные крѣпости великаго Герцогства были ввѣрены Полякамъ, полагая, что оные хорошо будутъ защищаемы.

Остатки 10 корпуса послѣ отступленія вошли въ Данцигскіе предѣлы (13 Генваря) Герцогъ Тарентскій въ тотъ же день вручилъ начальство Генералу Раппу. Данцигъ, лежащій при устьѣ Вислы, есть одинъ изъ знатнѣйшихъ городовъ Пруссіи, какъ по пространству своему, торговлѣ и богатствамъ, такъ и по крѣпкому мѣстоположенію. Съ одной стороны защищали его многочисленные болота, а съ другой страшные редуты. Стѣны были защищаемы шестью стами пушекъ. Но ни одно изъ великихъ сихъ произведеній, повелѣнныхъ въ недавнемъ времяни, еще не было окончано, а морозъ преобратилъ въ ничто рвы и затопленные мѣста, охраняющіе ихъ отъ нападеній. Сіи обстоятельства подали причину къ разсужденію защищать ли Данцигъ и сперва предлагали, взорвавъ укрѣпленіи, отступить за Одеръ; но оное мнѣніе

было отвергнуто по необходимости спасти магазины, наполненные одеждою, множествомъ Артиллеріи и двѣнадцатью милліонами прежде взятыми въ Курляндіи. Сіи сокровища, которыхъ невозможно было вывесть посреди безпорядка и быстраго нашего отступленія довольно оправдывали защиту сей крѣпости даже и тогда, еслибъ она не была прибѣжищемъ 30 тысячь солдатъ, претерпѣвающихъ всевозможные бѣдствіи.

По недостатку предусмотрительности въ сей компаніи, въ Данцигѣ не было запасено ни лѣкарственныхъ травъ, ни съѣстныхъ припасовъ, столь необходимыхъ для существованія. Испрашивали въ томъ помощи у жителей, но они не могли подать достаточныхъ пособій Страждущіе безъ пристанища, тщетно испрашивали общественнаго состраданія; невозможность облегчить ихъ бѣдствіи, дѣлала безплоднымъ состраданіе. Злополучные воины, вмѣсто того, чтобъ найти ожидаемое ими здравіе, испускали духъ въ самыхъ сихъ укрѣпленіяхъ, которые пришли защищать; тѣже, коихъ крѣпкое сложеніе продолжило существованіе, блуждали подобно привидѣніямъ посреди улицъ, опусто-

шенныхъ заразою. Ежедневно умирало до трехъ сотъ человѣкъ (1). Уже многіе Генералы содѣлались жертвою смерти и погребеніе значущихъ чиновниковъ соединяясь съ выносомъ первыхъ гражданъ, собирало въ одну могилу Гишпанца съ Батавцомъ и Поляка съ Неаполитанцемъ.

Между тѣмъ, Неаполитанскій Король возвѣстилъ Маршаламъ и Начальникамъ корпусовъ о прибытіи своемъ въ Позень и сзывалъ ихъ къ себѣ для составленія военнаго Совѣта чтобъ учредить оборонительный планъ. Вице-Король, сообразуясь съ симъ предложеніемъ, прибылъ (17. Генваря) и Іоахимъ объявилъ ему, что, вознамѣрясь возвратиться въ свои владѣніи, оставляетъ ему начальство надъ арміею. Принцъ Евгеній далъ ему почувствовать, что такъ какъ онъ только хранитель столь высокой должности, то никакому не можетъ передать ее; видя же, что Король не перемѣняетъ своего намѣренія, согласилъ его созвать Маршаловъ и сказалъ: что если изберутъ его, такъ какъ

(1) Осада Данцига въ 1813 году описанная Г. М. стран. 10.

Поручика Императора Начальникомъ, то онъ будетъ исполнять должность не иначе, какъ съ воли того, которой одинъ властенъ располагать тѣмъ. Споръ сдѣлался бы гораздо сильнѣе, еслибъ для укрощенія онаго, Неаполитанскій Король не обѣщалъ подождать рѣшенія совѣта Маршаловъ; но Іоахимъ ночью уѣхалъ и Принцъ Евгеній, на другой день долженъ былъ противъ воли принять начальство временно, хотя всѣми Маршалами, находящимися въ Позенѣ, поздравленъ былъ Главнокомандующимъ. Въ отдаваемыхъ повелѣніяхъ, онъ всегда сохранялъ званіе начальника 4 корпуса и не прежде отказался отъ онаго въ пользу Генерала Маршана, какъ оный уже утвержденъ былъ въ семъ званіи, въ которомъ прежде ему отказали. Наполеонъ извѣстясь о поступкѣ своего шурина, велѣлъ напечатать въ *Монитерѣ*: что разстроенное здоровье Неаполитанскаго Короля принудило его оставить начальство надъ арміею, что мѣсто его заступилъ Принцъ Евгеній и *что сей лучше зная управленіе, пользуется неограниченною довѣренностію Императора.*

Наполеонъ, бывъ недовѣрчивъ, долженъ былъ чувствовать сильные безпокойства

видя, что родственникъ его, товарищь славы и наконецъ тотъ, кого изъ простыхъ солдатъ онъ возвелъ на престолъ, первый подалъ примѣръ неповиновенія къ той власти, которой Европа была еще покорна; онъ долженъ былъ предчувствовать, что ему невозможно болѣе удерживать въ зависимости оскорбленныхъ имъ Государей, потому что переставъ внушать страхъ, онъ не могъ удержать даже и тѣхъ, которыхъ почиталъ привязанными къ себѣ благодѣяніями. Уже Англійская Политика, подкрѣпляемая Россійскими силами, начинала имѣть вліяніе на будущее рѣшеніе Союзниковъ Наполеона и послѣдующіе произшествіи доказали, что поставленные имъ Государи и Короли для того только дѣлали ему вспомоществованіе, чтобы не подать подозрѣнія о умышляемомъ ими въ тайнѣ отложеніи.

Поступокъ Наполеона въ разсужденіи главы церкви почитается величайшею его политическою несправедливостію; въ надеждѣ, что почтеніе къ главнымъ священнослужителямъ привлечетъ ему много единомышленниковъ и облегчитъ средства сдѣлать новые наборы для дополненія разбитой своей арміи, онъ хотѣлъ успоко-

ить народъ притворнымъ своимъ примиренiемъ съ Папою, такъ много имъ оскорбленнымъ. Со времяни возвращенiя своего изъ Москвы, онъ съ большею осторожностiю поступалъ съ почтеннымъ симъ старцемъ и уже начали говорить о намѣренiи заключить съ нимъ новой конкордатъ. Подъ предлогомъ отъѣзда на охоту въ окружности Гробуа, Императоръ прибылъ въ Фонтенебло, гдѣ болѣе осьми мѣсяцевъ содержался плѣннымъ святый отецъ. (19 Генваря). Въ продолжительномъ съ нимъ разговорѣ, онъ объявилъ, что хочетъ отдѣлить Галликанскую церьковь отъ Римской и наказать Прелатовъ, которые осмѣлятся упорствовать его волѣ. Святый отецъ, устрашась бѣдствiй могущихъ удручать христiанство и чтобъ пощадить религiю отъ новыхъ раздѣленiй, принялъ предлагаемое ему примиренiе. По силѣ сего Акта, Его Святѣйшество возьметъ свои обязанности во Францiи и Италiи также какъ и его предшественники; Министры его, или Легаты будутъ пользоваться правами, предоставленными членамъ Дипломатическаго корпуса; ему возвратятъ всѣ его владѣнiи и за проданные удовлетворятъ двумя миллiонами дохода.

По симъ условіямъ Папа согласился дать законное установленіе всѣмъ Епископамъ наимянованнымъ Императоромъ.

Договоръ сей принятъ съ условіемъ, чтобы статьи онаго не прежде были обнародованы, какъ уже по утвержденіи Кардиналами, а до тѣхъ поръ они должны почитаться предвареніемъ къ миру между Императоромъ и церьковію. Но Бонопарте, будучи обрадованъ, что сдѣлалъ основаніе въ договорѣ, поспѣшилъ сообщить его, какъ бы уже оконченный. Кардиналъ Мори въ семъ случаѣ вспомоществовалъ видамъ Наполеона, но Кардиналъ Фешъ, болѣе достойный своего званія, имѣлъ твердость объявить своему племяннику, что онъ посягаетъ на права святаго престола. Тщетно Папа писалъ къ Наполеону, что не соглашается на договоръ, котораго главнѣйшее условіе онъ нарушилъ, конкордатъ сей былъ обнародованъ какъ подлинный и одобренный тѣмъ, котораго лишили способовъ его опровергнуть. Наконецъ сопротивленіе сему угнѣтенію столь сдѣлалось велико, что Наполеонъ объявилъ строжайшій указъ тѣмъ, кто осмѣлится возставать противъ мнимаго его конкордата.

Полагая, что покорилъ себѣ духовную власть, Наполеонъ хотѣлъ тѣмъ предупредить политическія опасности. Страшась, чтобы революціонная партія воспользовавшись его отсудствіемъ, вновь, не взволновалась въ провинціяхъ и въ Столицѣ, повелѣлъ всѣмъ своимъ законовѣдцамъ сдѣлать изысканіе о коронованіи старшихъ сыновей Французскихъ Государей и о даваемой имъ присягѣ въ вѣрности при жизни отца, также обо всемъ относящемся до Королевъ Правительницъ. Посредствомъ статей, которые будто бы случайно отъ него выходили и журналами были издаваемы, Наполеонъ старался чрезъ впечатлѣніе, произведенное надъ умами сими предшественниками будущихъ его предпріятій, вывѣдать общественное мнѣніе. Такимъ то образомъ, желая удержать партіи, которыхъ страшился пробужденія, онъ объявилъ намѣреніе короновать при своей жизни сына и сдѣлать правительницею мать его. Но мысль быть управляемыми женщиною не нравилась Французамъ. Въ семъ предпріятіи усматривали тайное намѣреніе снискать благосклонность Австрійскаго двора. Тогда предвѣщали, что Французское правительство начинаетъ

сомнѣваться въ законныхъ своихъ правахъ и почтено слабостію прибѣгать къ столь опаснымъ средствамъ, когда узнали, что сіе снисхожденіе не перемѣнило рѣшенія Вѣнскаго кабинета.

Народъ не обманулся въ своихъ заключеніяхъ. Спустя нѣсколько дней, (2. Февраля,) Камбасересъ имянемъ своего Государя представилъ намѣреніе учредить Регенство, которымъ онъ признавалъ за необходимость воскресить обычаи столь священные въ нашихъ лѣтописяхъ и основанные на прежнихъ народныхъ правахъ, доказывая, что Государь имѣетъ неоспоримое право располагать державою. А такъ какъ лесть всегда неразлучна съ торжественными совѣщаніями, то Архиканцлеръ провозглашалъ,какъ пріятно надѣяться,что слѣдуя порядку вещей, исполненіе сихъ правилъ еще отдаленно и неизвѣстно. Въ семъ совѣтѣ Сената, составленномъ изъ пятидесяти осми статей, заключалось все долженствующее утвердить наслѣдіе въ фамиліи Бонопарте. Столько важности придали сему изданію и съ такимъ стремленіемъ его приняли, что даже говорили, что сохраненіе вновь утверждаемаго поколѣнія зависитъ единственно отъ сего акта.

Но таковыми мечтаніями не могли обезопасить участь Государства и удержать въ зависимости союзныхъ Государей. Въ особенности же Австрія имѣла важные виды. Она столь искусно скрывала свое негодованіе, что въ открывшихся переговорахъ Наполеонъ представлялъ роль мальчика. Въ продолженіи сей исторіи Австрійская Держава всегда будетъ занимать первое мѣсто, ибо очень важно вникнуть въ причины ея и выгоды, которые въ семъ случаѣ, были пружиною ея поступковъ. Я въ особенности постараюсь раскрыть искусство ея дипломатиковъ, чтобы тѣмъ доказать; что разрушенію Французской Имперіи споспѣшествовала болѣе политика, нежели оружіи.

Послѣдствіи Ваграмской битвы доказали Австрійскому Императору, что ему невозможно одному противиться стремленію, угрожавшему опровергнуть его престолъ; желая совершенно предупредить раздробленіе своихъ владѣній, онъ согласился просить мира и дочь его была оному залогомъ. Такимъ образомъ составился союзъ, который послѣ толикихъ бѣдствій съ одной и толикой славы съ другой стороны былъ долженъ обезопасить побѣжденнаго и

умѣрить побѣдителя. Австрійскій Императоръ могъ ласкаться столь пріятною надеждою, потому что Наполеонъ дошелъ до такой степени могущества, что долженъ былъ стараться только о сохраненіи пріобрѣтеннаго.

Гишпанская война продолжалась, какъ Наполеонъ присоединилъ къ своей Имперіи часть Сѣверной Германіи. Бременъ, Любекъ и Гамбургъ были лишены политическихъ правъ своихъ. Похищеніе сіе такъ было сдѣлано, что не удостоили даже ни одной Державѣ сообщить о томъ. Странамъ симъ предписана была сухопутная система, столь пагубная для морской торговли и такимъ образомъ пожертвовали мечтѣ истиннымъ благоденствіемъ народовъ, для того, чтобъ обратить ихъ къ вѣкамъ бѣдности и варварства. Таковой поступокъ долженъ былъ внушить Государямъ живѣйшее безпокойство; но они еще болѣе встревожились отъ безпрерывныхъ похищеній Наполеона. Подъ предлогомъ привѣденія въ порядокъ границъ Французской Имперіи, онъ не уважалъ границъ другихъ Государствъ. Все захватывалъ безъ плану, безъ причины. Не только что черезъ Рейнъ, но перешелъ черезъ Везеръ и Ельбу. Данія была пора-

бощеня и Прусская Монархія обманутая со всѣхъ сторонъ и лишенная своего достоинства, предвидѣла близкое свое разрушеніе. Наконецъ все возвѣщало, что насиліе сіе было не иное что, какъ пріуготовленіе къ совершенному порабощенію Германіи. Россія, бывъ могущественнѣе, видѣла опасность, въ которую могли ввергнуть ее столь великіе похищенія. Ея владѣнія также были угрожаемы, по тому что со времяни Тильзитскаго мира, Данцигъ обращенъ нами въ военную крѣпость, а большая часть Польши въ Французскіе Провинціи.

Австрія съ соболѣзнованіемъ смотрѣла на новые сіи раздоры; она страшилась, чтобы возстановленіе Польши не принудило ее отдать обратно часть Галлиціи. Безопасность границъ ея требовала предосторожностей, которые истощеніе финансовъ дѣлало невозможнымъ. При таковыхъ обстоятельствахъ, въ брани, подкрѣпляемой Россійскимъ Императоромъ не льзя было ручаться за совершенный успѣхъ. Францъ II. желая отдалить бѣдствіи войны, предлагалъ свое посредничество. Ктобы могъ тогда вообразить, что отказъ Наполеона на предложенія о

мирѢ нѢкогда содѢлается пагубнымъ ему, а не врагамъ его.

Во время приближенія непріятелей, Австрійскій Императоръ долженъ былъ помышлять о собственной безопасности. Ему уже не прилично было оставаться въ бездѣйствіи, ибо онъ могъ лишиться вліянія на предстоящія происшествіи. Объявить себя противъ Франціи было неблагоразумно. Польза его требовала, чтобъ онъ отвратилъ бурю, если не хочетъ быть оною опровергнутъ. Австрія, принужденная соединиться съ Франціею противъ Россіи, страшилась распустить свои войска чрезъ то навлечь ненависть Наполеона.

Какъ скоро Вѣнскій дворъ извѣстился о бѣдствіяхъ нашихъ въ Россіи, то Шварценбергъ при свиданіи въ Варшавѣ съ Россійскимъ Совѣтникомъ Барономъ Анштетомъ, условился съ нимъ по мѣрѣ приближенія Русскихъ отступать. Въ тоже самое время Меттернихъ увѣдомилъ Отто, нашего посланника, что если Императоръ Францъ II. перемѣнитъ политику, то извлечетъ изъ того большіе выгоды. Извѣщеніе сіе давало чувствовать, что Австріи дѣланы были предложеніи отло-

житься отъ Франціи и кажется, чтобы согласить ее дѣйствовать противъ насъ, непріятели съ сего времяни обѣщали отдать ей Италію, Иллирійскіе провинціи и возстановить прежнюю ея верьховную власть надъ Германіею.

Австрійскіе Министры обольщенные столь блистательными обѣщаніями согласились, объявить войну Франціи, увѣряя что она совсѣмъ уже не то, что была прежде, что щастіе ее оставило, что отборнаго войска у нея уже нѣтъ и что если Австрія выставитъ однихъ только рекрутъ, то и сражаться они будутъ съ рекрутами; что надобно возстановить Австрійскій Орелъ, унизить нашъ, заключить Францію въ настоящихъ ея границахъ и наконецъ, что время возвратить народамъ древніе ихъ законы и независимость.

Общественное мнѣніе въ Венѣ начало ожесточаться противъ Меттерниха, почитаемаго главою Французскаго союза. Чтобъ ускорить его паденіе начали говорить о возвращеніи Стадіона. Но Меттернихъ, бывъ старымъ придворнымъ, остерегался опровергать народную волю. Желая ему

угодить и сохранить доброе о себѣ мнѣніе, онъ согласился съ обстоятельствами и самъ взялъ въ томъ участіе. Слѣдуя миролюбивымъ видамъ Императора Франца II, онъ вознамѣрился сдѣлать Вѣнскій кабинетъ посредствующимъ между воюющими державами.

Система сія, посредствомъ которой надѣялись получить большіе выгоды, не отваживаясь на кампанію, дала ему большое вліяніе въ умѣ его Государя. Какъ не имѣли еще способовъ испытать посредства арміи, то Меттернихъ вычелъ, что Австрія не прежде какъ черезъ шесть мѣсяцевъ можетъ надежно явиться на полѣ сраженія, въ ожиданіи чего образовали въ Богеміи обсерваціонный корпусъ и поставили оный на военную ногу.

Въ тоже время Канцлеръ д'Огартъ извѣстилъ запискою всѣхъ начальниковъ Австрійскаго Правительства, что такъ какъ происшествіи послѣдней кампаніи приближили войну, то необходимо для Государства утвердить свое спокойствіе собраніемъ многочисленной арміи. Онъ говорилъ, что хотя миръ долженъ быть главнѣйшею необходимостію Имперіи, но если напра-

сно будутъ его требовать, то соединеніе сихъ силъ послужитъ къ предохраненію отечества отъ новыхъ бѣдствій. Сіи расположенія столь хорошо были приняты, что Министръ Финансовъ былъ отрѣшенъ отъ должности за то, что представлялъ оныя вредными Государственной казнѣ и сверьхъ того выпустили на сорокъ пять милліоновъ флориновъ ассигнацій, названные похищенными. Тѣмъ временемъ Меттернихъ препоручилъ Бубнѣ, Резиденту въ Парижѣ объявить Наполеону, что всѣ сіи приготовленія назначаются противъ Россіи. Наполеонъ тѣмъ охотнѣе тому повѣрилъ, что давно уже неотступно убѣждалъ своего тестя войти съ нимъ въ войну. Посредствомъ сей хитрости Австрія продолжала свое вооруженіе съ удивительною дѣятельностію.

Чтобы лучше скрыть тайные свои виды и придать большую откровенность своей политикѣ, первый Австрійскій Министръ увѣрялъ Отто, Посланника нашего въ Вѣнѣ, что въ немъ ищутъ всѣ непріятели Франціи. Въ тоже время онъ влекъ Наполеона къ гибели, льстя его гор-

досши и увѣряя, что несмотря на его злополучіи, онъ всегда будетъ перьвымъ земнымъ Владыкою, что Австрія хотя имѣетъ средства поправить бѣдствіи, но должна желать мира; что отъ него зависитъ опредѣлить его и что какъ скоро намѣренія его сдѣлаются извѣстными, то они поспѣшатъ вспомоществовать и исполнить оные. Онъ увѣдомлялъ Наполеона, что Англія предлагала его Государю десять милліоновъ стерлинговъ, если онъ захочетъ перемѣнить систему, но что предложенія сіи съ презрѣніемъ были отвергнуты и что не иначе войдутъ въ сношеніе съ Великобританскимъ Кабинетомъ, какъ съ воли Франціи; наконецъ что Австрія, мало занимаясь договорами о всеобщемъ мирѣ, ничего болѣе не желаетъ, какъ заслужить столько довѣренности, чтобы приняли за благо ея посредничество.

Спустя нѣсколько дней, Меттернихъ сообщилъ Отто, что Вессембергъ будетъ вызванъ изъ Мюнхена, какъ способнѣйшій человѣкъ къ исполненію дипломатическаго порученія въ Англіи, коего цѣлію будетъ, говорилъ онъ, извѣщеніе Англійскаго Министерства, что Вѣнскій Кабинетъ собо-

лѣзпуя о бѣдствіяхъ Европы и, узнавъ о расположеніяхъ Франціи, нашелъ ихъ столь благопріятными, что вознамѣрился стараться о возстановленіи мира. « Если усиліи наши, прибавлялъ Меттернихъ, не произведутъ никакого дѣйствія, тогда мы примемъ отказъ за оскорбленіе и объявимъ Англіи, что будемъ стараться о всеобщемъ мирѣ, посредствомъ котораго на совершенно разрушится ея торговля. » Наполеонъ, обманутый столь хитрыми обѣщаніями, позволилъ сіи сношеніи, убѣждая Австрію дѣлать приготовленіи къ новой кампаніи. Тѣмъ времянемъ Вѣнскій Кабинетъ договаривался съ Лондонскимъ о собственныхъ своихъ пользахъ и вопреки выгодамъ Французской Имперіи. Никогда Меттернихъ не оказывалъ столько тонкости, какъ въ продолженіи сихъ важныхъ переговоровъ.

Стакельбергъ, Россійскій уполномоченный, послѣ отступленія нашего отъ Москвы, былъ отправленъ въ Вѣну съ извѣщеніемъ, что правительство его намѣрено вспомоществовать угнѣтеннымъ Державамъ и въ особенности помочь Австріи возвратить отнятые у нее провинціи. По сему случаю

Меттернихъ имѣлъ продолжительной разговоръ съ Стакельбергомъ, о которомъ сообщилъ и Отто, но, представивъ совсѣмъ въ противномъ видѣ всѣ обстоятельства, изобразилъ оные столь хитро, что при семъ случаѣ Французскій посланникъ былъ обманутъ превосходнымъ искусствомъ сихъ Государственныхъ людей. Россійскій Императоръ желалъ вступить въ короткое сношеніе съ Вѣнскимъ кабинетомъ. Лебзельтернъ былъ посланъ въ Вильну Меттернихомъ, которой увѣрялъ нашего посланника, что сему Дипломатику единственно поручено говорить о мирѣ и проникнуть расположеніи Россіи. « Первый етотъ поступокъ, сказалъ » ему сей Министръ, можно почесть большимъ шагомъ; положитесь на насъ, мы » не упустимъ ничего, совершенно ничего; » мы не менѣе васъ занимаемся; все за» виситъ отъ нашего расположенія. Мы » выставимъ сто тысячь человѣкъ, вклю» чая тутъ вспомогательный корпусъ, а » прибавивъ къ оному тридцать тысячь, » сдѣлаемъ больше, нежели обязаны по » договору; Русскіе откажутъ намъ въ » посредничествѣ, тогда война сдѣлает-

» ся Австрійскою и мы нападемъ на нихъ
» со всѣми своими силами. (1) »

Тѣмъ временемъ, какъ Вѣнскій дворъ увѣрялъ Наполеона, онъ же, въ тайнѣ обѣщалъ непріятелямъ соединиться съ ними въ Іюнѣ съ 150 тысячами войска. Чтобъ ускорить отложеніе нашихъ Союзниковъ, Агенты его изображали Австрію истинною покровительницею Реинскаго Союза и даже въ присудствіи Іеронима и Іоахима дѣлали коварные обѣщанія, которые умѣли скрывать, ссылаясь на необходимость заключить твердой миръ, коего даже начинали желать и любимцы Наполеона. Доказыали, сколь противно ихъ достоинству трудиться для утвержденія Державы, которой они ничто иное какъ рабы, но что ослабивъ Французскую Имперію, наконецъ будутъ наслаждаться самодержавными правами. Что имъ не только не будетъ больше надобности вести войну, но даже и тѣхъ, которые желаютъ ее, они принудятъ подписать миръ, къ которому стремятся желанія цѣлаго свѣта и что наконецъ Австрія выставитъ всѣ свои

(1) Письмо Г. Отто къ Герцогу Бассано. Вѣна 26 Генваря 1813 года.

силы противъ той партіи, которая откажетъ ей въ посредничествѣ.

По отложеніи Генерала Іорка Берлинскій дворъ возъимѣлъ совершенную довѣренность къ Вѣнскому и отправилъ къ нему всѣ бумаги, способные извѣстить оный о происшествіи, могущемъ имѣть вліяніе на расположеніи Германіи. Чтобъ также отвѣчать на дружественное сіе открытіе, Меттернихъ предписалъ Гардембергу обнадежить подобно ему Францію и не выводить изъ заблужденія до тѣхъ поръ, какъ Берлинъ будетъ въ нашей власти. Но Англія, нетерпѣливо желая навлечь намъ новыхъ непріятелей, по согласію съ Генераломъ Іоркомъ, долженствовала созвать Прусскихъ чиновниковъ и провозгласить независимость государства, полагая, что Король будетъ упорствовать въ своемъ союзѣ. Но насильственная мѣра сія не нужна была для принужденія Берлинскаго двора. Онъ повелѣлъ повсюду дѣлать большіе наборы и отправилъ вновь набранные войска и Генераловъ въ Шлезію, которую онъ удержалъ за собою и гдѣ находились важные его крѣпости, арсеналы, магазины и наконецъ съ давняго времяни въ тайнѣ образовываемая армія.

Какъ скоро Король и его Совѣтники узнали, что Русскіе вступили въ Варшаву, то рѣшились оставить Берлинъ. Отъѣздъ сей былъ необходимъ для исполненія предпріятій двора, который нетерпѣливо желая расторгнуть свои оковы, подвергалъ опасности свое достоинство, находясь посреди войскъ, отъ коихъ всего долженъ былъ страшиться и которые будучи принуждены имѣть вліяніе на его столицу, можетъ быть прибѣгнутъ къ чрезвычайнымъ средствамъ, оправдываясь измѣною Іорка. Отправясь же въ Шлезію, Король болѣе приближался къ той сторонѣ, въ которую должны были придти Русскіе и куда Французы не могли проникнуть не нарушая условій.

Весьма трудно было исполнить подобный отъѣздъ безъ явнаго разрыва съ Франціею, которая притворно вѣрила объявленной Пруссіею причинѣ, что для дополненія обѣщанной намъ части войскъ, ей надобно дѣлать наборъ въ такомъ мѣстѣ, куда не проникли еще бѣдствія войны. Присутствіе Короля препятствовало дѣйствовать военнымъ нашимъ чиновникамъ, а потому Наполеонъ не хотѣлъ по-

сягнуть на его безопасность, ибо онъ одинъ не допускалъ народъ обнаруживать своего негодованія. Сіи то причины заставили насъ не препятствовать его отъѣзду и показывать видъ, что будто вѣримъ предписанію 22 Генваря, которымъ Графъ Гардембергъ извѣщалъ, что Правительствующій въ отсудствіи Короля долженъ поставлять первѣйшею для себя обязанностію сохранять съ Французскими военными начальниками тѣже дружественные сношенія, которые, къ величайшему удовольствію Короля были, соблюдаемы справедливыми поступками Кастигліонскаго Герцога; наконецъ поступать съ Французами всегда, какъ съ Союзниками и согласно доброму расположенію, существующему между имъ и Императоромъ, какъ Французскій, такъ и Австрійскій посланники должны сопровождать его въ Бреславль. Но тайные совѣтники сего Государя, будучи гораздо откровеннѣе, говорили о семъ отъѣздѣ такъ, что слова ихъ можно было толковать двоякимъ образомъ: « Его Величество, говорили » они, отправляется въ Шлезію, чтобъ » лично обозрѣть пріуготовленіи для бу» дущей кампаніи и образованіе двадцати

» новыхъ полковъ, для коихъ было пове-
» лѣно сдѣлать наборъ. »

Съ того времяни совсѣмъ образованные войски Пруссіи, находящіеся за Одеромъ, вмѣсто того, чтобъ удерживать вторженіе Русскихъ, не хотѣли больше съ нами дѣйствовать. Чтобы съ большею безопасностію пріуготовить вооруженіе, которое необходимо было при ея отложеніи, Прусское Министерство предложило нашему Посланнику согласить Россійскаго Императора принять перемиріе въ продолженіи коего войски сего Государи не будутъ переправляться черезъ Вислу, если мы, оставивъ крѣпости на Одерѣ, отступятъ на лѣвой берегъ Эльбы. Не нужно сказывать, что предложеніе это было отвергнуто.

Армія не переставала отступать, но съ тѣхъ поръ какъ Италіанскій Вице-Король принялъ главное начальство, онъ не выступалъ изъ Позеня, стараясь о возстановленіи нравственности людей и доставленіи нужныхъ пособій. Надѣясь удержаться на Вислѣ, онъ хотѣлъ удалить часть Данцигскаго гарнизона, но осада сей крѣпости не позволила ему исполнить сего намѣренія. Когда же онъ вооружилъ

и снабдилъ запасами крѣпости на Одерѣ и когда величайшею своею дѣятельностію устроилъ отдѣленные отряды, то число войскъ его, раздѣленныхъ на три дивизіи простиралось до тридцати тысячь, которыхъ онъ придвинулъ впередъ для защищенія линіи на Вартѣ и частію на Вислѣ.

Изъ двухъ батталіоновъ Волтижировъ и Фланкеровъ, съ избранною Піемонтскою и Тосканскою гвардіями, соединенными съ остатками старой нашей гвардіи составлена была резервная дивизія. Шестисотный конный корпусъ, набранный изъ всѣхъ полковъ, былъ ничто иное, какъ злополучный остатокъ той кавалеріи, которая за полгода передъ тѣмъ, покрывала поля обширнѣйшей Имперіи. Никогда политическія дѣла такъ не тревожили Наполеона какъ въ это время и никогда оные не были для Европы столь важны. Самые непоколебимые люди не могли безъ смущенія видѣть, что судьба цѣлаго свѣта зависитъ отъ будущихъ происшествій, которыхъ наступленія ожидали съ такою горестію и не сомнѣвались, что Франція употребитъ всевозможные усиліи, чтобъ избѣгнуть нещаснѣйшаго вторженія. Хра-

брость солдатъ нашихъ и чувствованіи че-
сти большой части нашихъ офицеровъ, за-
ставляли надѣяться, что все послужитъ
къ лучшему, если всѣ наши пособія бу-
дутъ употреблены съ пользою; но тре-
петали отъ страха вообразя, что суще-
ствованіе толикаго числа храбрыхъ вои-
новъ и участь всего отечества будутъ
снова ввѣрены, тѣмъ же самымъ людямъ,
которые будучи осыпаны благодѣяніями
Императора и награждены народомъ, ка-
зались уставшими отъ войны и ни о чѣмъ
больше не помышляли, какъ въ спокой-
ствіи наслаждаться безчисленными своими
богатствами. Хотя тѣ, которыхъ жела-
ніи не были удовлетворены и оказывали ре-
вностный патріотизмъ, но дарованіи боль-
шой части людей рѣдко отвѣтствовали
ихъ честолюбію; или если бы они имѣ-
ли способности, то ограниченіе долж-
ностей не позволяло имъ пріобрѣсть довѣ-
ренность. Многіе изъ отставныхъ офице-
ровъ, неизвѣстныхъ въ послѣднихъ нашихъ
кампаніяхъ, вступивъ въ службу, отвык-
ли отъ войны и дурно отправляли свою
должность; другія же составляли нелѣ-
пыя донесеніи, которыми по недостатку
разсужденія болѣе возбуждали безпокой-

ства, нежели укрощали оные. Вообще съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ оставилъ армію, казалось всѣ пружины оной разстроились; не видно было болѣе ни усердія, ни ревности; всякой хотѣлъ быть при раздаваніи милостей. Егоизмъ сей похищалъ у офицеровъ нравственные силы, безъ которыхъ мужество и повиновеніе солдата совершенно безполезные добродѣтели.

Двусмысленные поступки Австрійцевъ принудили Вице-Короля отправить въ Варшаву одного изъ своихъ Адьютантовъ, одареннаго большею проницательностію, для наблюденія всѣхъ движеній Князя Шварценберга. Какъ скоро онъ узналъ, что Австрійцы предали Русскимъ Польскую столицу (8 Февраля), то ясно увидѣлъ, что линія на Вислѣ прорвана и правый его флангъ будетъ сжатъ. Въ тоже время онъ получилъ извѣстіе, что Прусскій Король оставилъ Берлинъ. Изъ сего послѣдняго обстоятельства онъ усматривалъ будущее отложеніе Пруссаковъ.

Хотя Генералъ Гирардъ мужественно противился усиліямъ Генерала Воронцова, желавшаго переправиться чрезъ Вислу у Бромберга, но Принцъ Евгеній, усматри-

вая невозможность удерживаться въ Польшѣ, рѣшился отступить за Одеръ, чтобъ соединиться съ Кастегліонскимъ Герцогомъ, которой со времяни отъѣзда Прусскаго Короля едва могъ удерживать стремленіе Берлинской черни.

Корпусъ Генерала Гренье, пришедшій изъ Италіи на Одеръ, усугубилъ надежду укротить мятежъ и остановить успѣхи Русскихъ. Сверьхъ множества солдатъ, похищенныхъ смертію, они оплакивали также нѣкоторыхъ изъ лучшихъ своихъ Генераловъ. Ольденбургскій Принцъ, зять Россійскаго Императора на 29 году содѣлался жертвою военныхъ трудовъ. Не взирая на таковые потери, Русскіе, воспламенясь неожиданными своими успѣхами, удвоивали свою горячность, чтобъ соединиться съ Пруссаками, нетерпѣливо желающими получить соизволеніе своего Государя на взаимное содѣйствіе.

Положеніе Вице-Короля по справедливости было самое критическое; онъ не могъ противиться Русскимъ и чѣмъ болѣе отступалъ, тѣмъ болѣе давалъ имъ средства усиливаться. Но онъ извлекъ бы большую пользу, соединивъ свои войска и особенно удержавъ линію на Одерѣ, пред-

почтя оную Эльбской, ибо никто не сомнѣвался, что всѣ силы Прусскаго Государства будутъ дѣйствовать противъ насъ, какъ скоро Берлинъ освободится отъ нашего владычества. Еслибъ корпусъ Лористона, состоящій изъ тридцати тысячь, (1) прошедъ чрезъ Магдебургъ, могъ въ это время переправиться черезъ Эльбу и занять Берлинъ, то нѣтъ сомнѣнія, что соединясь съ корпусомъ Гренье, мы удержали бы Пруссаковъ до тѣхъ поръ, какъ большая армія, составляемая Наполеономъ, подала бы намъ средства удержать ихъ стремленіе.

Вице-Король, удерживаясь въ Позенѣ долѣе назначеннаго времяни самыми неустрашимыми Генералами оставилъ сей городъ 11. Февраля. Отступленіе его было необходимо и столь важныя причины побуждали къ тому, что многіе почитали оное позднымъ и опасались, чтобъ его упорство не навлекло намъ большой потери. Принцъ вступилъ во Франкфуртъ на Одерѣ, гдѣ нашелъ Генерала Гренье съ дивизіею Шарпантье и съ слабымъ

(1) Сей корпусъ состоялъ изъ пяти дивизій, корпусъ же Генерала Гренье только изъ трехъ.

корпусомъ кавалеріи, составленной изъ 4 Италіанскихъ егерей и остатка всѣхъ нашихъ полковъ Тѣмъ болѣе долженъ онъ гордиться своимъ отступленіемъ, что по прибытіи туда получилъ извѣстіе, что Князь Шварценбергъ хочетъ вступить въ Галицію, а Генералъ Ренньеръ съ Саксонцами и дивизіею Дюрютта поворотилъ на Калишъ. Наконецъ онъ узналъ, что Русскіе приближаясь въ передъ, — вскорѣ соединятся съ стоящею въ Шлезіи Прусскою арміею. Уже козаки, осмотрѣвъ крѣпость Глогау, приготовились оную обложить.

Спокойная твердость Вице-Короля начинала уже внушать солдатамъ чувствованіе преимущества, но не менѣе того они унывали, помышляя, что надобно драться и отступать; и что малочисленность заставляетъ ихъ лишаться всѣхъ плодовъ знаменитыхъ нашихъ кампаній. Оставленіе городовъ и военныхъ укрѣпленій, не столько огорчали насъ, сколько ежедневно увеличивающееся горестное доказательство о слабости нашего могущества, потому что малѣйшее бѣдствіе отклоняло отъ насъ Союзниковъ, которыхъ Наполеонъ обременялъ тяжестію своего

покровительства. Вычисляя всѣ наши потери, мы безпрестанно спрашивали у самихъ себя: можетъ ли одна Франція устоять противъ цѣлой Европы? Можетъ ли она возвратить опять то знаменитое время, въ которое могла она выставить четырнадцать армій? Но тогда гласъ свободы внушалъ сіи чудеса; онъ возбуждалъ Ентузіазмъ и стремящихся къ независимости заставлялъ жертвовать всѣмъ своимъ имуществомъ. Со всѣмъ тѣмъ національная честь и ожиданіе награжденій, раздѣляемыхъ Наполеономъ, воспламеняли Французовъ, а удостовѣреніе въ справедливомъ воздаяніи за заслуги произвели бы чудеса гораздо больше тѣхъ, какіе были во времяна революціи, еслибъ Наполеонъ присоединилъ къ почестямъ и богатству, къ которымъ открылъ намъ путь, любовь къ благоразумной свободѣ, которая при началѣ своемъ пріобрѣла ему всеобщее уваженіе. Но онъ сдѣлалъ ошибку, заглушивъ оную до послѣдней искры, когда чрезмѣрное благополучіе изгладило изъ памяти его благодѣтельную пользу великодушныхъ правилъ, возведшихъ его на престолъ; такимъ то образомъ, когда онъ уже всѣмъ обладалъ и когда щастіе сдѣлало все для

него возможнымъ, властолюбіе всего его лишило.

Парижанѣ, Франція и цѣлая Европа съ нетерпѣніемъ ожидали открытія новаго засѣданія законодательнаго корпуса, чтобъ выслушать слова Императора и посредствомъ оныхъ узнать его мысли. Со времяни своихъ злоключеній онъ не говорилъ еще всенародно. Отложеніе Прусской Арміи, мнимый Конкордатъ и величайшее смущеніе народа при видѣ близкихъ бѣдствій, почитались столь важными обстоятельствами, что ожидали рѣчи Императора съ тѣмъ тайнымъ безпокойствомъ, каковое чувствуютъ при ожиданіи новой участи. Наконецъ день сей наступилъ (14. Февраля). Наполеонъ произнесъ продолжительную рѣчь, въ которой изъяснилъ въ короткихъ словахъ всѣ происшествіи, случившіеся въ истекшемъ году и всѣ бѣдствіи при отступленіи отъ Москвы, приписывалъ ложно однимъ только жестокостямъ преждевремянно наступившей зимы. Что же касается до изъясненія Политическихъ своихъ видовъ онъ объявилъ, что дѣйствительно заключилъ съ Папою конкордатъ, которой отвратитъ различные распри, что поколѣніе его царствуетъ

и будетъ царствовать въ Гишпаніи; что онъ доволенъ всѣми своими союзниками, что не оставитъ ни котораго изъ нихъ, укрѣпитъ цѣлость ихъ владѣній и наконецъ, что Русскіе возвратятся въ свою холодную страну.

Спустя нѣсколько дней, 25 Февраля, Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ законодательному корпусу положеніе Имперіи. Всѣ вѣтви столь обширнаго правленія были разсматриваемы съ величайшею подробностію. Съ удивленіемъ увидѣли, что несмотря на продолжительные наши войны народонаселеніе возрасло, искусства оказали новые успѣхи, земли никогда не были лучше обработываемы, издѣліи процвѣтаютъ и что въ исторіи нашей даже не видно примѣра, чтобы богатства столько распространялись между различными сословіями Государства. Щастливыя послѣдствія отъ истребленія отягощеній, феодальныхъ правъ и монастырскихъ учрежденій.

Публичные работы также служили предметомъ удивленія. Узнали, что со времяни восшествія Наполеона на престолъ Имперія издержала болѣе тысячи милліоновъ на дороги, каналы, укрѣпленіи, и зданіи,

Общественное просвѣщеніе представляло самые щастливые послѣдствія. Испытанные усилія, чтобъ образовать морскую силу, были засвидѣтельствованы приращеніемъ, сдѣланнымъ Имперіею распространеніемъ границъ по морскому берегу для пріобрѣтенія гаваней и кораблей. Чтоже касается до сухопутнаго войска, наличность его была увеличена, но, приведя оное въ дѣйствительную силу, несмотря на наши бѣдствія, оно не менѣе было страшно.

Изъясненіе сіе, истинное въ различныхъ своихъ частяхъ представляло Францію въ томъ видѣ, въ какомъ была она нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда величайшіе наши богатства состояли изъ налоговъ и податей, собранныхъ съ Иностранныхъ земель. Но когда отчетъ 1813 года явился, то недоимка простиралась слишкомъ до двухъ сотъ тридцати милліоновъ и еслибы занимали во время продолжительнаго благоденствія, то чего бы должно было ожидать въ будущемъ, когда издержки умножались и доходы уменьшались. Сіе открытіе помрачило блистательные картины, представленные Министромъ внутреннихъ дѣлъ особливо

когда Министръ Юстиціи извѣстилъ, что для удовлетворенія Государственныхъ необходимостей, надобно приступить къ продажѣ коронныхъ имѣній. Въ заключеніи своей рѣчи онъ утверждалъ, что Франція никогда не была въ столь цвѣтущемъ состояніи и что еслибы человѣкъ, жившій во времяна Медициса и Лудовика XIV. возвратился на землю и спросилъ: сколько щастливыхъ царствованій и сколько мирныхъ лѣтъ потребно для произведенія таковыхъ чудесъ, то ему бы можно было отвѣчать: *довольно двѣнадцати лѣтъ войны и царствованія одного человѣка.*

Не взирая на сію напыщенность, которая при теперешнихъ обстоятельствахъ есть ничто иное, какъ самая оскорбительная насмѣшка, вѣрный и безпристрастный писатель, желающій согласоваться съ тѣми времянами, которыхъ пишетъ Исторію, не можетъ порицать Правленія сихъ времянъ, которое, какъ мы увидимъ изъ послѣдствія, никогда не ослабляло пружинъ своихъ, даже въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ.

Франція столь хорошо тогда была управляема, что бѣдствіи, претерпѣнные ея войсками, скоро бы изгладились, еслибъ

тотъ, для кого она дѣлала таковые пожертвованія, умѣлъ употребить съ пользою безчисленные пособія, предлагаемые ему со всѣхъ сторонъ. Какъ бы ни было справедливо, что наимянованіе добровольныхъ даровъ, около двухъ мѣсяцовъ наполняющихъ газеты, скорѣе можно было почесть извѣщеніемъ правительства, чтобы дѣлали пожертвованія, нежели дѣйствительнымъ исполненіемъ, не менѣе того нельзя не согласиться, что всѣ сіи жертвы, при настоящей ихъ значительности, были хотя и многочисленны, но недостаточны для предохраненія Франціи отъ угрожающаго ей вторженія. А какъ мы уже замѣтили, что Наполеонъ никогда не хотѣлъ обдумать того опаснаго положенія, въ которомъ онъ находился, то поколебаніе его могущества открыло непріятелямь тайну побѣдить его и внушило имъ такое мужество, какое можно укротить одними только нравственными средствами. Наполеонъ долженъ былъ предоставить рѣшеніе своей участи прозорливости политики, границамъ, налагаемымъ благоразуміемъ и чувствованіямъ справедливости, которыхъ алкала просвѣщенная Европа. Самые раздраженные

его противники, столько еще его боялись, что приняли бы къ примиренію всѣ средства, внушаемые благоразуміемъ; и когда политика предписывала ему не уступать послѣ своего пораженія, такъ ему слѣдовало бы покрайней мѣрѣ проникнуть, что если щастливое его созвѣздіе еще даруетъ ему успѣхъ, то онъ долженъ тѣмъ воспользоваться, чтобы привесть въ прежнее состояніе честь своего оружія, возвратить народамъ ихъ независимость, объявить себя мудрымъ защитникомъ всѣхъ политическихъ правъ и наконецъ соразмѣрно силамъ своимъ возстановить равновѣсіе Европы.

КНИГА ВТОРАЯ.

ЛЮЦЕНЪ.

Наполеонъ, не внимая совѣтамъ опытности и благоразумія, никогда не казался столь раздраженнымъ, какъ въ то время, когда бы долженъ быть скромнымъ и миролюбивымъ. Собственная его участь зависѣла отъ его благоразумія. Всѣ народы, готовые востать противъ него, ничего больше не требовали, для соблюденія съ нимъ союза, какъ ограниченія его честолюбія. Миролюбивые виды гораздо больше могли бы вспомоществовать утвержденію его короны, нежели военные расположенія; но вмѣсто того, чтобъ изъявить желаніе къ достиженію прочнаго и спокойнаго мира, и отвергнувъ систему свою, объявить себя покровителемъ союзниковъ и отцомъ своихъ подданныхъ, онъ повелѣлъ дѣлать

чрезвычайные приготовлении; самые насильственные средствы употреблены были для устрашенія и ослабленія находящихся подъ его властію народовъ: во всѣхъ странахъ собиралъ онъ оружіи, аммуницію и лошадей. Для составленія новыхъ войскъ, исторгалъ юношей избавившихся отъ пяти послѣднихъ конскрипцій и вопреки узаконеніямъ, похитилъ ихъ у отечества, у семействъ и лишилъ всѣхъ сладчайшихъ привязанностей. Когортамъ, назначеннымъ для защищенія границъ, повелѣно было перейти за оные, чтобы вновь сражаться на берегахъ Эльбы, или Одера. Подъ различными наимянованіями, онъ образовалъ многочисленные полки и, осматривая ихъ, говорилъ съ большою живостію къ офицерамъ и солдатамъ, одушевлялъ ихъ отмстить за униженіе своего самолюбія и всѣмъ обѣщалъ награды и знаки отличія. Желая лучше разстроить намѣреніе непріятеля, Наполеонъ велѣлъ распустить слухъ, будто обсерваціонный корпусъ, находящійся подъ начальствомъ Лористона въ Сѣверной части Голландіи, назначится Авангардомъ большой арміи; что самъ онъ будетъ въ Антверпенѣ, въ Амстердамѣ и въ Гамбургѣ, а оттуда уже

оправится въ главную квартиру. Ложными сими слухами онъ надѣялся привлечь непріятельскія силы къ Сѣверу Вестфаліи, тогда какъ настоящее его намѣреніе было вступить со всѣми войсками во Франконію, чтобы пройти потомъ въ Саксонію.

Въ тоже время Наполеонъ извѣстилъ всѣхъ о положеніи войскъ своихъ и особенно о томъ, въ какомъ состояніи находилась большая часть крѣпостей, въ оставленныхъ нами владѣніяхъ. Отъ него узнали, что пять сотъ человѣкъ Пиллавскаго гарнизона съ оружіемъ и багажемъ присоединились къ Французскимъ войскамъ. Оставленіе сей крѣпости чрезвычайно разстроило Наполеона, которой въ мрачномъ расположеніи духа повелѣлъ военному суду разсмотрѣть поступокъ Генерала Кастелла. Несправедливость его въ семъ случаѣ была основана на досадѣ, чувствуемой имъ отъ того, что большая часть Пиллавскаго гарнизона состояла изъ Пруссаковъ, которые послѣдовавъ примѣру корпуса Іорка, принудили Генерала Кастелла подписать Капитуляцію на очищеніе крѣпости.

Графъ Раппъ начальствовалъ въ Дан-

цигѣ, слава о его храбрости дѣлала его достойнымъ столь важной обязанности, которая вскорѣ учинилась труднѣйшею и опаснѣйшею. Онъ поддерживалъ духъ войскъ блистательнымъ своимъ мужествомъ и обнадеживалъ тѣхъ, которые алкали наградъ, посредствомъ довѣренности, каковою онъ пользовался у Императора. Наконецъ откровенность его, свойственная Альзаскому уроженцу, снискала ему привязанность Нѣмецкихъ солдатъ, находящихся въ его повелѣніяхъ. Въ крѣпостныхъ работахъ достойнымъ его помощникомъ былъ Инженерный Генералъ Кампредонъ, извѣстный своими дарованіями. Генералъ Лепинъ управлялъ Артиллеріею. Генералы Гейделетъ и Гранджанъ были начальниками дивизій. Кавалерія, состоящая изъ двухъ тысячь, была ввѣрена Генералу Каваньяку, и наконецъ морская сила находилась въ распоряженіи Контръ-Адмирала Дюмануара.

Въ то время Русскіе, слѣдуя быстро за нашею арміею, только что показались въ окружностяхъ Данцига. Будучи въ маломъ числѣ и безъ Артиллеріи они ограничились осмотрѣніемъ крѣпости и по прибытіи новыхъ корпусовъ оставили свою

позицію. Такимъ образомъ прошла черезъ Данцигъ большая часть Русской арміи. По недостатку шпіоновъ, гарнизонъ не зналъ даже настоящаго числа непріятельскихъ войскъ. При вылазкахъ онъ пробѣгалъ окружности, разрушалъ приготовленія осаждающихъ и доставалъ различные съѣстные припасы, въ коихъ претерпѣвали недостатокъ. Въ продолженіи перьвыхъ двухъ мѣсяцевъ, много было подобныхъ сему дѣлъ, но всѣ они не заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Крѣпость Торнъ защищалъ Баронъ Морейланъ, гарнизонъ его состоялъ изъ тысячи осьмисотъ Баварцовъ и тысячи Французовъ. Генералъ Чаплицъ, въ продолженіи Февраля покушался занять укрѣпленія, выстроенные передъ крѣпостію, но требованіе его о сдачѣ крѣпости, съ твердостію было отвергнуто. Модлинъ лежащій также на Вислѣ былъ защищаемъ 3000. Поляковъ и 2000. Саксонцевъ, или Французовъ, подъ начальствомъ Генерала Даенделя. Хотя крѣпость сія изобиловала запасами, но укрѣпленія, сдѣланные изъ земли и находящіеся на правомъ берегу рѣки, были очень слабы. А изъ того и полагали, что сопротивленіе крѣпости

сей должно болѣе зависѣть отъ храбрости гарнизона, нежели отъ ея укрѣплений. Наконецъ крѣпости Замостье и Ченстоховъ ввѣренны были Польскимъ войскамъ, рѣшившимся мужественно защищаться.

Тѣмъ времянемъ, какъ Вѣнскій кабинетъ обнадеживалъ, что вспомогательный корпусъ Шварценберга остается по прежнему въ повелѣніяхъ Императора Французовъ, сей же самый корпусъ въ слѣдствіи тайнаго сношенія съ Русскими занялъ уѣздъ великаго Варшавскаго Герцогства, лежащій близъ Галиціи, вступленіемъ въ которую Шварценбергъ отплагалъ, единственно для того, чтобы пощадить владѣніи Австрійскаго дома. Тогда Генералъ Рейньеръ, Начальникъ 7. корпуса, которымъ управлялъ подъ его вѣденіемъ Саксонской Генералъ Лекокъ, отступилъ на Калишъ черезъ Петрикау и Рава. Но большой корпусъ Россійской кавалеріи, переправясь черезъ Вислу по льду между Торномъ и Плотскомъ, приближился къ Калишу 13 Февраля и напалъ на Саксонской корпусъ, равно какъ и на Французскій баталіонъ, назначенный для подкрѣпленія Модлинскаго гарнизона. Саксонцы послѣ мужественнаго сопротивленія были разбиты и прогнаны

въ Просна, съ величайшею потерею; ночью они собрались въ Кобилинѣ и 19 Февраля прибыли въ Глогау. Генералъ Габленпцъ, начальствующій Саксонскою кавалеріею, воинъ дѣятельный и храбрый, видя себя отрѣзаннымъ, присоединился съ Французскимъ баталіономъ къ корпусу Князя Понятовскаго, укрѣпившемуся у Петрикау. Мужественный и великодушный Польскій Генералъ, узнавъ о сраженіи при Калишѣ, отступилъ на Ченстоховъ. Бывъ слишкомъ чистордеченъ, онъ полагалъ найти опору въ Шварценбергѣ, стоящемъ между Поликою и Краковымъ. Но какъ скоро Поляки узнали о тайномъ сношеніи Россіянъ съ Австрійцами, то не хотѣли больше оставаться въ бездѣйствіи и слѣдовать робкимъ совѣтамъ, подаваемымъ послѣдними. Они неустрашимо противились нападеніямъ Русскихъ и часто съ успѣхомъ ихъ тревожили; Русскіе желая избавить фланги свои отъ непріятелей, побуждали Австрійцевъ ихъ оставить и вскорѣ послѣ того, Шварценбергъ, подъ предлогомъ, что пребываніе его на квартирахъ въ сей области истощало жителей, вступилъ по повелѣнію Двора своего въ Галлицію. Злополучные Поляки, коими на-

чальствовалъ Понятовскій, соединясь съ кавалерійскою бригадою Генерала Гоблентца и съ Французскимъ баталіономъ и опасаясь быть окруженными Россійскими войсками, отступили въ сію же провинцію.

Австрія не желая позволить слабому сему корпусу стоять въ своемъ владѣніи жаловалась, что онъ совершенно оголодитъ ту сторону. Хотя Понятовской, знаменитый Польскій Господинъ, начальствовалъ сими войсками, но ихъ обвинили въ непріязненныхъ поступкахъ въ землѣ, оказавшей имъ гостепріимство. Тогда надобно было заключить съ Австріею условіе, въ слѣдствіи коего сей корпусъ былъ отправленъ по слѣдамъ Французской арміи, ибо пребываніемъ своимъ въ Галиціи, онъ наносилъ сильнѣйшее безпокойство сосѣдственной Державѣ. Послѣ большихъ обходовъ и положивъ ружья свои въ ящики, воины сіи достигли Саксоніи, куда можетъ быть и не пришли бы, еслибъ въ продолженіи ихъ похода, начало новой кампаніи не принудило Австрійцевъ скрывать непріязненные дѣйствіи, приготовляемые имъ противъ Франціи.

Политика обязывала Австрію скрывать отъ насъ свои поступки, но въ Пруссакахъ не льзя было болѣе сомнѣваться; они съ давняго времени стонали подъ игомъ и не ожидали отъ Наполеона ни благоволенія, ни правосудія, то не удивительно, что они съ жадностію воспользовались случаемъ расторгнуть свои оковы и разорвать союзъ, заключенный силою и столь противный ихъ выгодамъ, что продолживъ оный, ко всѣмъ претерпѣваемымъ ими бѣдствіямъ, они присоединили бы еще посрамленіе.

Едва Король Прусской явился посреди Силезскихъ своихъ войскъ, какъ вдругъ Бреславль перемѣнился въ столицу Государства. Жители сего города, увидя опять любимаго Государя, почитаемаго ими плѣнникомъ, обнаружили величайшее удовольствіе; особливо военные, желая лучше выразить ощущаемую ими радость, что могутъ дать свободное теченіе своимъ чувствованіямъ, собрались вечеромъ при свѣтѣ факеловъ на дворцовую площадь; предводимые Фелдъ-маршаломъ Калкрейтомъ, они представились Королю и съ восторгомъ провозгласили ему, что наступила минута отмстить Тронъ,

отечество и униженіе ихъ оружій. Потомъ дали Его Величеству концертъ, предшествуемый и послѣдуемый троекратнымъ ура! которое въ семъ случаѣ было выраженіемъ чувствованій всѣхъ Пруссаковъ.

На другой день Король дѣлалъ смотръ войскамъ; два раза приказывалъ имъ выстроиться передъ собою, съ благоволѣніемъ смотрѣлъ на нихъ, и благосклоннымъ разговоромъ удвоилъ обнаруженной ими восторгъ. Уже Канцлеръ Гарденбергъ сдѣлалъ воззваніе къ молодымъ людямъ, возбуждая ихъ къ принятію оружія; хотя онъ и не говорилъ противъ кого приготовляется вооруженіе, но довольно давалъ знать о томъ объявленіемъ, что надобно спасти Государство и подтвердить справедливыя его надежды. Наконецъ, Баронъ Кніербекъ, Принцъ Курляндскій Биренъ и множество не столь извѣстныхъ Агентовъ, отправились (20 Февраля) въ главную квартиру Русскихъ, и не оставили болѣе сомнѣнія на щетъ намѣренія предпринятаго Прусскимъ кабинетомъ.

За нѣсколько передъ тѣмъ дней Вице-Король принялъ намѣреніе оставить линію на Одерѣ; ввѣривъ защиту Кистрина и Ште-

тина Генераламъ извѣстнымъ по дарованіямъ своимъ и храбрости, онъ направилъ путь въ Берлинъ, которой по полученнымъ имъ извѣстіямъ готовъ былъ взбунтоваться. Простой народъ сей столицы, лишенной Короля своего и еще покоренной владычеству Французовъ, въ то время какъ всѣ извѣстія, получаемые изъ Бреславля, заставляли ясно видѣть желаніе освободиться отъ онаго, находился въ величайшемъ волненіи. Нѣсколько разъ войска наши принуждены были разгонять мятежническія толпы. Повсюду жители возставали противъ насъ; въ кофейныхъ домахъ, въ театрахъ они оказывали радость увеличивающуюся надеждою, какую подавало имъ наше отступленіе. Не менѣе того и начальство не отказывающее намъ въ исполненіи прежнихъ нашихъ условій, какъ скоро увидѣло себя поддерживаемымъ войсками, или ободреннымъ приближеніемъ Русскихъ, то не хотѣло ничего болѣе намъ доставлять и поступало съ нашими солдатами съ большею жестокостію.

Прусскій Генералъ Бюловъ, стоящій между Невштетиномъ и Темпельбургомъ, хладнокровно смотрѣлъ на выстроивающихся

въ глазахъ его Русскихъ, изъ коихъ двѣ тысячи человѣкъ кавалеріи перешли нижній Одеръ и соединились съ Чернышевымъ, переправившимся чрезъ сію рѣку между Кистриномъ и Франкфуртомъ. Кастигліонскій Герцогъ будучи увѣренъ, что одного появленія сихъ войскъ достаточно для возбужденія мятежа въ Берлинѣ, приказалъ Генералу Пуансоту идти на встрѣчу непріятелю съ двумя баталіонами и однимъ эскадрономъ; въ тоже время онъ просилъ Вице-Короля о вспомогательныхъ войскахъ. Государь сей немедленно рѣшился удержать столицу Пруссіи силою: и отправилъ дивизію Шарпантье на нижней Одеръ, для отрѣзанія Русскаго корпуса, переправившагося черезъ сію рѣку. Четвертой полкъ конныхъ Италіянскихъ егерей пошелъ на Страусбергъ, тѣмъ временемъ какъ пѣхота слѣдовала по Фюрстенвальдской дорогѣ. Наконецъ Вице-Король съ пятью стами старой конной гвардіи прискакалъ въ Берлинъ, въ коемъ чернь производила чрезвычайное возмущеніе. Войски вышедшіе изъ сего города для удержанія непріятеля, съ поспѣшностію возвратились; Русскіе кавалеристы съ которыми смѣшались Прусскіе Пар-

тизаны, объѣзжали ночью около городскихъ стѣнъ и посредствомъ сношеній захватили стражу, охраняющую Ораніенбургскіе вороты; триста или четыреста кавалеристовъ, проникнувъ въ городъ, осмѣлились его проѣхать; Кастигліонскій Герцогъ велѣлъ было стрѣлять по нихъ изъ пушекъ, но не иначе могъ прогнать, какъ съ помощію пѣхоты. Берлинскіе жители, воспользовавшись симъ случаемъ, хотѣли ускорить свое освобожденіе; но обращенная противъ нихъ артиллерія принудила ихъ отказаться отъ сего намѣренія.

Тѣмъ времянемъ прибылъ Вице-Король (22 Февраля) и благоразумными своими распоряженіями возстановилъ порядокъ и спокойствіе. Обратясь къ Ораніенбургу, гдѣ находилась главная квартира Чернышева, онъ сразился съ нимъ. Вскорѣ послѣ того, онъ отправился въ Кепеникъ, гдѣ была собрана большая часть его войскъ; но, прибывъ туда получилъ непріятные извѣстіи. Тысячу человѣкъ конницы, посланной имъ по Страусбергской дорогѣ, окружила многочисленная кавалерія и почти всѣхъ захватила въ плѣнъ. Полковникъ съ тремя стами егерей одинъ только

спасся отъ истребленія корпуса, которой на канунѣ еще привлекая наше вниманіе, на минуту оживилъ надежду, потому что онъ первый былъ посланъ для дополненія арміи. Въ тоже время начальствующій Піемонтскими войсками, коему препоручено охранять Фюрстенвальдской мостъ на Шпрее, бывъ окруженъ шестью стами кавалеристовъ, согласился оставить постъ, отъ коего зависѣла безопасность арміи съ условіемъ, чтобъ ему позволено было продолжать военные дѣйствіи; строгое наказаніе назначено было начальнику сего корпуса, но Вице-Король умѣрилъ жестокость онаго и могъ тѣмъ гордиться, потому что въ послѣдствіи чиновникъ сей загладилъ мужествомъ прежній свой проступокъ.

Во время пребыванія своего въ Кепеникѣ Вице-Король прилагалъ всевозможное стараніе удержать Берлинъ во власти Французовъ. Въ сей надеждѣ Маршалъ Гувіонъ Сенъ-Сиръ съ корпусомъ войскъ расположился на Мюнхебергской дорогѣ, тогда какъ Генералъ Герардъ, оставшійся во Франкфуртѣ для сожженія моста и нашедъ Фюрстенвальдскую позицію занятою, принужденъ былъ соединиться съ арміею,

чтобъ пробиться сквозь Русскихъ. Наконецъ Генералъ Шарпантье, отряженный для отрѣзанія трехъ тысячь козаковъ, тщетно ихъ преслѣдовалъ; они укрывались отъ всѣхъ дѣйствій нашей пѣхоты.

Генералъ Лористонъ, образовавъ обсерваціонный свой Эльбскій корпусъ, оставилъ 32 милиціонную дивизію и отправился на Магдебургъ, гдѣ нетерпѣливо его ожидали. Корпусъ Вандама, долженствующій заступить его мѣсто, собрался въ Везелѣ. Между тѣмъ слабой гарнизонъ защищалъ Гамбургъ. Сей торговой и многолюдной городъ принужденно повиновался правительству, лишавшему его преимуществъ и торговли. Многіе отряды легкой Русской кавалеріи, начальствуемые Генералами Теттенборномъ Дорнбергомъ и Полковникомъ Рапателемъ, прежде бывшимъ Адъютантомъ Моро, прошедъ Сѣверную Пруссію проникли даже до Гамбурга, въ которомъ съ давняго уже времени пріуготовленные сношеніи удостовѣряли ихъ въ скоромъ онаго отпаденія. Появленіе Русскихъ вмѣстѣ съ высадкою Англичанъ,

заставили Гамбургцовъ воспользоваться симъ случаемъ, чтобъ свергнуть съ себя иго, которое они съ горестію переносили. Они принудили Генерала Кара Сентъ-Сира занимавшаго еще сей городъ, отступить за Эльбу и остановиться въ Алтленбургѣ, оставивъ одинъ баталіонъ въ Золленпикерѣ, для безопасности переправы чрезъ Эльбу Генералу Моранду, Губернатору Помераніи, которой будучи принужденъ оставить сію провинцію, долженствовалъ присоединиться къ войскамъ 32 милиціонной дивизіи.

Гамбургцы, оставшись владѣтелями города, отворили ворота Теттенборну и пристань Англичанамъ. Раздраженные сильнымъ притѣсненіемъ, они овладѣли нѣсколькими военными постами, на которыхъ мы оставили гарнизонъ и подвергли солдатъ нашихъ ужасному мщенію. Немедленно отправленъ былъ козачей урядникъ въ Лондонъ съ извѣстіемъ объ освобожденіи Гамбурга. Чернь сей столицы съ восхищеніемъ приняла знаменитаго посланника и Лордъ Меръ, встрѣчая его, сказалъ, что почитаетъ себѣ за честь подать руку столь отличному воину.

Нѣсколько уже дней, Берлинъ казался очень спокойнымъ; тишина начинала возстановляться; но всѣ граждане по повелѣнію правительства, носили кокарды въ знакъ соединенія. Хотя возмущеніе укротилось, не менѣе того скорое освобожденіе было единственнымъ желаніемъ народа. Русская кавалерія, разсѣянная по окрестностямъ, разъѣзжала по берегамъ Шпрее, проникая въ городъ. Въ продолженіи двѣнадцати дней какъ обложена была сія столица, непроисходило никакого военнаго дѣйствія достойнаго замѣчанія. Русскіе для предпринятія настоящаго приступа ожидали корпуса Графа Витгенштейна. Съ того времяни, какъ Кастигліонской Герцогъ обучалъ войска, собранные между Франкфуртомъ и Виттенбергомъ, должность его исправлялъ Маршалъ Гувіонъ Сенъ-Сиръ. Какъ скоро онъ получилъ извѣстіи о прибытіи авангарда Князя Репнина и о непремѣнномъ желаніи непріятеля взять Берлинъ, то приказалъ Генералу Гиффленгѣ приготовиться очистить крѣпость. Построили нѣсколько легкихъ укрѣпленій, передъ незакладенными воротами чрезъ которые непріятель приготовлялся войти въ городъ. Хотя

давно уже предвидѣли необходимость выступить изъ города, но бездѣйствіе правительства принудило насъ оставить въ Гошпиталяхъ отъ 1200 до 1500 больныхъ.

На другой день (4 Марта) передъ разсвѣтомъ, войски наши очистили посты; тотчасъ же козаки Чернышева вступили въ Берлинъ съ такою быстротою, что слѣдовали за нашими солдатами по мѣрѣ выхода ихъ изъ города и еслибъ не случились гренадеры, то они захватили бы слабый нашъ арріергардъ. Чтобы пощадить Берлинъ отъ опасности, могущей произойти и при сраженіи, Русскіе преслѣдовали войски очистившіе городъ холодчымъ оружіемъ; но едва мы выступили изъ онаго, какъ они стремительно напали на дивизію корпуса Гренье. Въ этотъ день Тосканская и Піемонтская почетные гвардіи заслужили достойную похвалу.

Армія достигая Эльбы какъ скоро прошла Виттенбергъ не была болѣе тревожима непріятелемъ. Городъ сей въ двѣ недѣли приведенъ былъ въ оборонительное положеніе. Деревянной мостъ способствовалъ сообщенію между обѣими берегами и

мы признали Виттенбергъ удобнымъ и превосходнымъ для насъ мѣстомъ; близость его къ Берлину подавало намъ надежду опять занять сію столицу, какъ скоро мы будемъ въ силахъ вести наступательную войну.

Оставленіе Прусскихъ владѣній можно почитать величайшимъ бѣдствіемъ для Наполеона. Обширная страна сія, занимаемая нами слишкомъ шесть лѣтъ, распространила противъ насъ усилія тѣмъ важнѣйшіе, что была побуждаема всѣмъ тѣмъ, что злоупотребленіе силы можетъ внушить жестокаго. Можетъ быть она забыла бы свое нещастіе при пораженіи и учинилась вѣрнѣйшею нашею союзницею еслибъ злополучія ея были уважаемы. Уважая школу, образованную Фридерикомъ, надлежало согласиться, что она была образецъ для Наполеона и воздавъ должную дань почитанія памяти истиннаго основателя Пруссіи, гораздо бы лучше тѣмъ сдѣлали, нежели побѣдою надъ войсками, пріобрѣли любовь народа. Завоеватели должны поставлять перьвымъ для себя закономъ снискивать привязанность тѣхъ, коихъ ищутъ союза.

По прибытіи въ Лейпцигъ, Вице-Король удостовѣрился, что Русскіе хотятъ соединиться съ Прусскими войсками, что дипломатическіе сношеніи продолжаются и наконецъ, что союзный договоръ между обѣими народами подписанъ (1 Марта) въ Бреславлѣ. Актъ сей довершилъ начатое Іоркомъ; по указу Короля, Генералъ сей не только былъ оправданъ, но еще для оказанія своего благоволенія, Король ввѣрилъ ему главное начальство надъ новымъ армейскимъ корпусомъ.

Прусскій кабинетъ, желая освободиться отъ ига Франціи и окончить всѣ свои пріуготовленіи прежде нежели обнаружить себя, остановился обнародованіемъ Бреславскаго трактата. Черезъ нѣсколько дней послѣ подписанія онаго Императоръ Александръ посѣтилъ Прусскаго Короля, которой заключивъ въ свои объятія того, противъ коего угнѣтатель принудилъ его вооружиться проливалъ слезы радости. Императоръ, сказалъ ему съ выраженіемъ самой кроткой чувствительности: « Утѣшься Братъ » мой, мѣры мои столь хорошо приняты, » что приближается конецъ Вашихъ бѣд- » ствій. Клянусь, что до тѣхъ поръ не

» положу моего оружія въ ножны, доколѣ не
» свергну съ Германіи ея ига. »

Увѣреніе сіе, данное столь могущественнымъ Монархомъ, котораго добродѣтели всегда служили порукою его обѣщаніямъ, возродило въ Прусскомъ Королѣ всю твердость души, какую трудно сохранить въ злополучіи. Преисполнясь мужествомъ и надеждою по четырехдневномъ совѣщаніи съ Россійскимъ Императоромъ и не могши долѣе скрывать своего рѣшенія, онъ призвалъ Графа Гарденберга, вѣрнаго своего совѣтника, коего политика, преклонивъ Прусскую Монархію, предъ ужасной бурею, пріуготовила все для извлеченія оной изъ угнѣтающаго ее порабощенія. Гарденбергъ немедленно выноситъ изъ кабинета Короля сильное провзглашеніе къ его подданнымъ для возбужденія въ нихъ чувствованій, которые только и ожидали сего одобренія, чтобъ обнаружить свой восторгъ: « Находясь подъ вліяніемъ Франціи, я ласкалъ себя надеждою, говорилъ Король въ своемъ провозглашеніи, что съ строгостію сохраняя статьи договоровъ, извлеку пользу для моего народа; но умѣренность моя возродила высокомѣріе и вѣроломство;

теперь наступила минута, въ которую мы не должны болѣе обманываться въ нашемъ положеніи; приведите себѣ на память великаго Фридерика, вспомните, что предки наши долгое время сражались за свободу, честь, независимость, торговлю, промышленность и науки. Воззрите на Русскихъ нашихъ союзниковъ; помышляйте о Гишпанцахъ и Португальцахъ. Нѣтъ средины между славнымъ миромъ или знаменитымъ паденіемъ, и если намъ назначено пасть, то умремъ съ честію.» Чтобъ лучше возбудить гражданъ, онъ объявилъ что Правительство не приметъ въ службу тѣхъ, которые не станутъ отвѣчать на сіе воззваніе и въ тоже время учредилъ Орденъ желѣзнаго креста, для украшенія отличившихъ себя въ сей новой кампаніи.

Сіе воззваніе Короля къ его подданнымъ, произвело во всемъ Прусскомъ Государствѣ совершенное воспаленіе. Всѣ состоянія на перерывъ оказывали рвеніе для вспомоществованія волѣ своего Монарха. Канцлеръ Гарденбергъ и Прусаки, увѣрясь, что пробилъ уже часъ мщенія, возстаютъ толпами, устремляются къ оружію и преобразуютъ себя въ многочисленные во-

инскіе отряды. Крестьяне летятъ по гласу своихъ правителей; не рѣдко случалось намъ видѣть, что отряды простыхъ сельскихъ жителей, отправясь въ Шлезію, въ безпорядкѣ, безъ оружій и безъ начальниковъ, пробивались сквозь наши баталіоны, испуская радостные крики. Они съ яростію взирали на удивленныхъ нашихъ солдатъ; такъ энтузіазмъ, внушаемый любовію къ отечеству беретъ поверхность надъ страждущею силою, которая часто съ горестію повинуется обладающему его могуществу.

Министръ Гарденбергъ, наконецъ спѣшилъ сочинить Ноту и въ Бреславлѣ вручилъ ее Сентъ Марсану, въ которой изъяснилъ все, что претерпѣла Пруссія съ тѣхъ поръ, какъ Тильзитской миръ предалъ цвѣтущее Государство сіе раздраженному побѣдителю, прибавляя, что по злоупотребленію силы, сей побѣдитель не удовольствовался жестокими условіями самимъ имъ наложенными, что напрасно покушаясь отвратить бурю несущую войну въ Россію, Пруссія принужденная приступить къ союзу, покрайнѣй мѣрѣ надѣялась получить твердую опору, которая защитила бы ее отъ новыхъ бѣдствій

и ласкалась, что Францiя пребудетъ вѣрною своимъ обязанностямъ. Но тѣмъ временемъ, какъ Прусаки проливали кровь свою за Наполеона, онъ не исполнилъ ни одного своего обѣщанiя: хотя онъ и согласился, чтобъ всѣ требованiи Пруссiи были выполнены въ три мѣсяца, но она не успѣла еще получить и малѣйшей части; къ концу года оные возросли до чрезвычайности. Потомъ Гарденбергъ ссылался, что Начальники крѣпостей, занимаемыхъ Французскими гарнизонами, собирали фуражъ въ Прусскихъ владѣнiяхъ для дополненiя своихъ припасовъ; что Вице-Король хотѣлъ отдать корпусъ Бюлова подъ начальство Герцога Беллуно и наконецъ, что сей Государь воспротивился набору рекрутъ въ Прусскихъ областяхъ занимаемыхъ Французскими войсками.

Наполеонъ слабо опровергъ знаменитый сей манифестъ; вмѣсто того, чтобъ основаться на отпаденiя Iорка, принудимшемъ его повелѣть Вице Королю принять строгiя мѣры, онъ отдалъ на разсмотрѣнiе Сената всѣ дипломатическiе дѣла, большая часть которыхъ болѣе обвиняла, его нежели оправдывала; онъ повелѣлъ также обнародовать ноту Круземарка, коему от-

вѣчалъ Герцогъ Бассано сказавшій въ окончаніи Посланнику : » что Провидѣніе предназначило произшествіи сей зимы для открытія ложныхъ и истинныхъ друзей и довольно еще оставило могущества его Государю , чтобъ даровать торжество однимъ , и наказать другихъ. Наконецъ Императоръ препроводилъ съ Прусскимъ манифестомъ разсмотрѣніе неизвѣстнаго, коего желчь изобличала сочинителя.

Канцлеръ Гарденберъ воспользовался безпечностію Наполеона съ такою увѣренностію, что Веггелинъ , Прусскій посланникъ въ Парижѣ, за четыре дни до заключенія съ Русскими договора не зная ничего, увѣрялъ еще Герцога Бассано, что отъ одного Имератора Французовъ зависитъ сохранить союзъ съ Пруссіею ; если онъ захочетъ только заплатить половину суммъ, должныхъ за всѣ собранные для Французской арміи припасы. Сверьхъ же того Гарденбергъ на другой день послѣ заключенія съ Россійскимъ Императоромъ условій , еще обнадеживалъ въ пламенномъ желаніи Короля своего Государя выполнить обязательства свои съ Наполеономъ. Но Тюлліерійской Кабинетъ , сколько ни былъ легковѣренъ, не могъ надѣяться на подобные

увѣренія, о которы для того только я упомянулъ, чтобы доказать, сколько въ семъ случаѣ, Прусское Министерство, было предусмотрительно въ то время, какъ политика ея, обнаруженная поступками, совершенно была основана на тѣхъ правилахъ, каковые принимаютъ народы, желающіе привести себя въ безопасность отъ жестокостей времянной силы; и что союзы присужденные перемѣняются по обстоятельствамъ войны и подвержены бываютъ всѣмъ превратностямъ щастія.

Послѣ бѣдственнаго сраженія при Калишѣ, Генералъ Рейньеръ направилъ отступленіе свое на Саксонію, преслѣдуемый Русскою арміею, соединившеюся съ Прусскою, подъ начальствомъ Генерала Блюхера. Прекрасная и злополучная страна сія, содѣлавшаяся въ послѣдствіи главнымъ театромъ кровопролитной войны, съ самаго начала оной, нашла себя обязанною вступить въ сію вражду по таковымъ причинамъ, которые всегда заставляли ее употреблять систему, совершенно противную принятой Пруссіею. Послѣ Тильзитскаго мира, часть послѣдняго сего владѣнія, преобразилась въ новое

Саксонское Королевство, и часть Польши, переимянованная въ великое Варшавское Герцогство, была присоединена къ той же Коронѣ; можно сказать, что изъ всѣхъ союзныхъ Наполеону державъ, Саксонія больше всѣхъ получила и что она увеличилась на щетъ Пруссіи, такъ какъ и Баварское Королевство составилось изъ земель отнятыхъ у Австріи. Дрезденскій дворъ сколько изъ благодарности, столько и по политикѣ остался вѣрнымъ Наполеону и какіе бы бѣдствіи онъ не претерпѣлъ, но оные почиталъ за ничто въ сравненіи съ воображеннымъ мщеніемъ Пруссаковъ.

Тогда Саксонцы предусматривали, что Французы укрѣпятся въ Эльбскихъ крѣпостяхъ, въ ожиданіи вспомогательныхъ войскъ отъ Наполеона. Сильный гарнизонъ Магдебургъ защищалъ. Виттенбергъ былъ въ безопасности отъ нападенія. Новая крѣпость Торгау, хотя имѣла земленыя укрѣпленія, но заграждала большую дорогу, ведущую изъ Позеня въ Лейпцигъ. Дрезденскій новый городъ также долженъ быть защищаемъ. Наконецъ Кенигштейнской утесъ составлялъ правой конецъ сей линіи. Отъ сей крѣпости до самой Богеміи кру-

тизна береговъ Эльбы, служила опорою военнымъ дѣйствіямъ.

Начали было уже дѣлать на сей рѣкѣ приготовленіи къ оборонѣ, какъ Русскій авангардъ вступилъ въ Лузацію, въ намѣреніи напасть на Генерала Рейньера, которой изъ Бауцена отступалъ на Дрезденъ. Происшествіи сіи принудили Короля оставить столицу До отъѣзда своего онъ обнародовалъ (23 Февраля) провозглашеніе, извѣщая онымъ, что онъ непоколебимъ въ намѣреніи пребыть вѣрнымъ политической системѣ, которой Саксонія, въ самые трудные минуты, обязана своимъ спасеніемъ и возвышеніемъ. По убѣжденіи подданныхъ своихъ вести себя тихо и миролюбиво, онъ склонялъ ихъ дать вспомоществованіе для поддержанія прежнейславы Саксонскаго народа. Въ его отсудствіи особенное независимое правительство должно было наблюдать и сохранять спокойствіе въ Государствѣ и рѣшаться на всѣ крайности, если почтетъ ихъ необходимыми для блага Королевства.

Спустя два дни, Король въ сопровожденіи Королевы и дочери отправился по Плауенской дорогѣ. Народъ хотя видалъ удаленіе Королевской фамиліи при подоб-

ныхъ обстоятельствахъ, но сей случай представлялся подъ такими горестными изображеніями, что усматривая предстоящія опасности, всѣ умы бывъ поражены горестію, полагали, что ужасная сія буря поглотитъ и Государство и Короля. Раненыхъ и больныхъ, привезенныхъ изъ Польши, отправили во внутренность Государства. Возрѣніе на сихъ несчастныхъ терзало сердца всѣхъ; бѣдствіи и страданіи ихъ изображали жителямъ столицы всѣ ужасы отступленія отъ Москвы, о коихъ повѣствованіе до сихъ поръ, не могло имъ казатся столь вѣроподобнымъ.

Въ Дрезденѣ не было гарнизона; часть Королевской гвардіи отправили въ крѣпость Кенигштейнъ, въ которой хранились коронные сокровища и драгоцѣннѣйшіе картины знаменитой Королевской галлереи. Остальные послѣдовали за своимъ Государемъ. Не большое число солдатъ, какихъ только могли собрать, укрѣпились передъ Дрезденомъ, какъ Генералъ Рейньеръ державшійся десять дней на лѣвомъ берегу Шпрее, прибылъ къ сей столицѣ съ своею дивизіею, составленною изъ Саксонцевъ и Французовъ, коихъ число простиралось не болѣе 2500. человѣкъ.

Генералъ сей, рѣшившійся защитить двѣ главные переправы чрезъ Эльбу отрядилъ на Мейсенъ 1400 Баварцевъ, присоединенныхъ къ его корпусу со времяни отъѣзда Генерала Вреде въ Минхенъ. На другой день по прибытіи своемъ въ Дрезденъ, онъ приказалъ дѣлать пріуготовленія къ оборонѣ. Нейштатъ со всѣхъ сторонъ обнесли оградой, тогда какъ на стѣнахъ стараго города, была поставлена артиллерія для защищенія моста и праваго берега рѣки. Всѣ суда, которые не могли достичь лѣваго берега, были потоплены.

Въ тотъ же день, какъ Французскій Посланникъ оставилъ Дрезденъ, и послѣдовалъ за Королемъ въ Плауенъ, начали работать на мосту и привели тѣмъ въ боязнь народъ, который опасался чтобъ превосходной сей памятникъ не былъ разрушенъ. Сперьва полагали, что цѣлію сихъ работъ обнесеніе моста оградою, или защищеніе онаго батареями, но какъ скоро увидѣли рабочихъ подъ прикрытіемъ солдатъ, подкапывающихъ сваи, то чернь желая тому воспротивиться, вырвала у работниковъ ихъ лопаты и заступы, но городовое войско и Саксонская пѣхота разогнали бунтовщиковъ и мятежъ былъ

спокоенъ. Около вечера возмущеніе началось снова. Мятежники бросали каменья въ окна Королевскаго и Брюльскаго дворцовъ, изъ коихъ въ послѣднемъ жилъ Генералъ Рейньеръ. Наконецъ разсѣяли сіи мятежническія толпы, заперевъ дворцовые вороты. Ночью сильные объѣздные патрули разъѣзжали по городу, въ то время какъ войски стояли подъ ружьемъ на площадяхъ и по улицамъ.

При семъ случаѣ, Генералъ Рейньеръ, соединивъ вмѣстѣ осторожность и неустрашимость, умѣлъ все привести въ порядокъ, ни подвергая осужденію свое достоинство, ни прибѣгая къ строгимъ мѣрамъ и чрезъ то имѣлъ удовольствіе слышать негодованіе Саксонскихъ Офицеровъ на своевольство народа, котораго они увѣряли, что храбрый сей Генералъ, подъ начальствомъ коего они служатъ около четырехъ лѣтъ не заслуживаетъ подобнаго оскорбленія. И на другой же день къ Рейньеру явились депутаты съ изъявленіемъ своего соболѣзнованія о происшедшемъ; онъ благосклонно принявъ ихъ, обѣщалъ не подвергать народъ военнымъ установленіямъ. Непосредственная коммисія, удер-

жалась наказаніемъ мятежныхъ и возвѣстила, что разрушеніе моста отлагается и, развѣ въ случаѣ совершенной необходимости, будетъ приведено къ исполненію. Рабочіе были немедленно удалены и ничто болѣе не возмущало общественнаго спокойствія.

При распространившемся случаѣ, что Русскіе, только въ двухъ миляхъ отъ города, уныніе овладѣло жителями; они заключаются въ домахъ, тѣмъ временемъ какъ солдаты летятъ къ оружію и выступаютъ на встрѣчу непріятеля. Вскорѣ получаютъ извѣстіе, что Герцогъ Екмюльскій, по сожженіи Мейсенскаго моста, приближается къ столицѣ съ дивизіею Баварцевъ; онъ приходитъ, оборонительные приготовленіи на мосту и въ Нейштадтѣ продолжаются съ новою дѣятельностію. Генералъ Рейньеръ, призываемый въ Парижъ, оставляетъ начальство и вручаетъ оное Барону Дюрютту. Экмюльскій Герцогъ посылаетъ сильные отряды для развѣдыванія къ Кенигсбергу и даетъ повелѣніе жителямъ, при случившихся сраженіяхъ не выходить изъ своихъ домовъ. Онъ немедленно приказываетъ снова начать подкапывать мостъ и всѣмъ извѣстное его

такое произвело дѣйствіе надъ жестокосердіе жителями, что цѣлой день работали безъ малѣйшаго сопротивленія.

Послѣ различныхъ ошибокъ, происшедшихъ передъ Нейштадтомъ, Маршалъ укрѣпился въ срединѣ сего предмѣстія и приказалъ перевесть на лѣвой берегъ Эльбы больныхъ, фуры и всѣ снаряды. Наконецъ всѣ войски получили повелѣніе выступать по первому сигналу. На другой день при разсвѣтѣ (20 Марта) роздано по домамъ печатное объявленіе, коимъ предписывалось жителямъ, чтобы по трехъ пушечныхъ выстрѣлахъ они оставались въ своихъ домахъ и не прежде выходили изъ оныхъ, какъ по прошествіи трехъ часовъ. Возвѣщенной сигналъ раздается и на подрытыхъ сваяхъ показывается извивающійся огонь; густой дымъ обхватываетъ мостъ и вдругъ извергаетъ ослѣпляющій бѣлой огонь. Городъ трясется, сводъ разрывается, арки его поддерживающіе вздымаются, обрушиваются и къ ужасному реву волнъ, ищущихъ прохода между развалинъ, присоединившійся страшной трескъ, раздаваясь въ Эльбскихъ долинахъ, возвѣстилъ устрашеннымъ Саксонцамъ, что половина пре-

краснѣйшаго въ Европѣ моста совершенно разрушена.

По разрушеніи моста, Герцогъ Экмюльскій переправясь на лѣвой берегъ Эльбы, пошелъ на Мейсенъ и оттуда на Лейпцигъ; въ Дрезденѣ онъ оставилъ Генерала Дюрютта съ тремя тысячами войска и небольшимъ числомъ Саксонцовъ, начальствуемыхъ Генераломъ Лекокомъ. Русскіе немедленно вступили въ Нейштадтъ, съ условіемъ заключить четырехъ дневное перемиріе, въ продолженіи коего удержать военные дѣйствія. По окончаніи онаго, войски, защищавшіе Дрезденъ, отступили.— Французы направили путь на Вильдруфъ, а Баварцы, составлявшіе арріергардъ, и находящіеся въ повелѣніяхъ Графа Рехберга, отступая на Саалу, сражались съ Русской кавалеріею, которая безпрерывно ихъ тревожила. Что же касается до Саксонцевъ, то пѣхота укрылась въ Торгау, а кавалерія отправилась въ Плауенъ, для защищенія своего Государя, которой изъ сего города направилъ путь въ Ратисбонъ въ сопровожденіи нашего Посланника. При выѣздѣ изъ своей столицы, онъ отправилъ Барона Жюста въ Парижъ; чтобъ скрыть отъ народа причину сего препорученія,

Министръ сей былъ принятъ съ обрядами предоставленными Посланникамъ. Но извѣстно, что въ семъ случаѣ порученіи его состояли изъ однихъ депешей, въ коихъ Саксонскій Король изъявлялъ чувствуемую имъ горесть, что принужденъ былъ оставить свои владѣнія.

Сенатъ и законодательный корпусъ, извѣстясь о возмущеніи въ Гамбургѣ, объ объявленіи Пруссіею войны принудившемъ насъ очистить Берлинъ и Дрезденъ, опредѣлили набрать 190 тысячь рекрутъ, начавъ оный наборъ съ національной гвардіи, или по конскрипціи предбудущаго года; для того и удержались составленіемъ десяти тысячной почетной гвардіи, которую Наполеонъ учреждалъ для Италіи, чтобъ обезопасить себя въ повиновеніи знатныхъ фамилій сей страны; онъ хотѣлъ и во Франціи употребить тоже средство съ тѣхъ поръ, какъ заговоръ Маллета доказалъ ему необходимость имѣть при себѣ залоги, которые въ его отсудствіи ручались ему за безопасность престола. Раздѣливъ почетную гвардію на четыре полка, онъ далъ замѣтить, что въ послѣдствіи изъ гвардейскаго корпуса, будетъ составлено четыре роты. Новое

доказательство непреодолимаго стремленія къ введенію древнихъ постановленій. Всякой разъ при колебаніи своего могущества, Наполеонъ чувствовалъ необходимость прибѣгнуть къ обычаямъ прежней нашей Монархіи и еслибъ долѣе продолжилось его царствованіе, то смѣсь слабости и честолюбія отдалила бы наши нравы къ тѣмъ варварскимъ времянамъ, въ которые престолъ поддерживаемъ былъ щитами воиновъ.

Готовясь открыть новую кампанію, Наполеону надобно было выбрать мѣстомъ сраженій непріязненную страну. Будучи не въ состояніи постигать ревнія, каковое придаетъ народамъ желаніе освобожденія, онъ не сомнѣвался въ будущихъ своихъ побѣдахъ, а какъ въ настоящемъ положеніи, для него необходима была жертва, то онъ долженъ былъ радоваться отложенію Пруссіи, что оное даетъ ему право ее грабить и раздѣлять провинціи сего государства. Онъ ласкался, что если владѣнія сей державы не обольстятъ Россію, то по крайнѣй мѣрѣ Австрія не отвергнетъ Шлезіи. Мечту сію поддерживалъ искусной ходъ Вѣнскаго кабинета. Въ дипломатическихъ нашихъ сношеніяхъ, Меттернихъ не переставалъ говорить, что

не только вспомогательный корпусъ изъ тридцати, или шестидесяти тысячь человѣкъ соединится съ нами, но всѣ силы Имперіи. » Еслибь надобно было составить » съ Франціею союзъ, (говорилъ онъ нашему » Посланнику) то мы не колебались бы ни » одной минуты заключить его; нѣтъ ни» когда честолюбіе для приращенія владѣ» ній, не можетъ вовлечь насъ въ войну съ » вашимъ Императоромъ. » Всѣ сіи увѣренія были повторяемы Графомъ Бубна, которой съ самаго начала важныхъ сихъ переговоровъ былъ посредникомъ между Вѣнскимъ и Тюльерійскимъ кабинетами.

Отто не переставая думать и дѣйствовать съ чрезвычайнымъ прямодушіемъ, увѣрялъ, что первый Австрійскій Министръ прилагаетъ величайшее стараніе къ убѣжденію Лондонскаго и Петербургскаго дворовъ приступить къ искреннему союзу, существующему между Франціею и Австріею и что онъ наконецъ хочетъ, чтобъ Агенты послѣдней въ дипломатическихъ своихъ отношеніяхъ названіе: *посредство* перемѣнили на *ходатайство*, потому что согласно оному, Австрія ничто иное какъ союзница, желающая положить предѣлъ военнымъ бѣдствіямъ.

Наконецъ Меттернихъ объявилъ нашему Посланнику, что онъ получилъ депеши отъ Россійскаго Императора, которой принимаетъ посредничество Вѣнскаго кабинета. Онъ прибавилъ, что чрезвычайно доволенъ умѣренными требованіями Россіи, что по справедливости сказать, она старается привлечь Австрію въ союзъ и убѣждаетъ ее воспользоватся симъ случаемъ для вознагражденія потерь своихъ, но онъ снова обнаруживаетъ, что всѣ сіи старанія напрасны, ибо Императоръ Францъ II. неимѣетъ другаго честолюбія, кромѣ споспѣшествованія всеобщему миру. Наконецъ Отто, до самой минуты своего отзыва (20 Марта) увѣрялъ вь чистосердечіи Австріи. Письмо нѣкотораго Министра, сообщенное ему Меттернихомъ служило неоспоримымъ доказательствомъ откровенности послѣдняго; но оное писано съ намѣреніемъ скрыть тайные переговоры съ давняго времяни существовавшіе между сими перьвыми Министрами; а языкъ, употребляемый ими съ нашимъ Посланникомъ, былъ необходимъ, чтобъ лучше воспользоваться его неопытностію.

Изъ всѣхъ державъ, готовыхъ объявить себя противъ Наполеона, онъ ни

одной столько не опасался и ни которой не хотѣлъ столько сберечь, какъ Австрію; но равнымъ образомъ страшился и влїянія Англїискихъ Министровъ, которыхъ золото долженствовало быть могущественною пружиною для Имперіи, алчущей возстановить свои финансы. Со всѣмъ тѣмъ можетъ быть убѣжденія Англіи не поколебали бы Вѣнскій кабинетъ, еслибъ Наполеонъ дѣйствительно сдержалъ обѣщаніе, отдавъ ему Иллирійскіе провинціи. Кажется что препорученіе Генерала Бубна имѣло предметомъ требованіе сего удовлетворенія и что сей искусный дипломатикъ успѣлъ даже восторжествовать надъ человѣкомъ, которой съ чрезвычайною трудностію уступалъ пріобрѣтенные владѣніи. Увѣряютъ даже, что Генералу Бертрану уже дано было повелѣніе, торжественно вручить Австріи сіи провинціи, но что чрезъ 12 часовъ послѣ онаго, прибылъ другой курьеръ съ вторичнымъ повелѣніемъ противнымъ перьвому, коимъ предписывалось оберегать оные провинціи и задерживать тѣхъ, которые своими наблюденіями, заставятъ полагать, что Иллирія возвращена.

Наполеонъ, ласкался надеждою, что соединеніе его съ Ерцгерцогинею, содѣлаетъ неразрушимымъ союзъ между обѣими Имперіями. Въ собраніи Сената (1 Апрѣля) онъ приказалъ объявить чрезъ своего Архиканцлера, что вскорѣ отправится къ арміи и назначаетъ Марію-Луизу правительницею, предоставляя ей неограниченное владычество; но несмотря на то, онъ не уполномочилъ ее ни обнародывать мнѣній Сената, ни возвѣщать никакого Государственнаго закона. Въ поднесенной сей Принцессѣ рѣчи, осыпали ее самыми лестными похвалами, на которые она отвѣчала сими достопамятными словами, обнаруживающими правила, внушившаго ей оные. « Императоръ чрезвычайно огорченъ, что долженъ требовать отъ своего народа многочисленныхъ пожертвованій; но когда непріятель, вмѣсто мира, хочетъ предписать намъ условія и произвесть междоусобную войну, измѣну и неповиновеніе, то необходимо, чтобъ онъ принялъ побѣдоносное свое оружіе для посрамленія враговъ и спасенія просвѣщенной Европы и ея Государей, отъ угрожающаго имъ безначалія. »

Изъ сей рѣчи, усматривали, что На-

полеонъ почиталъ мятежничествомъ усилія народовъ, ревнующихъ возвратить свою независимость. Съ помощію хитрой своей политики и ложныхъ доказательствъ пріязни, онъ помышлялъ еще сохранить уваженіе Государей, которымъ столько разъ измѣнялъ. Не привыкнувъ сносить никакого противорѣчія, онъ желалъ, чтобъ и самые сіи Государи, покоренные его волѣ, почитали мятежничество похвальное движеніе вѣрныхъ подданныхъ, для избавленія престола и отечества отъ унизительнаго порабощенія. Наимяновавъ Марію-Луизу правительницею, онъ надѣялся утвердить тѣмъ свое владычество и унизить непріятелей посредствомъ установленія, которое доказывало довѣренность и приверженность къ его супругѣ. Наконецъ онъ полагалъ, что для гордости Германскаго народа и родительской горячности Императора Франца будетъ лестно, что Австрійская Принцесса одна управляетъ могущественнѣйшею Имперіею. Актъ сей повидимому былъ почтительною данію Австріи, за кровавое оскорбленіе, претерпѣнное Лотарингскимъ домомъ горестною казнію Маріи-Антуанеты. Мѣра сія восхитила старинную партію Роялистовъ, которая

сильно вступаясь за Монархическія установленія, добровольно взяла сторону Наполеона, съ тѣхъ поръ какъ всѣ его виды, болѣе и болѣе простирались къ неограниченному владычеству; равнымъ образомъ политика его старалась въ послѣднѣе сіе время почитать умышленіи на престолъ его, произведеніемъ партіи революціонистовъ, которыхъ дѣйствительно гнусные дерзости, заставили всѣхъ признать необходимостію имѣть единственнаго владыку.

Но возведеніе Маріи Луизы въ званіе Правительницы не могло вознаградить для Австріи потерю отнятыхъ у нее областей, Нарбонъ, замѣнившій Отто (въ концѣ Марта) въ званіи Посланника, наконецъ открылъ всю политику Австріи, описывая такимъ образомъ: «Мы не можемъ знать пребудетъ ли Австрія, вѣрною союзу, или объявитъ себя противъ насъ, но до самой развязки будетъ также говорить и также поступать, какъ и теперь.» Слова сіи повидимому все объяснили Наполеону; и съ тѣхъ поръ онъ сталъ подозрѣвать Вѣнскій кабинетъ въ сношеніи съ своими непріятелями; но за всѣмъ тѣмъ притворился что не

сомнѣвается въ дружественныхъ обнадеживаніяхъ, кои не переставали ему оказывать, будучи увѣренъ, что Австрія, удерживаемая правомъ посредничества, не осмѣлится при переговорахъ въ которыхъ онъ занимается только всеобщими пользами, требовать выгодныхъ для себя пожертвованій, которые могли бы устрашить древнихъ Курфирстовъ Германской Имперіи, возведенныхъ имъ въ Королевское достоинство, или сдѣланныхъ независимыми Государями.

Словомъ, Франція старалась обмануть всѣхъ Монарховъ. Въ семъ намѣреніи Наполеонъ поспѣшалъ военными дѣйствіями, чтобъ удержать рѣшеніе Австріи, къ которому она стремилась скорыми шагами; цѣлію пронырствъ его было не заключеніе мира, но единственно, чтобъ выиграть время для набора войскъ и воспротивиться составлявшемуся противъ него союзу. Чѣмъ болѣе вникали въ дипломатическіе дѣла того времяни, тѣмъ болѣе удостовѣрялись, что Наполеону никогда не входило въ голову рѣшиться на пожертвованіи. Совсѣмъ тѣмъ, Князь Шварценбергъ, вручивъ свое начальство Генералу Фримонту, былъ отпра-

вленъ въ Парижъ, въ качествѣ корпуснаго начальника для полученія, какъ говорили, повелѣній отъ Императора; прибывъ туда, онъ вручилъ Наполеону письмо своего Государя, въ которомъ было сказано, что уступка Иллирійскихъ провинцій утвердила бы Австрію въ ея неутралитетѣ и что за сію цѣну, она объявила бы себя противъ всей Европы, еслибъ оная отказала ей въ посредничествѣ. Потомъ Шварценбергъ, принявъ опять видъ Посланника увѣрялъ, что не взирая на перемѣны обстоятельствъ, союзъ двора его съ Тюльерійскимъ никогда не прекратится и что оный не намѣренъ ничего не перемѣнить въ семъ договорѣ. Наконецъ онъ не переставалъ говорить Герцогу Бассано, что хотя вспомогательный Австрійскій корпусъ и вступилъ въ Галлицію, но готовъ исполнять повелѣнія, какія угодно будетъ назначить Императору Французовъ. Таковы то были сношенія наши съ Австріею въ ту минуту, какъ Наполеонъ производилъ съ величайшею дѣятельностію пріуготовленія къ новой кампаніи, на которой онъ основывалъ надѣжды, гораздо ласкательнѣе представляемыхъ ему примиреніемъ.

Печальные и трудные зимніе военные

дѣйствіи все еще находились подъ начальствомъ Италіанскаго Вице-Короля. Сей Государь прилагалъ всевозможное стараніе посредствомъ благоразумныхъ своихъ распоряженій сохранить Эльбскую линію, тѣмъ важнѣйшую, что послѣ оной Наполеону оставалось бы только Рейнская, которая заключила бы его въ границахъ своей Имперіи. Главная квартира по 11. дневномъ пребываніи въ Лейпцигѣ, была перенесена (21 Марта) въ Магдебургъ, занимаемый корпусомъ Генерала Лористона. Дивизія его простиралась до Виттенберга а отъ сей крѣпости до Мейсена. Эльбу охраняли Баварцы, Саксонцы и корпусъ Греньe, котораго главная часть укрѣпилась близъ Виттенберга, гдѣ непріятель казалось хотѣлъ переправиться съ помощію судовъ Шварцъ Ельстерскаго канала.

Вице-Король равнымъ образомъ обращалъ вниманіе и на Торгау. Крѣпость сія, окруженная топкою равниною, имѣла столь пространные укрѣпленіи, что была бы въ числѣ первѣйшихъ крѣпостей, если бы всѣ сіи укрѣпленіи были сдѣланы каменные. Передъ оною на Виттенбергской дорогѣ находилась крѣпостца Цинна, долженствующая удалить непріятеля отъ оной

стороны, гдѣ мѣсто бывъ не столь влажно, позволяло ему приближиться. Но Вице-Король справедливо безпокоился объ Торгау, Онъ опасался, чтобъ Саксонскій дворъ не заключилъ въ сію крѣпость свои войска и припасы въ намѣреніи сдѣлать ее независимою для расположенія оными сообразно съ обстоятельствами. Комендантъ же оной Тіелманнъ слабо обнаруживалъ усердіе къ Французамъ. Онъ уже отказалъ принять Баварцовъ и хотя Государь его препоручилъ надъ нимъ начальство Принцу Евгенію, но онъ не хотѣлъ дать ему артиллеріи, въ которой и мы имѣли большую необходимость для вооруженія Виттембергской крѣпости. Не желая помрачить излишней приверженности, которой Саксонской Король учинился жертвою, не менѣе того я почитаю обязанностію сказать, что какъ скоро сей Государь прибылъ въ Ратисбонъ, то Министры его совершенно ввѣрились Вѣнскому двору, которой совѣтовалъ имъ сохранить заключающіеся въ Торгау пособіи и предложить оные въ знакъ примиренія той державѣ, которая въ теченіи новой кампаніи болѣе будетъ благопріятствуема щастіемъ.

Русскіе и Прусаки, занимаясь окончаніемъ распоряженій, долженствующихъ утвердить союзъ ихъ, съ чрезвычайнымъ успѣхомъ производили военные свои дѣйствіи. Страшная Эльбская линія, на коей всѣ крѣпости были заняты нами, принуждала ихъ собрать важные силы, не переходя сей рѣки. Однакожъ съ помощію Гавельскаго устья непріятель пересилилъ сію преграду и чрезъ Дербенъ, онъ направилъ легкія войска на Анзеатическія города, тогда какъ съ правой нашей стороны Русскіе и Прусскіе войска, находящіеся на большой дорогѣ отъ Зейста и Веймара, заняли Саксонію. Въ это время у Вице-Короля было около 50 тысячь войскъ. Чрезвычайное пространство линіи не позволяло ему соединить корпусъ довольно еще значительной для обороны. Бывъ увѣренъ, что Наполеонъ скоро придетъ съ вспомогательными войсками, онъ хотѣлъ какъ опытный военачальникъ устрашить Берлинъ, выиграть время и увѣриться отрылъ ли непріятель средину, напавъ на его крылья съ многочисленными силами.

Уже чрезъ главный свой Штабъ (25 Марта) онъ получилъ достовѣрное извѣстіе, что Прусская дивизія Борстеля ежедневно

болѣе стѣсняло Магдебургскую крѣпость и что Графъ Витгенштейнъ намѣревался переправиться чрезъ Эльбу между Дессау и Виттенбергомъ. Вице-Король притворясь, что хочетъ оставить Магдебургъ, далъ приказаніе переправиться черезъ Эльбу всѣмъ войскамъ, которые съ праваго берега казались быть угрожающими Берлину: потомъ съ корпусомъ Генерала Гренье и 3. дивизіями Лористона, онъ быстро занялъ берегъ, который притворно оставилъ (2. Апрѣля) тѣмъ времянемъ какъ дивизія Лагранжа охраняла нижнюю Эльбу, а Герцогъ Беллуно устье Саалы.

Графъ Витгенштейнъ, полагая, что мы отступаемъ, продолжалъ идти впередъ, какъ на другой день, при разсвѣтѣ, узнаетъ, что наши войска въ боевомъ порядкѣ, укрѣпились позади его. Берлинъ, устрашенный грозчымъ нашимъ положеніемъ, полагая, что Французская армія намѣрена наступать, подкрѣпилъ Русскихъ корпусами Іорка и Бюлова. По двухъ дневномъ развѣдываніи, дѣйствіе началось въ окружностяхъ Мекерна съ большимъ жаромъ. Мы неустрашимо выдерживали нападеніе непріятеля; но недо-

статку тяжелой кавалеріи, лѣвое наше крыло, защищаемое оною, бывъ атаковано превосходными силами, отступило. Италіанская бригада, начальствуемая храбрымъ Цукхи, хотя была окружена, но на требованіе сдачи, отвѣчала Парламентерамъ выстрѣлами; два новобранные наши батталіона выдержали храбро нападеніе цѣлой бригады. Сраженіе сіе приноситъ честь Прусакамъ. Въ первый еще разъ они дрались за собственные жилища и ярость съ каковою они вспомоществовали Русскимъ, доказываетъ высочайшую степень мужества, внушаемаго истинною любовію къ отечеству. Сраженіе сіе, въ коемъ Генералъ Гренье былъ раненъ пулею въ лице, стоило намъ двухъ пушекъ и болѣе тысячи человѣкъ; тутъ мы узнали, что непріятель невзирая на дѣйствіи свои на наши фланги, не открывалъ средины и что сохраненіе Берлина, было точкою на которую онъ направлялъ величайшія свои усилія. Жители Берлина, освободясь отъ страха, пѣли благодарственныя молебны, въ знакъ торжества объ освобожденіи города.

Слѣдуя своему обыкновенію, Вице-Король съ сильнымъ прикрытіемъ, отправился на другой день разсмотрѣть мѣсто бывшаго на канунѣ и, заѣхавъ на милю въ передъ, встрѣченъ былъ отрядомъ козаковъ, засѣвшихъ въ лѣсу, которой принудилъ сего Полководца возвратиться назадъ. Двое егерей были убиты дротиками; а третій, у коего находился портфель, выронилъ его изъ рукъ; одинъ изъ козаковъ, поднявъ хотѣлъ увезть его но увидя драгунъ принужденъ былъ бросить, чтобъ избавиться отъ ихъ преслѣдованій. Евгеній видѣ замѣчая сіе дѣйствіе, чрезвычайно его занимавшее, увидѣлъ что Полковника Клиски по неосторожности его, окружили множество козаковъ; и скоро вспомоществовалъ самъ храброму сему Поляку.

Послѣ Мекернскаго сраженія, Русскіе совокупно съ Прусаками перешли Эльбу при Дессау, въ намѣреніи напасть на насъ. Немедленно Принцъ переноситъ свою квартиру въ Стасфуртъ (8 Апрѣля) и отправляетъ пятый корпусъ (Лористона) съ частію одиннадцатаго для подкрѣпленія Герцога Беллуно, которой со времени пребыванія непріятеля въ Дессау, опасался, чтобъ оный не сбилъ ввѣренную ему ли-

нію на Саалѣ, чрезъ которую корпусъ Іорка приготовлялся переправиться. Вице Король при сей перемѣнѣ прикрылъ правое крыло свое Гарцскими горами и расположилъ оберегательный свой корпусъ вокругъ Магдебурга, откуда примѣчалъ движеніи непріятеля и непріязненными своими дѣйствіями держалъ его въ нерѣшимости.

Хотя положеніе Французской арміи было весьма затруднительно, но не менѣе того оное было прекрасно въ глазахъ искусныхъ воиновъ, которые при семъ случаѣ удивлялись съ какою прозорливостію геній можетъ извлекать пользу изъ такихъ обстоятельствъ, каковые обыкновенные люди почли бы неблагопріятными. Съ одной стороны непріятельскіе колонны приближались къ Сѣверной сторонѣ Голландіи, а съ другой, чрезъ Саксонію касались Франконіи. Такимъ образомъ Вице-Король и войска его были окружены; уже три тысячи конницы заняли Елрихъ для пресѣченія ему всякаго сообщенія. Но будучи далекъ отъ того, чтобъ тревожится положеніемъ, которое отдѣливъ его отъ Франціи, лишало всѣхъ средствъ, онъ дѣйствовалъ на открытомъ полѣ съ такою же неустрашимостію, какъ бы въ вооруженной крѣпости.

Развҍдавъ Елрикскую и Госларскую дороги, Вице-Король рҍшился обороняться въ переди Гарцскихъ горъ, гдҍ обширная плоскоспь, лежащая за Кведлимбургомъ, могла служить ему непреодолимою защитою. Правая сторона его не могла быть окружена, а съ переди, плоскость столь была крута, что почти неприступна для кавалеріи. Къ тому же, еслибъ непріятель и намҍренъ былъ приближиться, то оставилъ бы за собою многочисленной Магдебургской гарнизонъ, а если бы онъ вздумалъ напасть на насъ съ противу лежащей стороны, то въ случаҍ пораженія, сія крҍпость служила бы для насъ убҍжищемъ. Посредствомъ сей искусно обдуманной позиціи, подававшей ему средства быстро переходить на всякую угрожаемую сторону, Вице-Король защищалъ Вестфалію и пользовался всҍми способами, заключающимися въ Магдебургҍ; такимъ образомъ что система его изъ оборонительной могла бы сдҍлаться наступательною и принудила бы непріятеля къ поспҍшному отступленію, какъ скоробъ онъ увҍдомился о прибытіи большой арміи, предводимой Наполеономъ Бонапарте.

Прусаки и Русскіе дҍлали на нижней Эль-

бѣ частые переправы, для ускоренія дѣйствій въ Вестфаліи и защищенія Ганзеатическихъ городовъ. Чтобъ лучше сберечь сей важный пунктъ, Вице-Король отправилъ Екмюльскаго Герцога къ Вербену, тѣмъ временемъ какъ Генералъ Вандамъ соединялъ въ Бременѣ, три дивизіи, назначенныя для составленія перьваго корпуса будущей большой арміи. Въ тоже время ему поручено было занять опять Гамбургъ и наказать мятежныхъ жителей. Дивизія Генерала Карра С. Сира соединясь со всѣми войсками, собранными въ сихъ провинціяхъ, долженствовала составлять 13. корпусъ и дѣйствовать въ Мекленбургѣ, тѣмъ времянемъ какъ Императоръ, соединясь съ Вице-Королемъ, начнетъ свои дѣйствіи въ Саксоніи.

Какъ скоро Англичане сдѣлали высадку при устьѣ Везера, то Генералъ С. Сиръ отступилъ на Бременъ. Генералъ Морандъ, соединившійся съ нимъ, лишь только узналъ, что мятежники подъ прикрытіемъ кавалеріи Генерала Теттенборна заняли Люненбургъ, то направилъ путь на сей городъ и овладѣлъ имъ. Между тѣмъ легкія отряды Чернышева и Дорнберга, невзирая на упорное сопротивленіе Генерала Монтбруна, переправились черезъ

Эльбу; изъ Брунсвига они распространили развѣдываніи даже до самой столицы бреннаго Вестфальскаго Королевства; но тѣмъ времянемъ какъ Король Іеронимъ ихъ удерживалъ, Вице-Король далъ приказаніе кавалеріи Себастіани ихъ преслѣдовать и принуждалъ присоединиться къ Генералу Теттенборну, которой съ помощію сего подкрѣпленія, вторично взялъ Люненбургъ послѣ кровопролитнаго сраженія, въ коемъ Генералъ Морандъ былъ смертельно раненъ. Войска его, оставшись подъ начальствомъ Саксонскаго Полковника, сдались въ большемъ числѣ на капитуляцію и были отведены плѣнными въ Гамбургъ вмѣстѣ съ своимъ Генераломъ, которой испустилъ духъ посреди восклицаній черни, восхитившейся симъ успѣхомъ и радостію, происходящею отъ открывшаго возмущенія.

Герцогъ Екмюльскій изъ Вербена направилъ путь на Люненбургъ, но поспѣлъ туда уже на другой день бѣдственнаго сраженія. Соединясь съ Генералами Себастіани Мориномъ и Лангранжемъ, они очистили Эльбу отъ непріятельскихъ войскъ, перешедшихъ на лѣвой берегъ сей рѣки. Вице-Король приближилъ къ себѣ это крыло,

слишкомъ отдаленное отъ его корпуса, тѣмъ временемъ какъ дивизіи Дюфура, Демонсо и Карра Сен-Сира собрались между Бременомъ и Минденомъ; но онъ все еще оставлялъ оной въ дальнемъ отъ себя разстояніи, для охраненія нижней Эльбы.

Какъ скоро Императоръ извѣстился, что Гамбургъ и Любекъ разрушили отягощающіе ихъ оковы, то удвоилъ усилія для увеличенія числа войскъ, долженствующихъ быть отправленными въ 32 милиціонную дивизію, надъ коею начальство было ввѣрено Герцогу Екмюльскому, (26 Апрѣля) равно какъ и армейской корпусъ опредѣленный для взятія Гамбурга. Послѣ данныхъ предписаній ему позволено было дѣйствовать уголовными законами и собрать 50 милліоновъ контрибуціи съ возмутившихся городовъ. Пагубныя дѣйствія ослѣпленнаго честолюбія! оставивъ симъ народамъ ихъ свободу, мы снискали бы въ нихъ себѣ друзей, но желая поработить, мы сдѣлали ихъ бунтовщиками.

Русскіе и Прусаки, проходя Саксонію и не встрѣчая нигдѣ препятствій съ удивительною быстротою подвигались къ Франконіи. Въ Эйзенахѣ, Саксонскій баталіонъ Герцогскихъ фамилій, вмѣсто удержанія непрія-

теля, перебѣжалъ къ Прусакамъ. Непріятели, овладѣвъ Веймаромъ и Эрфуртомъ, вступили ночью въ Готу и захватили Г. Сентъ Эньяна, будучи удостовѣрены, что переписка сего посланника извѣститъ ихъ о пріуготвленіяхъ Наполеона. Государь сей выѣхавъ изъ Парижа (15 Апрѣля) чрезъ двое сутокъ прибылъ въ Майнцъ, гдѣ соединено было безчисленное множество войска, составленнаго изъ недоимки конскрипціи и набранныхъ за 1813. и 1814. годы. Чувствованіе чести, одушевлявшее сихъ юношей, заставило ихъ превозмочь всѣ трудности столь быстраго похода, чтобъ заслужить названіе Французскихъ солдатъ, которымъ они весьма гордились, всѣ ревностно устремлялись на полѣ битвы, прославленное ихъ соотечественниками.

Рейнскіе Союзники также споспѣшествовали составленію новой нашей арміи, но съ большою медленностію покарялись власти, предписывающей имъ ничего не щадить для скорѣйшаго вооруженія. Усматривая, что Наполеонъ не имѣетъ болѣе силы принуждать ихъ, они притворно повиновались тогда, какъ умышляли свое отложеніе. Совсѣмъ тѣмъ Виртембергской Король и Великій Герцогъ Баденскій

дѣйствовали съ большимъ прямодушіемъ. Баварія, хотя особенно благопріятствуемая союзомъ съ Наполеономъ, первая казалась готовою отложиться особливо съ того времяни, какъ Генералъ Вреде, изъявилъ справедливое свое негодованіе, устрашилъ народъ и охладилъ усердіе двора повѣствованіемъ отступленія отъ Москвы. Хотя Баварія двигнула національную свою гвардію и собрала новые конные полки, но всѣ ея войски остались въ окружностяхъ Минхена, подъ предломъ защищенія государства отъ Австріи. Превозмогши отвращеніе свое къ сей державѣ, Баварія часъ отъ часу болѣе укрѣпляла дружественные свои сношеніи съ нею. Наконецъ она отозвала дивизію Рехберга, еще находившеюся въ нашихъ войскахъ, съ обѣщаніемъ замѣнить оную многочисленнѣйшею.

Французскій народъ, невзирая на горестное признаніе 29. Бюллетеня, все еще не имѣлъ достаточнаго понятія о невозвратимыхъ своихъ потеряхъ и никогда не могъ вообразить, чтобы несмотря на безчисленность пожертвованій, оныхъ было недовольно для государственныхъ потребностей. Только съ полною увѣренностію въ успѣхѣ солдаты наши стремились

къ границамъ, а города, правительства и всѣ должностные и частные люди, дѣлали пожертвованiи, для доставленiя желаннаго мира. Народная гордость въ особенности страшилась видѣть исчезнувшею столь дорого купленную военную славу и почитала за посрамленiе принять законы отъ побѣжденныхъ ими народовъ. Но единственнымъ желанiемъ Французовъ, въ опасную сiю минуту, было отдалить непрiятеля выигравъ у него первое сраженiе и заключить съ нимъ умѣренной миръ, давъ почувствовать какiе средства можетъ исторгнуть Францiя изъ нѣдръ своихъ и какiе величайшiе силы можетъ она выставить всякой разъ, какъ скоро будутъ угрожать ея чести и независимости. Но благоразумные сiи виды были совершенно противны видамъ Наполеона; нетерпѣливо желая предводительствовать новою армiею, онъ мечталъ доказать, что одна только суровость зимы противоборствовала непреложности его генiя.

Составлено было нѣсколько корпусовъ кавалерiи но образованiе ихъ столь было поспѣшно, что даже не доставало оружiя, блиставшаго до тѣхъ поръ удивительными успѣхами. Съ того времяни, какъ мы

очистили Польшу, Пруссію и Мекленбургъ, ремонты сдѣлались затруднительнѣе и въ людяхъ ослабѣвалъ духъ при воспоминаніи о прошедшихъ злощастіяхъ. Весьма мало оставалось тѣхъ старыхъ офицеровъ, которыхъ неустрашимость и твердость души внушала солдатамъ сіе сверхъ-естественное мужество, свойственное храбрымъ. Артиллеріи не столь трудно было вознаградить свои потери; Страсбургъ, Майнцъ и Везель столько изобиловали всѣми запасами, что оные превышали даже поглощенные Россіею, а морскіе канониры, хотя не привыкли къ полевой службѣ, но менѣе доказали своимъ искусствомъ то мужество и непоколебимое хладнокровіе, которое въ морскихъ сраженіяхъ заставляетъ презирать ярость всѣхъ стихій. Между безчисленными снарядами были достойны замѣчанія снаряды молодой вновь составленной гвардіи, проходящей съ пышностію въ величайшемъ порядкѣ. Хотя оный состоялъ только изъ шестидесяти орудій, но служилъ могущественнымъ вспомоществованіемъ; назначенный быть оберегательнымъ корпусомъ, онъ почти всегда могъ рѣшить побѣду. За неимѣніемъ лошадей, въ арміи

оставалось не болѣе трехъ сотъ пятидесяти пушекъ, но сіе число ежедневно увеличивалось и въ короткое время артиллерія сдѣлалась многочисленною.

Пѣхоту назначено было составить изъ 12 корпусовъ, изъ коихъ три находились съ Вице-Королемъ (2 и 5. и 11.) Первый корпусъ образовывался въ Бременѣ, подъ руководствомъ Вандама и долженъ былъ дѣйствовать противъ Гамбурга. Герцогъ Ельхингенскій, недавно пожалованный Княземъ Москвы, начальствовалъ третьимъ корпусомъ, состоящимъ изъ пяти дивизій. Четвертый, извѣстный подъ имянемъ обсерваціонной Италійской арміи, приведенъ былъ Генераломъ Бертраномъ, сдавшимъ должность Губернатора Иллирійскихъ провинцій Герцогу Абрантесу. Въ шестомъ, начальствуемомъ Маршаломъ, Мармонтомъ, щиталось три дивизіи; что же касается до седьмаго и осьмаго, то оные состояли изъ Саксонцовъ и Поляковъ и по прежнему находились въ повелѣніяхъ Генерала Рейньера и Князя Понятовскаго. Девятаго корпуса уже не существовало, а десятый составлялъ Данцигской гарнизонъ. Двѣнадцатый, ввѣренный Герцогу Реджіо, имѣлъ три дивизіи, изъ ко-

ихъ одна была Баварская. Наконецъ Нижне-Эльбская армія, которая наимянована 13 корпусомъ, находилась подъ предводительствомъ Принца Екмюльскаго. При каждомъ корпусѣ находился отрядъ легкой кавалеріи. 14 кавалерійскими дивизіями, раздѣленными на 4 оберегательные корпуса, предводительствовали Генералы Латуръ-Мобургъ, Себастіани, Арриги и Келлерманъ. Тѣлохранители Императора стояли изъ двухъ полковъ старой гвардіи; въ новой гвардіи находилось четыре Кавалерія ее должна была раздѣлиться на многіе дивизіи, щитая только тѣ силы, съ коими Наполеонъ намѣренъ былъ дѣйствовать, при вступленіи въ кампанію съ Русскими и Прусаками, для сопротивленія онымъ у него было 150 тысячь пѣхоты. Что же касается до кавалеріи, то всѣ означенные корпусы еще были необразованы и назывались дивизіею нѣсколько слабыхъ эскадроновъ, взятыхъ изъ Депо. Уже послѣ перемирія она была усовершенствована и столько образована, что могла вступить въ линію. Такимъ образомъ можно сказать, что Наполеонъ началъ совершенно новаго рода войну, ибо онъ шелъ только съ четырь-

мя тысячами конницы, противъ двухъ державъ, коихъ главнѣйшая сила состояла въ кавалеріи.

Отправясь въ Майнцъ, Наполеонъ ѣхалъ съ такою скоростію, что опередилъ многихъ изъ своей свиты. Въ продолженіи краткаго пребыванія въ семъ городѣ, всѣ минуты его были посвящены къ ускоренію образованія войскъ. Не заботясь о томъ все ли готово для ихъ составленія, онъ безъ остановки составлялъ полки изъ всѣхъ, кто только могъ владѣть ружьемъ, справедливо полагая, что не иначе какъ на многочисленной пѣхотѣ должно основывать свою надежду. Симъ то невѣроятнымъ усиліямъ онъ обязанъ сею арміею, которой появленіе служило предметомъ удивленія и которая съ самаго начала, долженствовала доставить ему успѣхи, возвратившіе прежній блескъ его созвѣздію.

Наконецъ, Наполеонъ, приказавъ укрѣпить Маинцъ, оставилъ сей городъ (24 Апрѣля) осмотрѣвъ прежде различные полки и отправя въ Вецларъ Истрійскаго Герцога, для надзиранія за Польскою дивизіею Генерала Дембровскаго. Въ Вицбургскомъ Герцогствѣ, коего Государь на-

ходился въ отсутствіи для испрошенія совѣта у Австріи, Кастигліонскій Герцогъ собиралъ новую армію изъ шести дивизій и одного кавалерійскаго корпуса; армія сія повидимому назначалась для защищенія Баваріи, коей движеніе онъ принялъ осторожность наблюдать съ тѣхъ поръ, какъ тайные ея сношеніи съ Вѣнскимъ кабинетомъ заставляли предусматривать перемѣну ея политики. Наполеонъ остановился на короткое время въ Франкфуртѣ, потомъ осмотрѣлъ Эрфуртскіе укрѣпленіи. Саксенъ - Готскій Князь, коего владѣніи долженствовали быть заняты нашимъ авангардомъ, представился къ нему по его прибытіи и согласно тогдашнему выраженію, имѣлъ честь быть приглашенъ къ обѣденному столу Наполеона Бонапарте.

Князь Шварценбергъ оставилъ Парижъ, спустя одиннадцать дней послѣ отъѣзда Наполеона; въ переговорахъ своихъ съ Герцогомъ Бассано, онъ употреблялъ всѣ обороты, могущіе споспѣшествовать заключенію мира съ своей стороны Министръ нашъ дѣлалъ ему превосходные обѣщаніи, надѣясь, что близкая побѣда вскорѣ позволитъ намъ перемѣнить тонъ

переговоровъ. Наполеонъ, желая знать, какъ ему расположиться въ разсужденіи обнадеживаній Вѣнскаго кабинета, отправилъ къ нему инструкцію коей, главнѣйшее содержаніе состоитъ въ слѣдующемъ: » Какъ » скоро въ первыхъ числахъ Маія, Французскій Императоръ, отправится на берега Эльбы съ тремя стами тысячь человѣкъ, то вспомогательный корпусъ, » предводительствуемый Генераломъ Фримонтомъ, долженъ будетъ отказаться отъ » заключеннаго съ Русскими перемирія и » дѣйствовать противъ нихъ тѣмъ временемъ, какъ Французская армія будетъ дѣлать пріуготовленія къ открытію новой » кампаніи. Въ тоже время Австрія подкрѣпитъ корпусъ Понятовскаго, окопавшійся въ окрестностяхъ Кракова и составитъ » его въ 150 тысячь. Онъ долженъ соединиться, поставить себя въ оборонительное положеніе и при малѣйшемъ знакѣ » быть готовымъ къ дѣйствію. Въ Богеміи долженъ образоваться корпусъ отъ 30 » до 40 тысячь и въ день прибытія Императора съ Маинцскою арміею на берега » Эльбы, Австрійскій Министръ объявитъ » войну Россіи. Краковская армія должна » отступить отъ перемирія, а Богемская

» выдти изъ квартиръ. » Наконецъ остальныя Австрійскія войска, укрѣпившіеся въ Галлиціи, или въ Буковинѣ, должны быть въ распоряженіи Франціи.

Нарбонъ доставилъ сей планъ Вѣнскому двору и Г. Меттернихъ улыбнулся при чтеніи столь высокомѣрнаго наставленія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы уже и замѣтили, вспомогательный корпусъ, не дождавшись двухъ недѣльнаго окончанія условленнаго перемирія съ Русскими, вступилъ въ Галлицію. Вѣнскій кабинетъ возвѣщалъ, что сей поступокъ нимало непротивенъ основанію условій заключеннаго съ Франціею союза; Нарбонъ требовалъ изъясненія и черезъ пять дней (26 Апрѣля) Меттернихъ ему объявилъ, что Австрія не позволитъ себѣ никакого непріязненнаго дѣйствія противъ Русскихъ. Такимъ то образомъ она уничтожила союзъ свой съ Франціею.

Послѣдствіе брани, запутавшей Наполеона, коей начало бывъ неблагополучно, могло бы ускорить его паденіе, чрезвычайно занимало его и разливало печальный и заботливой видъ по всему лицу его. Заключась въ кабинетѣ и размышляя о

планѣ для сей кампаніи, онъ показывался, тогда только, когда слышалъ шумъ проходящей кавалеріи. Большая часть арміи направила путь по Крансфельдской дурной дорогѣ, для соединенія съ Италіанскимъ корпусомъ долженствовавшимъ очистить проходъ чрезъ Кобургъ. Движеніе сіе равно имѣло цѣлію отдалить отъ Тюрингскихъ лѣсовъ, легкіе Русскіе и Прусскіе отряды, коихъ набѣги простирались даже до границъ Баваріи.

По приближеніи къ Саксоніи, владѣтель сей области, встрѣтилъ Наполеона, который при отъѣздѣ изъ сего города, оставилъ свою карету и продолжалъ путь верьхомъ. Такимъ образомъ онъ исполнилъ данное обѣщаніе, послѣ переправы черезъ Рейнъ, выступить въ походъ какъ Генералу Бонапарте, а не какъ Императору. Полагая, что Князь Невшательскій не въ силахъ будетъ отправлять тягостныхъ своихъ обязанностей, увѣряли, что Наполеонъ здѣлалъ при себѣ Герцога Далматскаго начальникомъ главнаго штаба. Но здоровье Князя, не взирая на его лѣта и понесенные труды, со времяни пребыванія Императора возстановилось и онъ продолжалъ отправ-

леніе обоихъ должностей съ обыкновенною дѣятельностію, съ тѣхъ поръ Маршалъ Сультъ былъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ Императорской гвардіи.

До начатія повѣствованія о великихъ военныхъ происшествіяхъ, открывшихъ новую кампанію, бросимъ взглядъ на положеніе чужестранныхъ войскъ и осаждаемыхъ ими крѣпостей. Хотя Прусскій народъ добровольно шелъ на службу, но совсѣмъ тѣмъ, войски его не могли скоро образоваться; потому что изъ всѣхъ правительствъ, ни одно столько неспособствуетъ быстрому раскрытію военныхъ силъ, какъ наше. (1) Россія дополняла свои войски. Во всемъ пространствѣ сей обширной Имперіи дѣлали многочисленные наборы. Сіе правительство, вспомоществуемое дворянствомъ. присылало въ армію лошадей и деньги. Но не взирая на таковую ревность, дальное разстояніе причиняло столь великіе препятствіи, что въ это время поступила еще очень малая часть рекрутъ и ремонтовъ, ожидае-

---

(1) Ложь безстыдная и хвастовство!

мыхъ Россійскимъ Императоромъ изъ внутренности пространной своей Имперіи.

Такимъ образомъ Русскіе и Прусаки не осаждали настоящимъ образомъ ни одной изъ занимаемыхъ нами крѣпостей, а ограничились обложеніемъ оныхъ малымъ числомъ войскъ, для воспрепятствованія гарнизонамъ дѣлать частыя вылазки. Всѣ оставленные нами крѣпости на Одерѣ, Вислѣ и Эльбѣ еще защищались, выключая Торна, коего не позволили намъ долго удержать слабые его укрѣпленіи; гарнизонъ онаго, котораго число уменьшилось до 1800 человѣкъ больныхъ и выздоравливающихъ, изъ коихъ четыре пятыхъ частей были Баварцы, нашелся принужденнымъ сдаться (16 Апрѣля) на условіяхъ, въ которыхъ не заключалось ничего унизительнаго для чести нашего оружія. Равнымъ образомъ и Генералъ Брюни, Губернаторъ крѣпости Шпэндау, отъ происшествія весьма обыкновеннаго въ исторіи, видѣлъ опроверженною оборонительную свою систему. Отъ сильной бомбандировки загорѣлся магазинъ и достигъ до бастіона, въ коемъ находился порохъ. Взорваніе онаго разрушило крѣпость и сей Генералъ сдался

на тѣхъ же условіяхъ, какъ и Торнскій гарнизонъ; но переходя Гавелбергъ съ своимъ войскомъ, онъ едва не былъ умерщвленъ вооруженными крестьянами сего уѣзда. Варварское сіе покушеніе обезславило бы Прусскіе лѣтописи; но храбрый Полковникъ Гурьевъ, разогналъ возмутившуюся чернь. Наполеонъ чрезвычайно былъ недоволенъ сдачею сихъ крѣпостей; какъ скоро щастіе вновь стало ему благопріятствовать, то онъ сдѣлался гораздо суровѣе въ разсужденіи тѣхъ, коихъ оно угнѣтало своею жестокостію. Наконецъ крѣпость Ченстоховъ, сильно бомбандируемая корпусомъ Сакена, загорѣлась и также должна была сдаться. Что же касается до прочихъ крѣпостей, то гарнизоны оныхъ, состоящіе изъ старыхъ войскъ, ожидали только снятія осады для оказанія своей храбрости, столь долгое время ослабѣвающей въ бездѣйствіи.

Непріятель, какъ мы уже замѣтили, поставилъ многочисленный корпусъ передъ Берлиномъ для прикрытія сей столицы, угрожаемой Магдебургскимъ гарнизономъ. Остатокъ ихъ войскъ, раздѣленной на двѣ длинные колонны, изъ коихъ одна дѣйствовала на нижней Эльбѣ, а другая

между Дрезденомъ и Тюрингомъ, изыскивалъ средства отважными своими набѣгами возмутить народы, принужденные нами къ принятію союза. Россійскій Императоръ и Прусскій Король съ 24 Апрѣля находились въ Дрезденѣ. Войски ихъ, противъ которыхъ выстроилась наша армія, разсѣялись слишкомъ на сто миль и намъ очень легко было бы на нихъ напасть, тѣмъ болѣе что Вице-Король, извѣстясь о скоромъ прибытіи Наполеона, началъ стѣснять правой флангъ непріятеля; и угрожалъ даже его тылу, предполагая, что онъ хочетъ удерживаться. Обстоятельство сіе, соединясь съ слабостію первой линіи, принудило Прусаковъ отступить на правой берегъ Саалы.

Ней ввѣрилъ начальство своего авангарда Генералу Сугаму, прибывъ къ Вейсенфельсу онъ встрѣтился съ Русскою дивизіею Генерала Ланскаго; хотя пѣхота наша состояла изъ новобранцевъ уступила поле сраженія, но столько оказала усердія и рвенія, что утвердили Наполеона въ его мысляхъ, что имѣть неопытныхъ воиновъ гораздо лучше, ибо старые, бывъ утомлены войною, неспособны къ подобнымъ порывамъ, и въ самомъ дѣлѣ, молодые наши солда-

ты сражались съ такимъ мужествомъ, что все предвѣщало намъ успѣхи. Плѣненные славою, алкая возвышеній и знаковъ отличій, никогда не зная бѣдствій, они шли на полѣ битвы съ неустрашимостію, внушаемою слѣпою довѣренностію. При первомъ шагѣ они отбили Вейсенфельскую позицію и отступили по многомъ сопротивленіи.

Въ то время, какъ Императоръ принуждалъ непріятеля очистить Саалу, Вице-Король уже нѣсколько дней, соединявшій свои войски въ Ангальтъ Бернбургскомъ владѣніи, получивъ извѣстіе, что Наполеонъ приближается, двинулся къ Ейслебену. Онъ приказалъ корпусу Лористона занять построенные Прусаками Виттинскій и Гильскій мосты. Въ тоже время посланы были многіе отряды для развѣдыванія на Саалу, чтобы узнать заставило ли прибытіе новой нашей арміи отступить непріятельскіе передовые отряды къ другому корпусу. Возвращаясь съ Саалы, Принцъ Евгеній встрѣтилъ въ Шраплау Польскаго офицера, которой, вручилъ ему депеши отъ Наполеона, увѣдомилъ насъ, что главная его квартира

препровела ночь въ Наумбургѣ; и что большая армія немедленно съ нашею соединится. При видѣ сего храбраго воина и мужественнаго его отряда, сердца всѣхъ предались радости; всякой съ восхищеніемъ смотрѣлъ на сихъ неустрашимыхъ копіеносцевъ, коихъ воинскіе виды напоминали намъ дни нашихъ торжествъ. Съ ласковостію подходили къ нимъ, пожимали руки и потомъ съ заботливостію осыпали вопросами; все что они ни разсказывали о силѣ войскъ, собраніи ихъ, храбрости и о удивительномъ ихъ составленіи наполнило радостію наши сердца и возвысило въ нашихъ глазахъ мнимую славу нашего отечества.

Вице-Король, которой около четырехъ мѣсяцевъ съ небольшимъ числомъ войскъ благоразумными своими движеніями удерживалъ непріятеля, при полученіи сего пріятнаго извѣстія, проливалъ радостные слезы и поздравлялъ себя съ достиженіемъ столь труднаго и столь знаменитаго своего начальства. Въ продолженіи ночи, онъ не могъ сомкнуть глазъ; ему казалось что наступающій день освѣтитъ знаменитую побѣду, которая будетъ послѣдствіемъ его расположеній и наградою за

долговремянное терпѣніе. Когда онъ вычислялъ все то, что сдѣлалъ въ теченіи жестокой зимы, то исполненная радости душа его заставляла почитать горестную но похвальную сію кампанію, блистательнѣйшею изъ всѣхъ, потому что въ оной онъ болѣе оказалъ услугъ скорбному своему отечеству.

Герцогъ Тарентскій, которой на канунѣ того дня, принялъ начальство надъ одиннадцатымъ корпусомъ, приступилъ къ Мерзбургу, сей городъ, коего положеніе было весьма крѣпко, защищали двѣ тысячи Прусаковъ, изъ числа корпуса Іорка, оставившаго Маршала. Въ слѣдствіе столь быстраго дѣла, мы овладѣли Мерзбургомъ и двумя стами плѣнныхъ. Вице-Король, перенеся главную свою квартиру въ сей городъ, собралъ войска и получилъ извѣстіе, что непріятель укрѣпилъ на Элстерѣ линію, простирающуюся отъ Галля до Алтенбурга.

По прибытіи въ Наумбургъ, Наполеонъ дѣлалъ многіе вопросы чиновникамъ сего города о Русскихъ и Прусскихъ войскахъ. Спрашивалъ о расположеніяхъ жителей Лейпцига; освѣдомлялся также о состояніи крѣпостей Торгау и Витшенберга и въ

особенности распрашивалъ съ величайшимъ старанiемъ объ разстоянiи до Зейтца. Старанiе его собрать подробные свѣденiи о дорогѣ ведущей къ сему городу; заставляло думать, что етотъ городъ входитъ въ планъ собственныхъ его, или непрiятельскихъ дѣйствiй; онъ равно освѣдомлялся объ окрестностяхъ Лютцена, вспомнивъ, что Густавъ Адолфъ лишился на оныхъ жизни. У тѣхъ же самыхъ чиновниковъ Наполеонъ спросилъ съ благосклонностiю: полагали ли вы, чтобы я такъ скоро пришелъ? Къ сему вопросу Наполеонъ имѣлъ особенное пристрастiе, и когда ему отвѣчали, что нѣтъ, то въ глазахъ его заблистала радость, столько то было для него прiятно, явиться какъ бы посредствомъ чуда и повергнуть въ изумленiе народы быстротою своихъ дѣянiй.

Армiя находилась въ переди Вейсенфельса, не взирая на проливной дождь (1 Маiя), какъ вдругъ наши развѣдыватели, поднявъ тревогу, открыли непрiятеля. Тотчасъ дивизiя Сугама придвинулась къ Риппаху съ кавалерiею Графа Валми. Прочiе корпуса, при коихъ присудствовалъ Наполеонъ, направили путь на Позернскiе возвышенiи, въ ожиданiи какъ будутъ напи-

рать на Риппахскіе проходы. Нападеніе на сей отрядъ исполнилось не столь скоро, какъ того желали; Герцогъ Истрійскій, коего усердіе къ Наполеону, поставляло обязанностію предупреждать его повелѣнія оставивъ должность гвардейскаго Полковника для исполненія обязанностей Адъютанта, бывъ увлеченъ своимъ мужествомъ, пошелъ въ передъ съ нашей пѣхотой, но едва достигъ высоты, занимаемой непріятельскою артиллеріею, какъ палъ, будучи пораженъ въ грудь пушечнымъ ядромъ. Тѣло его было унесено и съ такою тайностію скрыли сіе происшествіе, что даже офицеры не прежде объ ономъ узнали, какъ послѣ сраженія. Общая скорбь ослабила горестное впечатлѣніе, каковое долженствовала бы произвесть смерть Маршала. Такимъ образомъ погибъ, при самомъ открытіи кампаніи одинъ изъ вѣрнѣйшихъ друзей Бонапарте равно достойный уваженія какъ по храбрости своей, такъ и по опытности. Объ Герцогѣ надобно сказать что по заслугамъ его можно сдѣлать вычисленіе достопамятнѣйшихъ нашихъ подвиговъ. Въ продолженіи цѣлыхъ 18 лѣтъ онъ былъ знаменитымъ сотоварищемъ въ трудахъ Наполеона и если раздѣлялъ съ

нимъ почести, то первый стремился на всѣ опасности. Смерть его чрезмѣрно опечалила армію; сколько съ того времяни завидовали ему сіи пламенные души, для которыхъ война есть торжество, а слава необходимость.

Дивизія Сугама, занимавшая проходъ, овладѣла примыкающими къ оному возвышеніями; стѣсненная двумя кавалерійскими полками, она была подкрѣплена дивизіями Жирарда и Маршанда. Въ самый день сего произшествія (1 Мая) Генералъ Дежеанъ, Адъютантъ Императора, отправился въ Мерсбургъ съ повелѣніемъ Вице-Короля двинуться въ передъ. Войски, начальствуемые симъ Государемъ, немедленно выступили, исключая Герцога Беллуно, которому приказано было продолжать защищеніе Саалы. Артиллерія стрѣляла по нихъ, какъ скоро они хотѣли выстроиться. Дѣйствіе сіе продолжалось до самаго Люцена. Перешедъ луга, заросшіе кустарникомъ, мы вступили на пространную равнину, покрытую непріятельскими войсками и арміею Наполеона. Глаза наши, во время продолжительной зимы, видѣвшіе одни только горестные предметы, съ восхищеніемъ разсматривали уди-

вительное сіе зрѣлище. Съ высоты горизонта приближался кровожадный нашъ властитель; громъ пушекъ его былъ для насъ лестнымъ звукомъ, подобнымъ залпамъ артиллеріи, знаменующимъ торжества и означающимъ всеобщую радость. Сквозь облака пыли и дыма, разгоняемые яркимъ солнцемъ, видны были длинные колонны непріятельской кавалеріи, на которую Наполеонъ и мы нападали съ переди и съ боковъ.

При семъ зрѣлищѣ, радостные крики раздались въ обѣихъ Французскихъ арміяхъ, которые, приводя себѣ на память прекрасные дни своей славы, полагали, что небо снова содѣлавшись благопріятнымъ, предвѣщаетъ съ возвращеніемъ весны, снова покрыть зеленью наши лавры; мысль сія всѣ сердца приводила въ движеніе и принудила самые легковѣрные души тронутся сими общепринятыми предвѣщаніями. Тѣ, коихъ просвѣщеніе возвысило духъ, углублялись въ размышленіи о всемъ, что только можетъ Исторія напомянуть великаго и героическаго. Видъ пространной равнины, богатый дарами природы и еще болѣе знаменитыми воспоминаніями, обагренной кровію мужествен-

ныхъ воиновъ Германіи и Скандинавіи, на коемъ два Шведскіе Короля столь славно укрѣплялись (1) внушалъ намъ самые благородные и самые возвышенные размышленіи. Сей городъ; говорили, есть самый тотъ Люценъ, при которомъ столько разъ происходили кровопролитнѣйшіе сраженіи; вотъ та мѣльница, откуда летѣлъ бѣдственный ударъ, лишившій Швецію величайшаго Государя (2). Всѣ сіи предметы занимали воиновъ, которые приготовлялись на сихъ же самыхъ мѣстахъ, рѣшить участь можетъ быть цѣлой Европы.

При воззрѣніи на тополовые деревья, означавшіе мѣсто, на которомъ погибъ великодушный избавитель Германіи, сердца всѣхъ были разстроганы и почтительное молчаніе свидѣтельствовало наше

(1) Густавъ Адольфъ въ 1632 и Карлъ XII въ 1702 годахъ.

(2) Сраженіе, въ коемъ погибъ Густавъ Адольфъ происходило 6 Ноября 1632 года. Дорога отъ Люцена къ Лейпцигу раздѣляла сражающихся. Австрійцы занимали Мерсбургскую, а Шведы Пегаускую долину.

благоговѣніе къ памяти сего Героя. Движимые благочестивымъ любопытствомъ, мы спѣшимъ къ симъ тополамъ, какъ вдругъ группа кавалеристовъ, на коихъ одежда ярко горѣла отъ золота и серебра выступаетъ изъ Люцена и приближается къ гробницѣ Густава Адольфа; мы узнаемъ Бонапарта сопровождаемаго блистательнымъ своимъ штабомъ. Офицеры обѣихъ армій заключаютъ другъ друга въ объятія и въ сихъ взаимныхъ изліяніяхъ, одни получаютъ поздравленіи въ принесенныхъ надеждахъ, другіе знаки благодарности за выполненіе понесенныхъ ими тягостныхъ трудовъ. На самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ погибъ великій воитель, Наполеонъ послѣ долговремяннаго отсутствія опять увидѣлся съ Принцемъ Евгеніемъ; на сей самой знаменитой гробницѣ онъ воздавалъ заслуженные похвалы превосходнымъ его поступкамъ, которые были для насъ, равно какъ и для нашего полководца, благородною наградою за продолжительные усиліи и могущественнымъ поощреніемъ къ новымъ сраженіямъ.

Въ различныхъ сшибкахъ, происходящихъ между нами и непріятелемъ, отъ

употреблялъ многочисленную кавалерію и очень мало пѣхоты. Обстоятельство сіе предвѣщало Наполеону, что союзная армія еще не соединилась и что онъ прежде ее можетъ вступить въ Лейпцигъ; въ таковомъ увѣреніи, онъ вознамѣрился переправиться черезъ Эльстеръ у сего города и со всею своею арміею сдѣлать движеніе въ право, чтобъ ударить на непріятеля въ бокъ. Потому ли, что его занимала мысль остаться на томъ мѣстѣ, на которомъ погибъ Густавъ Адольфъ, или потому, что онъ находилъ въ положеніи своемъ нѣкоторое сходство съ положеніемъ Шведскаго Героя, Наполеонъ съ величайшею подробностію освѣдомлялся о всемъ относящемся до древней Люценской битвы.

Тѣмъ времянемъ 5. и 11. корпуса, предводительствуемые Вице-Королемъ, расположились: перьвый въ Требендорфѣ, а второй въ Эпсшѣ, близь Маркъ-Ранштедской дороги. Маршалъ Ней стоялъ въ Каіѣ. Рагузскій Герцогъ укрѣпился въ Позернѣ и составлялъ правое крыло; Генералъ Бертранъ выступилъ изъ Стогзена для его подкрѣпленія; Герцогъ Реджіо былъ въ Наумбургѣ; наконецъ вся Императорская гвардія укрѣпилась въ Лю-

ценѣ , гдѣ находилась тогда главная квартира (1).

Россійская армія также стала въ боевой порядокъ. За три дни передъ симъ, она понесла величайшую потерю. Главнокомандующій оною Фелдмаршалъ, Князь Кутузовъ-Смоленскій скончался въ Бунцлау , отъ нервической лихорадки на семидесятомъ году своей жизни. Военачальникъ сей во всѣхъ походахъ отличавшійся благоразумнымъ хладнокровіемъ и предусмотрительностію пріобрѣлъ великую славу въ послѣднюю Турецкую кампанію. Со времяни вторженія нашего въ Россію , онъ умѣлъ при удобномъ случаѣ пользоваться всѣми обстоятельствами , могущими насъ разстроить не подвергая опасности своей арміи ; торжество его надъ Наполеономъ будетъ знаменито въ повѣствованіяхъ о военномъ искусствѣ. Оно пріобрѣло успѣхъ разрушившій всѣ надежды Бонапарте и почти навсегда освятило мысль о непреодолимости могущества Россіи. Кутузовъ , справедливо почитаемый избавителемъ своего отечества и Фабіемъ Россійскимъ , сошелъ во

---

(1) Смотри планъ Люценскаго сраженія. Онъ необходимъ для изъясненія сего мѣста.

гробъ, увлекая съ собою уваженіе Европы, почтеніе враговъ и признательность своихъ согражданъ. Провидѣнію угодно было продолжить дни его до совершеннаго освобожденія Россіи. Онъ первый, еще прежде Веллингтона, постигъ тайну побѣждать Наполеона и скончался прославляемый отъ всѣхъ за благоразумные свои распоряженія.

По смерти Князя Кутузова, Главнокамандующимъ Россійскими арміями былъ наимянованъ Графъ Витгенштейнъ, который зная, что армія Вице-Короля направила путь къ Лейпцигу, притворился отступающимъ за Элстеръ въ намѣреніи воспользоватся отдаленіемъ обѣихъ армій и напасть на нашъ аррієргардъ. Присоединясь къ корпусу Тормасова, онъ ночью переправился черезъ Эльстеръ въ Звенкау и Пегау и на другой день пошелъ на Люценъ, тогда какъ Наполеонъ воображалъ имѣть дѣло съ однимъ только кавалерійскимъ корпусомъ, обезпокоивающимъ его съ тылу.

Цѣлію сего движенія было выставить позади насъ двадцать пять тысячь конницы, взять Наумбургъ, Вейсенфельсъ и Мерзбургъ и запереть насъ между Сааломъ

и Эльстеромъ тѣмъ времянемъ, какъ мы будемъ идти на Лейпцигъ. Предпріятіе сіе основывалось на достовѣрности, что мы имѣемъ недостатокъ въ кавалеріи. Но оное не скрылось отъ Наполеона.

2 Мая по утру Графъ Лористонъ и Маршалъ Макдональдъ двинулись на большую Лейпцигскую дорогу. Столбы пыли, происходящіе отъ длинныхъ колоннъ нашей пѣхоты, не оставляли сомнѣнія Графу Витгенштейну, что вся Французская армія идетъ на Лейпцигъ и что наступила минута воспользоваться растянутіемъ нашей линіи, чтобы проникнуть въ средину, которая ослабѣла отъ важныхъ силъ, идущихъ съ лѣвой стороны. Уже всѣ наши армейскіе корпуса прошли мимо Люцена, или собирались у сего города, выключая корпуса Маршала Удино, которой былъ оставленъ у Наумбурга для замѣчанія, чтобъ Русскіе, прочистивъ себѣ дорогу отъ Зейтца, не напали на тылъ нашей арміи.

Тѣмъ времянемъ, какъ лѣвое наше крыло продолжало идти, средина и правый флангъ выстроились въ боевой порядокъ передъ непріятелемъ; Наполеонъ, прибывъ къ Деглину и нашедъ тутъ бивакъ своей гвардіи,

остановился какъ будто бы для осмотра солдатъ. Ней находился тогда при немъ и обозрѣніе уже готово было начаться, какъ вдругъ, около десяти часовъ утра, сильная пальба раздалась въ той сторонѣ, гдѣ укрѣпились войски сего Маршала; вскорѣ послѣ того, въ той же сторонѣ появилось множество большихъ колоннъ, предводительствуемыхъ Блюхеромъ и Іоркомъ; горизонтъ затмился и солдаты съ восторгомъ раздѣляли рвеніе своихъ начальниковъ. Графъ Витгенштейнъ ударилъ къ на ъ въ средину; сраженіе началось атакою деревни Гроссъ-Гершенъ, которая была защищаема съ безпримѣрною упорностію дивизіями Сугама и Жирарда (1). Совсѣмъ тѣмъ позиція сія была отбита, равно какъ и деревни Кл. Гершенъ и Рано, коими подкрѣплялась наша средина.

Наполеонъ тогда увидѣлъ, что планъ непріятеля готовъ исполниться; не оказывая себя ни встревоженнымъ, ни смущеннымъ, онъ повелѣваетъ Маршалу Нею принять начальство надъ своимъ корпу-

---

(1) Сокращеніе компаніи 1813 года, описанное Г. Клозевитцемъ, Полковникомъ Россійско-Германскаго Легіона.

сомъ. Въ туже минуту Князь Невшатель-скій привозитъ изъ Люцена извѣсти, которые были присланы къ нему вдругъ со всѣхъ Аванпостовъ. Между ими начинается жаркой разговоръ, въ которой вступаютъ многіе Генералы. Потомъ Наполеонъ остается одинъ; онъ примѣчаетъ направленіе дыма, прислушивается къ шуму артиллеріи и въ молчаніи углубляется въ донесеніи, ежеминутно къ нему присылаемые, которые всѣ единогласно подтверждали, что средина наша атакована многочисленными силами.

Въ то время Бонапарте призываетъ къ себѣ Генераловъ и Адьютантовъ, даетъ имъ повелѣніи для выполненія новыхъ движеній, которые немедленно и неожиданно перемѣняютъ ходъ сраженія. Дивизія Гессенцовъ и Баденцовъ, которая шла къ Лейпцигу, до прибытія своего въ Маркъ-Ранштетъ, получаетъ противное тому повелѣніе и направляетъ путь прямо къ тому мѣсту, гдѣ повидимому сильнѣе происходила битва. Сочинитель сей исторіи съ самаго утра сопровождавшій Императора, былъ отправленъ къ Вице-Королю съ повелѣніемъ удержать нападеніе Генерала Лористона на Лейпцигъ. Принцъ

Евгеній съ двумя слабыми дивизіями тяжелой кавалеріи изъ корпуса Латуръ-Мобурга находился въ переди, желая присутствовать при взятіи города; онъ былъ уже въ Линденау и въ готовности переправиться черезъ Элстеръ, какъ получилъ повелѣніе отъ Наполеона съ 11 корпусомъ отправится на лѣвую сторону мѣста сраженія. Оставивъ Генерала Лористона передъ Лейпцигомъ, онъ обращается на Маркъ-Ранштентъ, гдѣ укрѣпился 11 корпусъ и вмѣстѣ съ Герцогомъ Тарентскимъ и Генераломъ Латуръ-Мобургомъ устремляется къ тому мѣсту, отъ куда раздавалась пальба артиллеріи, которой огонь начертывалъ пламенную линію отъ Пегау до самаго Люцена.

Быстрая перемѣна нашихъ движеній исполнялась съ величайшею точностію. Всѣ наши войски соединились въ окружностяхъ Каіи, гдѣ Маршалъ Ней невзирая на сильное стѣсненіе удерживался съ удивительною неустрашимостію. Прибытіе Наполеона, пріѣхавшаго посреди сраженія, произвело минутный восторгъ въ старыхъ войскахъ. Опасаясь же, чтобы недостатокъ въ кавалеріи не привелъ въ отчаяніе солдатъ, Наполеонъ сказалъ имъ

съ увѣренностію: *ето Египетская битва; хорошая пѣхота поддерживаемая пушками должна одна устоять.* Раненые и умирающіе увидя Наполеона, привѣтствовали его своими восклицаніями; другіе съ восхищеніемъ стремились въ огонь и если выходили изъ онаго съ смертельными ранами, то послѣдній крикъ ихъ относился къ Императору. Сила, внушаемая его присутствіемъ, соединялась съ привычкою къ сраженіямъ. Чувствуя всю важность сей битвы, Наполеонъ съ того времени никогда еще не подвергалъ себя столько опасности, какъ въ то время, ибо былъ увѣренъ, что примѣръ его поощритъ юношей, которыхъ всегда съ успѣхомъ обольщалъ словами: честь и отечество.

По прибытіи Наполеона къ Каіѣ, сраженіе казалось нещастливымъ; войски Нея нашли въ Блюхеровыхъ солдатахъ достойныхъ совмѣстниковъ славы. Сія и Раноская позиціи, покрытые деревьями и защищаемые тинистыми рвами, съ неустрашимостію оспоривались непріятелями, которые, бывъ раздражены, стремились другъ противъ друга съ такою яростію, которая походила на изступленіе. Мѣсто

сраженія занимало въ длину цѣлыя двѣ мили, коихъ все пространство покрыто было огнемъ, дымомъ и облаками. Ней, Генералы Сугамъ и Жирардъ съ мужествомъ носились по всѣмъ угрожаемымъ мѣстамъ; послѣдній изъ нихъ, бывъ раненъ, сказалъ, что прежде умретъ на мѣстѣ, нежели удалится прежде одержанія побѣды. Тогда Графъ Лобау, по справедливости почитаемый неустрашимѣйшимъ Генераломъ, съ помощію Генерала Рикарда вступилъ въ деревню Каія.

Совсѣмъ тѣмъ непріятель увѣренный въ успѣхахъ своего предпріятія шелъ впередъ, въ надеждѣ разбить правое наше крыло и овладѣть Вейсенфельсомъ, но Генералъ Кампанъ, котораго дивизія составляла часть корпуса Герцога Рагузскаго, остановилъ его. При семъ случаѣ морскіе полки подкрѣпляли тяжелую кавалерію съ такою смѣлостію, что превосходили самые привыкшіе къ сраженіямъ войска. Еслибы Русскіе и Прусаки успѣли проникнуть въ средину, то линія наша была бы прорвана; безчисленная ихъ кавалерія, обошедъ правое крыло, рѣшительно напала бы на насъ съ тылу и еслибъ сраженіе оставалось сомнительнымъ, то опрѣ-

завъ отступленіе, не льзя предвидѣть какіе бы изъ того произошли пагубные послѣдствія. Для предупрежденія сего нещастія Наполеонъ пробылъ цѣлой день передъ Каіей, гдѣ старая и новая гвардія находились въ резервѣ съ его кавалеріею, потому что непріятель болѣе на оную направлялъ свои силы. Хотя деревня сія и была ключемъ къ позиціи, но Старсіедель былъ также важенъ, его возвышеніи и трудный для переправы ровъ, могли бы служить для союзниковъ лучшею опорою, коими они и овладѣли бы, еслибъ дивизія изъ корпуса Генерала Бертрана не подкрѣпила Герцога Рагузскаго и когда бы въ туже минуту движеніе Вице-Короля не угрожало правому флангу Русскихъ и Прусаковъ. На пути Вице-Короля, длинные непріятельскіе колонны, видя его приближеніе, съ поспѣшностію отступали, но начальникъ Лобедойерскаго эскадрона съ свойственною ему храбростію, получивъ повелѣніи отъ Принца Евгенія приказалъ придвинуть многіе артиллерійскіе орудіи, которые подобно быстротѣ молніи, прибывъ въ самое время, начали стрѣлять по непріятельскимъ колоннамъ и нанесли имъ чувствительный уронъ, но не могли поколебать ихъ.

Въ надеждѣ рѣшить въ свою пользу упорную сію битву, Графъ Витгенштейнъ далъ приказаніе Виртембергскому Принцу напасть на лѣвое наше крыло; но Вице-Король поспѣшно прибывъ для подкрѣпленія онаго, выступилъ на встрѣчу сему Принцу. Онъ обязанъ единственно своимъ познаніямъ и храбрости войскъ за выдержаніе противъ насъ сраженія до самой той минуты, какъ Россійскій Главнокомандующій, желая остановить успѣхи предводительствуемаго Вице-Королемъ корпуса, приказалъ придвинуть оберегательные войска, находящіеся подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Коновницына. Въ тоже время сильной отрядъ кавалеріи наступалъ на лѣвое наше крыло.

Послѣднія сіи войска надѣялись принудить Вице-Короля къ отступленію, или лучше сказать отрѣзать его отъ корпуса Лористона и овладѣть всѣмъ, что только находилось между сими войсками. Но дивизія Жирарда, оставленная для наблюденія, столь хорошо была расположена, что одни только перьвыя ряды ея колоннъ остановили непріятельскую кавалерію. Не безпокоясь о тылѣ своей арміи, Вице-Король приказалъ Генераламъ Шарпантье и

Фрейсинету направить путь съ своею дивизiею на деревню Эйсдорфъ, въ которой окопался Iоркъ, вспомоществуемый широкимъ и глубокимъ ручьемъ. Сей ручей, черезъ которой невозможно было нигдѣ перейти, былъ уставленъ Русскими стрѣлками и орудiями, которые на всѣ стороны извергали смерть. Двѣ дивизiи, коимъ дано повелѣнiе отбить деревню, не устрашились исполнить сiе приказанiе. 35 дивизiя, нападая съ лѣвой стороны, окружила деревню Эйсдорфъ, въ ту минуту какъ дивизiя Шарпантье приближалась для занятiя оной съ переди. Единовремянные сiи приступы произвели щастливѣйшее дѣйствiе. Но едва войски наши расположились въ сей деревнѣ, какъ непрiятель, выступивъ изъ Кл. Гершена, приближился для отбитiя Эйсдорфа; батареи его, соединясь съ находящимися передъ сей деревней, окружили насъ.

Сраженiе продолжалось даже на высотахъ Старзiеделя, которыми старалось подкрѣпиться наше правое крыло. Деревня Старзiедель, занимаемая на канунѣ нашими войсками, равно какъ Кл. Грешенъ и Каiя учинились добычею пламени. Битва при послѣдней во все время продолжалась

съ большимъ жаромъ и непріятели, соединясь въ ней, дрались весьма отчаянно. Гершенская и Раносская батареи ихъ сильно поражали Императорскую гвардію. Многіе гаубицы и ядры достигали даже до Наполеона. Въ одномъ изъ многихъ нападеній на Каію и Рано, одна бригада была отражена отъ первой изъ сихъ деревень и нѣсколько баталіоновъ разсѣяно (*). Наполеонъ будучи свидѣтелемъ сего пораженія, съ безпокойствомъ взглянулъ на Невшательскаго Принца. Видимое замѣшательство обнаруживалось между его свитою по мѣрѣ приближенія огня. Видя, что не должно болѣе колебаться, Бонапарте приказываетъ Герцогу Тревизскому идти съ частію новой гвардіи на деревню Каія. Въ тоже время Генералы Друотъ и Дюлолуа, соединивъ восемдесять орудій, поставили ихъ впереди на Старзіедельскихъ возвышеніяхъ, чтобъ пробиться сквозь кучи непріятелей, выходящихъ изъ Каіи. Какъ скоро раздался огонь сихъ батарей и молодая гвардія двинулась въ передъ, то Бонапарте

(*) Бюллетень Люценскаго сраженія. Смотрите журналы 10 Мая 1813.

чувствовалъ возраждающимися всѣ свои надежды Летая съ одного конца на другой, онъ поощрялъ начальниковъ упорно выдерживать сраженіе.

Тѣмъ времянемъ какъ подвигалось впередъ правое наше крыло Вице-Король сражался на лѣвомъ. Приближась къ деревнѣ Еисдорфъ, съ яростію у него оспориваемой и занятіе коей Наполеонъ почиталъ очень важнымъ, Вице-Король одушевлялъ храбрость войскъ; презирая пули, которые летали вокругъ него, онъ внушилъ нашимъ солдатамъ такое мужество, что они оказали неустрашимость равняющую я даже Русскимъ, которые рвеніемъ своимъ и мужествомъ возбуждали наше удивленіе. Сражающіеся такъ близко другъ подлѣ друга стояли, что мертвые и раненые съ обѣихъ сторонъ были смѣшаны. Огонь артилеріи нашей хотя былъ силенъ, но не могъ заставить умолкнуть непріятельскую, которой изверженіе было весьма ужасно. По пнямъ и обломкамъ ящиковъ, подъ коими лежали еще трепещущіе трупы, Русскіе переправились черезъ Эйсдорфскій ручей; расположась передъ сей деревней, они очистили равнину отъ много-

численныхъ отрядовъ, которые собирались, чтобы снова начать сраженіе.

Наконецъ Бонапарте удвоилъ свои усиліи, но невзирая на наше рвеніе, Русскіе и Прусаки стояли неколебимо въ совершенномъ порядкѣ. Едва только кончилось сраженіе, какъ Императоръ, призвавъ къ себѣ Польскаго Генерала Соколинскаго, сказалъ ему: *Поѣзжайте въ Краковъ и разнесите повсюду извѣстіе о семъ сраженіи.* Генералъ сей, проѣзжая черезъ Богемію, долженъ былъ во всѣхъ Австрійскихъ владѣніяхъ расказывать о томъ. Такимъ средствомъ Наполеонъ надѣялся перемѣнить расположеніе той державы, которая собирала тогда свои войски, желая принудить насъ принять такіе мирные условіи, какіе сходны были съ выгодами Европы. Наполеонъ надѣялся, что приказывая какъ повелитель, онъ вновь получитъ вспомогательный корпусъ и что наконецъ можетъ выдти изъ зависимости, несносной для такого человѣка, котораго щастіе столь долгое время пріучало не терпѣть никакого противорѣчія. Съ таковымъ же намѣреніемъ онъ спѣшилъ отправить въ Парижъ курьера, зная навѣрное, что ложное его извѣстіе о сраженіи при Люценѣ устыдитъ тѣхъ, которые не вѣрили бо-

лѣе непреложности его генія и что тогда цѣлая Франція возобновитъ свои пожертвованія и будетъ вспомоществовать честолюбцу, которой, забывъ прошедшіе уроки, алкалъ еще продолженія войны, чтобъ излить на Пруссію ужасное свое мщеніе, а въ Европѣ продолжить нестерпимое свое владычество.

При наступленіи ночи, одни только три горящіе деревни освѣщали поле сраженія, какъ вдругъ на правомъ флангѣ арміи, отрядъ непріятельской кавалеріи стремительно ударивши на передовые наши посты, опрокинулъ ихъ и гналь даже до самыхъ баталіонъ—каре, позади коихъ находился самъ Императоръ. Темнота столь была велика и сражающіеся такъ сблизились, что даже не могли различить другъ друга, никто не зналъ кто побѣдитель и кто побѣжденный. Наполеонъ скрылся на минуту, и ускользнувъ отъ плѣна поздравлялъ себя съ благополучнымъ окончаніемъ онаго дѣла, потому что со времяни недостатка нашего въ кавалеріи, мы ничего столько не страшились, какъ непріятельской конницы.

Въ сей кровавой день потеря наша превосходитъ всякое описаніе; самъ Наполеонъ

исчислялъ ее до десяти тысячь убитыми и ранеными; онъ соглашался, что недостатокъ въ кавалеріи препятствовалъ ему одолѣть враговъ; признаніе слишкомъ для него тягостное, особливо когда вообразятъ, что въ прежнее время выигранное имъ сраженіе разрушало цѣлую армію, или покоряло ему цѣлое государство. Изъ значущихъ Офицеровъ мы лишились одного только Генерала Гурре, начальника главнаго Штаба Маршала Нея, между ранеными, сверьхъ дивизіонныхъ Генераловъ Жирарда и Брепье, были еще бригадные Шемино и Гилло, у которыхъ на другой день послѣ сраженія отняты раненые члѣны. Непріятель съ своей стороны понесъ также значительную потерю. Блюхеръ съ четырмя Генералами были ранены; также и Генералъ Шарнгорстъ, котораго неутомимые усиліи много споспѣшествовали къ возбужденію Прусскаго духа; Генералъ сей, изнемогши подъ тяжестію своихъ язвъ, страшился, чтобы щастіе не оставило его отечества.

Наполеонъ въ чрезмѣрномъ своемъ ослѣпленіи, благодарилъ Французовъ, превозносилъ до небесъ ихъ мужество и увѣрялъ Генераловъ, что онъ никогда еще не виды-

валъ такой храбросши и усердія. » Юные наши воины, говорилъ онъ, презирали всѣ опасносши и въ эпошъ день, они возсшановили благородсшво крови Французовъ. Пошомъ онъ уподоблялъ Люценскую бишву громовому удару, кошорой разрушилъ надежду и намѣреніе непріяшелей раздробишь великую Имперію. « Мрачные замыслы, » основываемые Сентъ - Жемскимъ кабине- » шомъ въ продолженіи цѣлой зимы, вклю- » чалъ онъ въ своемъ бюллешенѣ, въ одну » минушу разрушились, какъ Гордіевъ узелъ » ошъ меча Александра.» Совсѣмъ шѣмъ, послѣдсшвіе происшесшвій сдѣлало весьма сшранными сіи высокомѣрные выраженіи,

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ВУРШЕНЪ.

Едва Наполеонъ сразился на Люценскихъ поляхъ, какъ приказалъ извѣстить о семъ всѣхъ Государей Реинскаго союза и въ столь неумѣренныхъ выраженіяхъ, что оные были совершенно противоположны той скромности, съ которою онъ началъ было изъясняться. Изъ осторожнаго и притворнаго онъ сдѣлался передъ ними надмѣннымъ и повелительнымъ. Исторія не пропуститъ безъ замѣчанія, что съ етого времяни онъ снова принялъ на себя то высокомѣріе, которое было причиною предъидущаго его бѣдствія. На другой день сраженія гордость его простерлась до такой степени, что онъ угрожалъ наводнить Европу войсками, если осмѣлятся ему противиться. Бюллетень, извѣщающій о его побѣдѣ, окончивался слѣдующими словами: Еслибъ Государи и

Министры, управляющіе ихъ кабинетами присудствовали на полѣ сраженія, то отвергнули бы надежду удалить щастливое созвѣздіе Франціи. Они увидѣли бы, что тѣ, которые своими совѣтами желаютъ раздробить Францію и унизить Императора, уготовляютъ погибель своихъ Государей.»

Въ минуту произнесенія сего приговора, нарочный отъ Нарбона доставляетъ ему депеши, содержаніе коихъ изъясняло что Вѣнскій кабинетъ отказывается отъ содѣйствія съ Франціею. Разсказываютъ, что Генералъ Бубна ѣхалъ уже къ Наполеону для подтвержденія расположеній двора своего, какъ вдругъ узнаетъ на дорогѣ о Люценской битвѣ. Ни мало не смущаясь симъ происшествіемъ, онъ съ поспѣшностію возвращается назадъ, чтобы собрать новые свѣденіи. Анекдотъ сей былъ въ главной нашей квартирѣ причиною живѣйшей радости, ибо навѣрное полагали, что впечатлѣніе произведенное нашими бюллетенями, [illegible]дитъ Австрію къ кротчайшимъ средствамъ.

Тѣмъ временемъ какъ большая армія сражалась при Люценѣ, Генералъ Лористонъ овладѣлъ Лейпцигомъ. Переправясь опять

черезъ Элстеръ, онъ увидѣлъ непріятеля въ порядкѣ отступающаго за рѣку. На разсвѣтѣ, Наполеонъ прибылъ на мѣсто сраженія, гдѣ происходила на канунѣ битва. Онъ прохаживался вокругъ большаго огня, посреди каре, составленнаго изъ старой гвардіи. Видe-Король, бывшій тогда съ нимъ, получилъ повелѣніе овладѣть Пегау, куда мы и вступили безъ затрудненія. Непріятель повидимому хотѣлъ защищать Груантшскую позицію, но сдѣлавъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, удалился и не препятствовалъ намъ занять деревню. Въ семъ то Пегау, главный штабъ предалъ землѣ со всѣми почестями, должными его званію, тѣло Принца Леопольда Кобурскаго, раненаго смертельно въ Лейпцигѣ.

Маршалъ Ней, предводительствующій лѣвымъ крыломъ и Генералъ Лористонъ, находящійся подъ его начальствомъ, отправились къ Вуршену. Одинъ пошелъ для снятія осады Торгау, а другой направилъ путь на Мейсенъ, тѣмъ времянемъ какъ Герцогъ Беллуно подвигался для освобожденія Виттемберга. Хотя Прусаки приступали и бомбандировали въ половину

разрушенную сію крѣпость, но Генералъ Лапойпъ, защищавшій оную, поддержалъ честь нашего оружія и доказалъ; что храбрость солдатъ и дарованія начальника могутъ замѣнить превосходнѣйшіе укрѣпленія.

Вице-Король, начальствуя авангардомъ занялъ Борнъ (4 Мая). и Лоссигъ; до самаго Кодлица, повидимому ничто насъ не удерживало, но непріятель, обратя въ пепелъ мостъ при семъ малинькомъ городкѣ, занялъ позицію за Мюльдою и хотѣлъ защищаться. Вице-Король, приказавъ найти бродъ, переправился черезъ рѣку. Прусаки составлявшіе тогда арріергардъ, укрѣпились въ городѣ. Тѣмъ временемъ, какъ дивизія Жирарда на нихъ нападала, остатокъ 11 го корпуса овладѣлъ горами и занялъ все пространство большой ограды, находящейся за Кодлицемъ, въ которой непріятель укрѣпился. Молодой Лабе..оіеръ, наимянованный на мѣстѣ сраженія полковникомъ 112 го полка, отличился въ семъ случаѣ и явилъ себя достойнымъ и вмѣстѣ признательнымъ къ милостямъ властителя. Пребывъ къ Герсдорфу, Прусаки нашли тутъ оберегательный корпусъ, начальствуемый Ге-

нераломъ Сентъ-Пріестомъ, числомъ до 8000, которой подкрѣпилъ ихъ арріергардъ. Мы не прежде заняли сію деревню, какъ по упорномъ сраженіи, продолжавшемся до самой ночи, въ которомъ Италіанская бригада Цюкхи, оказала рѣдкую неустрашимость.

По приближеніи къ Валдгейму (6 Мая) густой дымъ извѣстилъ насъ, что мостъ, по которому мы намѣревались пройти, зазженъ Русскими. Препятствіе сіе удерживало одну только артилерію, и какъ скоро она преодолѣла сію трудность, то авангардъ направилъ путь на Рейхенбахъ; осмотрѣвъ все въ лѣсу, онъ вступилъ на большую равнину, съ которой былъ видѣнъ непріятель, расположившійся на противулежащихъ холмахъ на подобіе амфитеатра. Арміи раздѣлялись глубокимъ рвомъ, заросшимъ ельникомъ, изъ коего однако не могли выгнать Русскихъ стрѣлковъ. Достигнувъ вершины холмовъ, они встрѣтили насъ ужаснѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ. Вице-Король, распоряжавшій симъ дѣйствіемъ, приказалъ собрать разсѣянную нашу пѣхоту, чтобъ идти на нихъ ровнымъ и вѣрнымъ шагомъ. ТарентскійГерцогъслѣдую събольшою

арміею, занялъ возвышеніи, столь долго оспориваемые непріятелемъ.

Близь Носсена, непріятельскіе стрѣлки снова удержали нашихъ; какъ вдругъ сильный дождь, захвативъ обѣ арміи прекратилъ битву. Дождь продолжался во всю ночь; громъ, раздававшійся въ глубокихъ лощинахъ, часто заставлялъ насъ думать, что непріятель предпринимаетъ ночное нападеніе. Трудности, переносимые нашими солдатами, не допускали ихъ овладѣть тѣми мѣстами, которые казались намъ непреодолимыми. Но къ величайшему нашему удивленію, оные были очищены. Русскіе по мѣрѣ приближенія своего къ Эльбѣ, ускоряли отступленіемъ; они не потеряли ни обозу, ни артилеріи и оставили намъ только небольшое число плѣнныхъ По преодолѣніи всѣхъ препятствій, мы приступили къ окружностямъ Дрездена. Близь сей столицы нѣсколько кавалеристовъ перестрѣливались около минуты съ передовыми нашими войсками; прочіе же, страшась быть отрѣзаны, скакали во всю прыть къ мостамъ, построеннымъ изъ плотовъ внизъ и вверьхъ по рѣкѣ отъ Дрездена. Каменный мостъ, у коего нами взорвано двѣ

арки, былъ исправленъ и равномѣрно способствовалъ переправѣ.

Вице-Король по обыкновенію своему, находясь при авангардѣ, первый прибылъ къ Саксонской столицѣ, гдѣ узналъ, что Россійской Императоръ и Прускій Король выѣхали изъ оной рано по утру. Удостовѣрясь, что лѣвый берегъ Эльбы совершенно очищенъ, онъ отправилъ меня съ симъ извѣстіемъ къ Императору. Я встрѣтилъ его на дорогѣ, сопровождаемаго главнымъ своимъ штабомъ; онъ прежде всего съ заботливостію освѣдомлялся, выслана ли депутація? Но услыша отъ меня что нѣтъ, онъ поспѣшно обратился назадъ и приказалъ своему адьютанту Дюрознелю принять начальство надъ городомъ. Черезъ минуту послѣ того, шедшему за симъ Генераломъ офицеру, Императоръ кричалъ: *Приведитѣ ко мнѣ депутацію.* Изъ сердитаго его тона, съ каковымъ онъ раздавалъ повелѣніи, можно было заключить, что его весьма раздражала медленность выхода Дрезденскаго начальства для воздания ему почестей.

По возвращеніи къ Вице-Королю я сообщилъ ему негодованіе Бонапарта на рав-

подушіе Саксонскаго начальства; въ семъ случаѣ, я видѣлъ новое доказательство добродушія Принца Евгенія, который немедленно препоручилъ другому чиновнику донести Императору, что Градоначальники для того не высылали депутаціи, что одному только ему обязаны симъ знакомъ почтенія и повиновенія. Въ тоже время Вице-Король, приказавъ главнѣйшимъ чиновникамъ въ скорости быть готовыми къ принятію Наполеона, самъ отправился къ нему на встрѣчу, чтобъ извинить миролюбивыхъ Саксонцевъ и облегчить участь завоеваннаго имъ города.

Наполеонъ встрѣтилъ Саксонскую депутацію при вступленіи въ предмѣстіе; принявъ ее весьма холодно, онъ сурово перервалъ произносимую рѣчь, приказывая депутатамъ доставить хлѣбъ, вино и мясо; потомъ обратилъ лошадь свою на Пирнскую дорогу, проѣзжалъ городскіе окрестности; прибывъ къ Эльбѣ, онъ доѣхалъ съ своимъ Обершталмейстеромъ до самаго того мѣста, гдѣ Русскіе построили изъ плотовъ мостъ. Вице-Король поспѣшилъ къ нимъ присоединиться. Они разсматривали непріятельскіе посты на противулежащемъ берегу и приказавъ разрушить

построенный на семъ мѣстѣ Русскими мостъ, они обратились къ Присницу, гдѣ находился другой. Сей послѣдній сгорѣлъ только до половины; нѣкоторые изъ нашихъ егерей пустились на маленькихъ лодкахъ потушить огонь и собрать матеріалы, которые хотѣли употребить для постройки моста.

По обозрѣніи береговъ Эльбы, Наполеонъ расположился во дворцѣ Саксонскаго Короля; вошедъ въ большую залу, предшествующую прочимъ покоямъ, онъ нашелъ въ ней множество чиновниковъ и знатныхъ особъ, тѣснящихся къ нему съ поздравленіемъ, но вмѣсто того, чтобъ принять оные, Наполеонъ, остановясь посреди ихъ, вскричалъ грубымъ голосомъ: » Я знаю, что между вами есть слабые и « фальшивые люди, но я презираю однихъ » и смѣюсь надъ другими. »

Тѣмъ временемъ какъ мы изыскивали средства переправиться черезъ Эльбу; Русскіе, оставшіеся въ Новомъ городѣ. (Нейштатѣ) стрѣляли на нашу сторону. Наполеонъ, раздраженный таковымъ сопротивленіемъ, всталъ предъ разсвѣтомъ и въ три часа утра приказалъ, составивъ батарею изъ большихъ пушекъ на валу,

находящемся по близости Королевскаго дворца, стрѣлять по Нейштадту, занимаемому Русскими. Громъ сей ужаснѣйшей канонады заставилъ бы думать жителей, что городъ ихъ сдѣлался мѣстомъ кровопролитнаго сраженія, еслибы разрушенный мостъ не раздѣлялъ насъ съ непріятелемъ. По повелѣнію Принца Евгенія, препоручившаго мнѣ освѣдомиться Русскіе, или мы начали нападеніе, я приближался къ дворцу, какъ усмотрѣлъ Императора, окруженнаго небольшимъ числомъ офицеровъ и узналъ, что онъ одинъ причиною столь ужасной тревоги. Наполеонъ, узнавъ, что я служу при Вице-Королѣ, подозвалъ меня къ себѣ и въ слѣдующихъ словахъ открылъ хитрость, которую хотѣлъ употребить до заключенія пагубнаго своего перемирія: « Господа Италіанцы! Сказалъ » онъ мнѣ съ живостію, вы много спите; » въ военное время не такъ надобно по» ступать. Удовольствіи васъ изнѣжили; » для чего не велѣли вы разрушить моста, » занимаемаго непріятелями у Пирнскихъ » воротъ? Знайте, что надобно быстры» ми и отважными нападеніями обманывать » нашихъ враговъ. Если они поставятъ на » батарею одно орудіе, то вы, ставьте

» четыре; они два, вы восемь; наконецъ
» старайтесь всегда въ четверо пре-
» взойти ихъ силою.» Будучи убѣжденъ
симъ мнѣніемъ, я готовъ уже былъ от-
правится для сообщенія о томъ Принцу
Евгенію, какъ Императоръ, желая лучше
вперить мнѣ мысль свою, снова повто-
рилъ съ большою силою: «Если непрія-
» тель выставитъ противъ васъ четыре
» орудія, выставляйте противъ него шест-
» надцать.»

Русскіе и Прусаки, рѣшась сопротивлят-
ся военнымъ нашимъ пріуготовленіямъ, за-
няли войсками весь правый берегъ Эльбы,
начиная отъ Дрездена до самаго Мейсе-
на. Но Генералъ Лористонъ, у коего на-
ходился во власти сей городъ, постро-
илъ опять мостъ сожженный Прусаками
при отступленіи, онъ располагался пере-
правится черезъ Эльбу, тѣмъ временемъ
какъ Маршалъ Ней, шедшій на Торгау,
и очистивъ, оную займетъ нашими вой-
сками. Для прикрытія строенія Присниц-
каго моста, дѣланнаго по повелѣнію Им-
ператора, Вице-Король приказалъ вы-
строить батарею противъ двухъ батали-
оновъ Русскихъ, выступившихъ изъ де-
ревни Убигау. Непріятельская артиллерія,

находящаяся въ засадѣ за Піешеномъ и Нейдорфомъ, опасно ранила многихъ изъ нашихъ канонеровъ. Наконецъ Бонапарте, коего нетерпѣніе явно обнаруживалось, прибывъ тѣмъ времянемъ, повелѣлъ Генералу Друоту придвинуть сто орудій; послѣ чего пальба наша сдѣлалась ужасною.

Хотя Убигау находилась въ нашей власти и мы продолжали строить изъ плотовъ мостъ, но затрудняемые быстрымъ теченіемъ рѣки и недостаткомъ матеріаловъ, мы находили, что будетъ гораздо скорѣе и удобнѣе исправить каменный мостъ. Намѣренію сему благопріятствовало удаленіе Русскихъ. Извѣстясь о переправѣ нашей черезъ Эльбу въ Мейсенѣ, они очистили Нейштадтъ. Съ помощію, лѣстницъ, приставленныхъ къ разрушеннымъ сводамъ, мы овладѣли симъ предмѣстіемъ и отправили на Бишофсвердскую дорогу часть авангарда. На другой день по утру, Наполеонъ лично обозрѣлъ возобновляемый мостъ, при которомъ работами распоряжалъ Инженерный Генералъ Бернардъ. Наконецъ (10 Мая) весь 11й корпусъ съ артиллеріею и кавалеріею переправился черезъ Эльбу. Скорое сіе движе-

ніе возвратило веселость Наполеону. Сидя на каменной скамьѣ, онъ разсматривалъ проходящіе три корпуса и занимался исчисленіемъ полковъ и ротъ. Войски, проходящіе мимо его, бывъ упоенны радостію и алкая сраженій, привѣтствовали его обыкновенными восклицаніями, устремлялись быстрыми шагами на непріятеля, въ надеждѣ достигнуть его и опрокинуть.

Совсѣмъ тѣмъ, Государь, во дворцѣ и столицѣ котораго жилъ Наполеонъ, все еще находился въ Прагѣ, среди Австрійскихъ владѣній. Монархъ сей при отбытіи въ Прагу изъявилъ желаніе соединить политическую свою систему съ Австрійскою и въ самомъ дѣлѣ казалось, что до Люценскаго сраженія, Саксонское Министерство, руководствуемое совѣтами Вѣнскаго двора, прикрывая себя подобно оному видомъ неутралитета, равнымъ образомъ старалось освободиться отъ союза, заключеннаго съ Наполеономъ. Въ семъ намѣреніи рѣшено было, чтобы Торгау, занимаемая Саксонскими войсками, не принимала повелѣній ни отъ Русскихъ, ни отъ Французовъ. Это самое и объясняетъ, по чему Губернаторъ Тел-

манпъ, повинуясь приказаніямъ своего Государя, не хотѣлъ исполнять повелѣній Принца Евгенія. Но послѣ Люценской битвы, Фридерикъ Августъ, видя Государство свое преданнымъ Бонапарте и страшась, чтобы сношеній его съ Австріею не нанесли вреда пользамъ его народа, обнаружилъ желаніе возвратиться въ свои владѣніи. Наполеонъ, восхищенный прозьбою, столь благопріятною его намѣреніямъ, которая могла прекратить тягостное впечатлѣніе, произведенное въ Саксонцахъ отсудствіемъ Короля, неотступно убѣждалъ его возвратиться въ свою столицу.

Австрія, хотя и старалась отвратить Короля отъ сего поступка, столь противнаго его выгодамъ, но не удерживала; съ такимъ то благоразуміемъ она поступала. Таковые поступки обращались въ минутную пользу Наполеона. Посредствомъ оныхъ увеличились его войски и всѣ средства его и пособіи получили большое приращеніе. Саксонцы, покорные своему Государю, въ отсудствіе его не хотѣли исполнять повелѣній Наполеона. За нѣсколько передъ тѣмъ дней, Ней прибылъ къ Торгау и Комендантъ оной крѣ-

пости, сообразуясь съ повелѣніями своего Короля, отказалъ намъ отворить ворота. Но какъ скоро Дрезденскій дворъ нашелъ себя принужденнымъ уступить нашей власти, то для истребленія подозрѣній, внушаемыхъ его боязливостію, хотѣлъ пожертвовать Генераломъ Тіельманомъ, которой для избѣжанія безрасуднаго гнѣва Наполеона прибѣгнулъ къ покровительству Россійскаго Императора.

Саксонскій Король долженъ былъ страшиться оружія Пруссіи и по величайшей противуположности выгодъ не могъ съ нею сблизиться. Будучи всегда приверженъ къ Наполеону, онъ не переставалъ питать дружественныхъ расположеній къ такому человѣку для котораго благосклонные чувствованіи казались неизвѣстными. Стеченіе всѣхъ сихъ обстоятельствъ извиняетъ слабость духа Фридерика Августа, ибо всѣ его желаніи клонились ко благу своего Государства.

12 Маія, Король прибылъ въ Зейдницъ, тѣмъ временемъ какъ въ Дрезденѣ дѣланы были величайшіе приготовленіи для его принятія. Наполеонъ, желая быть почтенъ возстановителемъ созданнаго имъ Государства, хотѣлъ придать сему тор-

жеству, весь блескъ, могущій оказать важность онаго. Дрезденская городская гвардія занимала почетное мѣсто. Императорская гвардія, стоящая подъ ружьемъ, подобно оградѣ протянулась отъ дворца до самой заставы. Какъ скоро все было готово, то Императоръ отправилъ Генерала Флаолта, своего Адъютанта, къ Саксонскому Королю съ назначеніемъ мѣстомъ встрѣчи *большой садъ*. Король по прибытіи сошелъ съ лошади и былъ принятъ Наполеономъ съ распростертыми объятіями, посреди множества Маршаловъ и Генераловъ, находящихся подъ предводительствомъ Принца Евгенія, украшеннаго Саксонскимъ орденомъ зеленой короны. (*) Добродушный Фридерикъ Августъ былъ тронутъ видя таковые обманчивые знаки привязанности мнимаго благодѣтеля. Важное сіе явленіе произвело живѣйшее впечатлѣніе во всѣхъ зрителяхъ. Государи въѣхали въ городъ верьхомъ и Король уступилъ правую сторону Бонапарту. Гражданскіе и военные начальники, судьи и духо-

(*) Основанный въ 1807 году съ надписью: providentia memor.

венство встрѣтили ихъ въ Пирнскихъ воротахъ. Бургомистръ уже приближался произнести Фридерику Августу рѣчь, которой сказалъ, что не ему, а Бонапарте они должны изъявить свою благодарность. Но Наполеонъ съ живостію перервалъ оратора, сказавъ ему: «Любите » вашего Короля, почитайте въ немъ сво- » его избавителя и знайте, что еслибъ » онъ допустилъ себя увлечь внушеніямъ » чужестранныхъ державъ, то Саксонія бы » погибла; я раздѣлилъ бы ее.» Слова сіи повидимому служили текстомъ явившагося на другой день провозглашенія, въ которомъ Императоръ возвѣщалъ, что онъ сбережетъ Саксонію и что войска его только пройдутъ чрезъ оную. Свита вступила въ столицу при громѣ артиллеріи, колокольномъ звонѣ и при восклицаніяхъ народа, которой принималъ обожаемаго Государя, какъ любимѣйшаго отца. Сіи изъявленіи любви тѣмъ болѣе были искренны, что казались истинными, а отъ превратности военныхъ дѣйствій день сей сдѣлался для Саксонцев источникомъ всѣхъ ихъ бѣдствій.

Возвращеніе Саксонскаго Короля, которому Австрія дала убѣжище въ время сіе

казалось доказывало, что Вѣнскій дворъ со времяни Люценскаго сраженія проникнулъ Наполеонову политику. Со всѣмъ тѣмъ величайшіе наборы, составляемые сею державою въ Богеміи, сильно тревожили Императора и заставляли усматривать, что если Австрія приступитъ къ союзу, то сверьхъ двухъ сотъ тысячь арміи, каковую можетъ она вооружить, доставитъ еще непріятелю превосходный способъ, остановить наши движеніи и воспрепятствовать намъ въ продолженіи успѣховъ.

Желаніе противиться верьховному владычеству Наполеона казалось въ глазахъ его возмущеніемъ и непріязнію, а посему и посредство Австрійскихъ войскъ почиталъ онъ такою обидою, которую по его мнѣнію, онъ долженъ былъ отмстить во чтобы то ни стало. Преисполнясь сею мыслію, онъ призываетъ Принца Евгенія и повелѣваетъ ему немедленно отправиться въ Италію, чтобы наблюдать за безопасностію Государства и поспѣшить образованіемъ четвертой арміи, которая болѣе года какъ составлялась на берегахъ Эчи. Съ тѣхъ поръ не сомнѣвались болѣе, чтобы Австрія не была изъ числа дер-

жавъ, желающихъ затмить созвѣздіе Наполеона и что по преданіи оной проклятію ей никогда не простятъ за сопротивленіе предпріятіямъ побѣдителя, котораго успѣхи часъ отъ часу дѣлали неукротимѣе.

Союзъ Саксонскаго Короля доставилъ намъ подкрѣпленіе, состоящее изъ новаго корпуса войскъ, поступившаго въ армію подъ названіемъ 7го, которыми продолжалъ начальствовать Генералъ Рейньеръ, справедливо любимый и уважаемый Саксонцами. Въ тоже время два полка кирасиръ, прибывшихъ съ Королемъ изъ Богеміи, подкрѣпили нашу кавалерію и были присоединены къ корпусу Генерала Латуръ-Мобурга. Хотя Наполеонъ высокомѣрнымъ образомъ давалъ чувствовать покровительство, оказываемое злополучному своему союзнику, но всегда болѣе обращалъ вниманія на него, нежели на другихъ Германскихъ Государей. Многіе знаки уваженія и привязанности придавали симъ доказательствамъ видъ чистосердечія особенно въ глазахъ добродѣтельнаго Государя, которой единственно для того дорожилъ славою, чтобъ устроить блаженство своихъ подданныхъ. Наполеонъ, имѣя на все особенные виды и умѣя принимать

на себя когда только хотѣлъ обольщающіе поступки, чтобъ лучше покорить драгоцѣнное сіе дружество, говорилъ Фридерику Августа все, что только находилъ приличнаго для его утѣшенія и внушенія безопасности объ участи его Государства(*).

Тѣмъ временемъ, какъ Бонапарте находясь въ Дрезденѣ, занимался полученіемъ отъ Саксонцевъ вспомоществованій, обѣщанныхъ ему посредствомъ союза, Герцогъ Тарентскій, начальствующій авангардомъ со времяни отъѣзда Принца Евгенія въ Италію, былъ удержанъ Генераломъ Милорадовичемъ передъ Фишбахской, Каппеленбургской и Бишофсвердской позиціями; послѣ трехъ безпрерывныхъ сраженій, войски наши подвинулись. Во время битвы въ Бишофсвердѣ показался сильный пожаръ; обѣ стороны ссылались другъ на друга въ причиненіи сего бѣдствія, но злополучные жители многочисленнаго сего города, богатые промышленностію своихъ мануфактуръ долгое вре-

(*) Записки Барона Оделебена, Саксонскаго Полковника, служившаго при главномъ Штабѣ Князя Невшательскаго; томъ 1й стр. 79.

мя находили себѣ убѣжище въ Богемскихъ лѣсахъ.

Можетъ быть стали бы упрекать Наполеона за пребываніе его въ Дрезденѣ, еслибъ въ семъ случаѣ, онъ не слѣдовалъ правиламъ политики, предписывающимъ ему прежде выступленія изъ города, обезпечить себя въ расположеніяхъ и пособіяхъ Саксоніи. Освобожденіе значущихъ крѣпостей на Эльбѣ и отступленіе части союзныхъ войскъ къ Берлину, гдѣ со времяни Люценскаго сраженія всѣ находились въ упоеніи, заставили его отрядить на лѣвое крыло свое четыре корпуса пѣхоты (2. 3. 5 и 7.) для коихъ главнымъ пунктомъ долженствовало быть угроженіе Прусской столицѣ. Наполеонъ желалъ прежде расположить всѣ свои силы и въ особенности подробнѣе узнать настоящій планъ союзниковъ, чтобы напасть на Вуршенскую позицію, въ которой они соединились. Сверьхъ того не менѣе могущественная причина поставляла ему закономъ хорошенько размыслить, до продолженія теченія своихъ завоеваній, о положеніи Австріи, которая ежедневно становилась болѣе угрожающею и коей военные пріуготовленіи могли бы положить предѣлъ нашимъ

успѣхамъ, ибо для войскъ, собираемыхъ въ Богеміи, довольно было сдѣлать одинъ шагъ, чтобъ отрѣзать всю нашу линію.

Новая битва, столько же ужасная какъ и Люценская, а можетъ и еще рѣшительнѣе оной, казалась неизбѣжною. Наполеонъ, чувствуя сколь необходимо его присудствіе, сдѣлавъ всѣ пріуготовленіи, рѣшился наконецъ самъ отправиться къ арміи. Уже онъ далъ повелѣніе Нею изъ Торгау идти на Гойерцверду и Стрембергъ. 15 Маія онъ получилъ извѣстіе о быстромъ движеніи сего Маршала; на другой день узнаетъ, что Герцогъ Тревизскій направилъ путь на Гроссенгаймъ, для занятія Бауценской дороги. Наконецъ, все уже было готово къ отъѣзду Наполеона, какъ вдругъ Генералъ Бубна пріѣзжаетъ изъ Вѣны, съ письмомъ отъ Австрійскаго Императора.

Мы видѣли уже, что Герцогъ Бассано остался въ Парижѣ, для продолженія сношеній съ Княземъ Шварценбергомъ, оставившимъ сію столицу спустя одиннадцать дней послѣ отъѣзда Наполеона. По случаю отсутствія сего Министра, Бонапарте препоручилъ Герцогу Виченскому выслушать Графа Бубна и проникнуть причину его

посольства. Невозможно уже было употреблять увѣреній въ миролюбивыхъ чувствованіяхъ и привязанности къ Франціи, Наполеонъ освободясь отъ принужденія, которому былъ подверженъ, не скрывалъ болѣе своего высокомѣрія и зная съ какимъ намѣреніемъ предлагали ему согласиться на другіе расположеніи, болѣе сходствующіе съ обстоятельствами Европы, онъ говорилъ какъ такой человѣкъ, которой почитаетъ себя довольно сильнымъ, чтобъ избѣгать притворства. Тутъ онъ въ ярости упрекалъ Австрію, что цѣлію ея вооруженій было единственно подкрѣпленіе особенныхъ требованій а не чистосердечное желаніе всеобщаго мира; безстыдно лгалъ, что она хотѣла получить Иллирійскія провинціи, часть Варшавскаго Герцогства, возстановленія новыхъ границъ со стороны Баваріи и наконецъ разрушенія Рейнскаго союза.

До полученія отпуска, Генералъ Бубна имѣлъ съ Наполеономъ разговоръ, продолжавшійся до двухъ часовъ за полночь. Кажется, что въ слѣдствіе продолжительнаго сего совѣщанія Виченскому Герцогу повелѣно было вести переговоры и что Наполеонъ изъявилъ желаніе положить

оружіе для отклоненія сраженія, которое выбранная непріятелемъ позиція дѣлала неизбѣжнымъ. Но будучи ослѣпленъ тщеславіемъ, онъ имѣлъ слабость полагать, что наимянованіе зятя Австрійскаго Императора, даетъ ему полное право говорить повелительно съ симъ дворомъ и не переставалъ ласкать себя надеждою, что удержитъ его посредствомъ угрозъ, или пышныхъ обѣщаній и сія мечта служила важнымъ поводомъ къ совершенію угрожающаго ему ужаснаго бѣдствія.

Цѣлію предлагаемаго Наполеономъ перемирія было открытіе Конгресса; посредствомъ коего все державы имѣли бы случай изслѣдовать пользы Государствъ и возстановить прочный миръ. Но трудность въ соединеніи Дипломатическихъ агентовъ всѣхъ державъ, которые должны быть созваны на сей конгрессъ, содѣлала оный почти невозможнымъ. Слѣдующее обстоятельство заставляло сомнѣваться въ чистосердечіи Наполеона, ибо сверьхъ Даніи и Соединенныхъ областей онъ включалъ и Гишпанію въ число своихъ союзницъ. Новое доказательство, что онъ почиталъ какъ бы основаніемъ будущаго трактата похищеніе сего полуострова. Къ

тому же Конгресъ сей могъ нанести вредъ Англіи; никакая еще держава въ Европѣ не старалась такъ сильно воспрепятство-вать самоуправству на моряхъ, чтобъ тѣмъ ограничить сухопутное честолюбіе.

Наполеонъ, предлагая Конгресъ, имѣлъ цѣлію выиграть время, необходимое для разрушенія составляемаго противъ него союза, посредствомъ дипломатическихъ происковъ. Еслибъ ему можно было рыть-ся въ архивахъ гдѣ сохранялись сношенія наши съ чужестранными державами, то онъ нашелъ бы въ нихъ неоспоримое до-казательство непостижимыхъ усилій, упо-требляемыхъ тогда нашими Министрами для успѣшнаго противоборствованія Ан-гліи. Никто не сомнѣвался, чтобы не мы были причиною войны между Соединенными областями и Великобританіею: равнымъ образомъ знали и то, что Наполеонъ отправилъ великіе богатства въ Констан-тинополь въ надеждѣ возобновить у Порты свои происки для побужденія Турціи снова объявить войну Россіи, особливо съ тѣхъ поръ какъ главнымъ членамъ фамиліи Му-рузи отрубили головы за переговоры въ Бухарестскомъ мирѣ, заключенномъ съ от-правленнымъ отъ Князя Кутузова-Смолен-

скаго, Генераломъ Сабанеевымъ, которой доставилъ Россійской Имперіи отъ Оттоманской Порты новыя земли въ то время, какъ мы шли на Москву.

Оставя Дрезденъ (18 Маія) Наполеонъ до самыхъ водъ былъ сопровождаемъ Саксонскимъ Королемъ; потомъ онъ продолжалъ путь одинъ, и казался погруженнымъ въ глубокіе размышленіи. Оставаясь на долгое время въ мрачной задумчивости, онъ подозвалъ Виченскаго Герцога и въ продолженіи всей дороги разговаривалъ съ нимъ. Разговоръ сей повидимому перемѣнилъ намѣреніи Наполеона, потому что онъ не посылалъ уже сего Генерала къ передовымъ постамъ для предложенія перемирія и открытія конгресса, хотя прежде ему и повелѣно было въ тотъ же день сіе исполнить. Виченскій Герцогъ, которой посредствомъ дипломатическихъ своихъ сношеній имѣлъ свѣденіи, могущіе изъяснить мрачную политику, которую надлежало тогда употреблять въ свою пользу, представлялъ своему Государю все, чего долженъ онъ страшиться, какъ отъ угрожающаго пріуготовленія Австріи,

шакъ и отъ принятаго непріятелями плана, которымъ допуская его идти въ передъ, они могутъ беспрерывно тревожить его съ тыла и съ фланговъ. Но Наполеону не суждено было воспользоваться благоразумными совѣтами. Такимъ образомъ до самаго окончанія его поприща мы увидимъ, что будучи дерзокъ, онъ всегда торжествовалъ, но въ послѣдствіи былъ поражаемъ.

Проведя ночь въ Гортау, Наполеонъ рано прибылъ на то мѣсто, гдѣ нѣкогда существовала Бишофсверда.

По прибытіи въ Кл. Фертсгенъ, онъ употребилъ остатокъ дня на осмотрѣніе передовыхъ постовъ; въ сопровожденіи одного изъ Генераловъ онъ приближился впередъ для разсмотрѣнія непріятельской позиціи (г) и увидѣлъ, что оная на противулежащемъ берегу Шпреи; непріятель укрѣпился на равнинахъ, подобныхъ тер-

(г) Смотри планъ Вуршенскаго сраженія, на которомъ назначено все что не могло быть описано.

расу отъ Бауцена до самаго Гохкирха и Вуршена; лѣвое крыло ихъ примыкало къ Кюневальдскимъ холмамъ, покрытымъ лѣсами а правое къ Кревкитскимъ возвышенностямъ, обставленнымъ редутами. Позади ихъ, разстояніемъ на одну милю находилась другая линія на ручьѣ; одинъ край оной, прикрываясь тѣми же холмами, простирался до Бауцена; средина же была защищаема тремя деревнями столь хорошо укрѣпленными, что ихъ можно было почесть сильными крѣпостями; наконецъ реданты, соединенные всѣ вмѣстѣ, простирались даже до дороги, ведущей къ Лобау и составляли укрѣпленный лагерь для защищенія второй линіи въ случаѣ пораженія первой.

Въ сей позиціи, прославленной уже семилѣтнею войною, непріятели рѣшились дать сраженіе. Къ многочисленымъ своимъ силамъ они присоединили всѣ способы искусства. Молдавская армія, которою начальствовалъ Барклай де Толли, по взятіи Торна соединилась съ большою союзною арміею вмѣстѣ съ дивизіями Ланжерона и Засса. Прусскій корпусъ Клейста также присоединился къ немъ, такъ что

число союзныхъ войскъ было гораздо болѣе, нежели въ день Люценскаго сраженія. Наша армія, со вспомогательными войсками Саксонскаго Короля была гораздо болѣе. Герцогъ Реджіо начальствовалъ правымъ крыломъ, а Герцогъ Тарентскій срединою, находясь лицемъ къ Бауцену. Маршалъ Мармонтъ занимавшій Нимешуцъ, составлялъ лѣвое крыло, тогда какъ на концѣ онаго, четвертый корпусъ угрожалъ правому флангу непріятеля. Наполеонъ казалось хотѣлъ направить главные свои силы на лѣвое крыло союзниковъ; будучи увѣренъ, что пѣхота, проходя лѣсами и взбираясь на возвышеніи, доставитъ ему значительные выгоды и обратитъ въ ничто покушеніи многочисленной кавалеріи, оставленной непріятелемъ въ резервѣ; но глубокія лощины Кюневальдскихъ горъ, прерывающіе дороги, черезъ которые ему должно было проходить, отвратили его отъ сего намѣренія. Разсмотрѣвъ снова пространство мѣста, онъ предпринялъ сдѣлать нападеніе съ другаго конца, то есть со стороны Шпрее, гдѣ Русскіе и Прусаки поставили многочисленные отряды, чтобы обезопасить сообщеніе между корпусами Іорка и Барклая де Толли,

коимъ препоручено было остановить движенiе Маршала Нея, которой по собраннымъ ими извѣстiямъ долженъ былъ находиться между Гойерцвердой и Вейсенбергомъ за Бауценомъ съ 3. 5. и 7. корпусами; 2. же корпусъ былъ оставленъ для наблюденiя движенiй Бюлова и Воронцова осаждающихъ Магдебургъ и защищающихъ Берлинъ.

До начатiя дѣйствiя необходимо было чтобы Наполеонъ зналъ навѣрное, что Прусаки не удержатъ важнаго сего хода. Уже Генералъ Бертранъ (начальствующiй 4 корпусомъ) отрядилъ Италiанскую дивизiю Генерала Пейери, состоющую изъ 7000 человѣкъ для подкрѣпленiя Нея, но близь Кенигсварты, Ранепрiятельскiй корпусъ, идущей къ Ратисбору на встрѣчу Маршала, напалъ въ расплохъ на биваки сей дивизiи, побилъ ее и разсѣялъ.— При пораженiи своемъ она лишилась 14 пушекъ и тысячи плѣнныхъ. Таковое же число солдатъ обратились въ бѣгство, изъ коихъ нѣкоторые прибыли въ Дрезденъ, а прочiе скитались по лѣсамъ.

Наполеонъ, извѣстясь о семъ пораженiи и слыша въ лѣвой сторонѣ сильную кано-

наду, двинулся въ передъ до самаго Кл. Велке. Видъ пожара и громъ артилеріи заставлялъ его навѣрное полагать, что между Маршаломъ Неемъ и слѣдующимъ за нимъ Генераломъ Лористономъ происходитъ съ непріятелями важное дѣло. Безпокоясь о послѣдствіи сего сраженія, онъ до самой полуночи наблюдалъ оное и уже въ полночь получилъ извѣстіе, что корпусы Лористона и Келлермана прибыли къ Кенигсвартѣ чрезъ нѣсколько часовъ послѣ пораженія Генерала Пейери, и собрали остатки Италіанской дивизіи.

Въ сей послѣдней деревнѣ Генералъ Лористонъ далъ кровопролитное сраженіе. Упорство Прусаковъ три раза уступало стремительности Французовъ, которые безъ неудобствъ одного тѣснаго прохода, превозмогли бы все препятствующее имъ переправиться. Наконецъ по упорномъ сраженіи, продолжавшемся до десяти часовъ вечера, мы заняли деревню Вейсихъ и проникнули на другой берегъ Шпрее. Въ это время корпусъ Лористона очистилъ дорогу, по которой Маршалъ Ней и Генералъ Рейньеръ направили путь свой.

Какъ скоро Наполеонъ получилъ извѣстіе, что дѣло сіе не совсѣмъ исполнилось по его желанію, то среди величайшаго безпокойства, мучившаго его во весь тотъ день; располагался вскорѣ сорвать плоды трудовъ, которыхъ сдѣланное Маршаломъ Неемъ движеніе долженствовало быть предшествующимъ. Въ десять часовъ утра (20 Маія) онъ отправился на Шмоклитскіе возвышеніи, чрезъ которыя проѣзжалъ на канунѣ и откуда, какъ Начальникъ арміи, осматривалъ войска, проходящія согласно предначертанному плану.

Черезъ два часа послѣ того, Кавалерійскій корпусъ Латуръ-Мобурга съ многочисленною артиллеріею направилъ путь на Дубрау для подкрѣпленія лѣваго крыла, долженствующаго переправиться черезъ Шпрее въ Молсшвидцѣ. Другая колонна составлялась между сею деревнею и Енемъ. Тѣмъ времянемъ Герцогъ Реджіо на другомъ концѣ, старался перейти сію же рѣку посредствомъ фальшивой атаки на возвышеніи, прикрывающіе лѣвое крыло непріятеля, тогда какъ горящая деревня состороны Ломска, освѣщала путь

Генералу Лористону и Маршалу Нею, за коими слѣдовалъ Генералъ Рейньеръ. Наполеонъ нетерпѣливо ожидалъ сего соединенія для начатія сраженія и чтобъ овладѣть редутами, лежащими между Бауценомъ и Вуршеномъ, помѣщенными одинъ надъ другимъ на подобіе террасы, которые были запасены артиллеріею и сильно укрѣплены съ обѣихъ сторонъ.

Въ ожиданіи, Герцогъ Тарентскій началъ битву нападеніемъ на Бауценъ, въ которомъ непріятель заперъ ворота и укрѣпилъ въѣзды. Рагузскій Герцогъ навелъ мостъ на Шпрее и переправился на противулежащій берегъ съ дивизіями Компанса и Боннета. Волтижиры первой дивизіи въ слѣдствіе сильной пальбы, вскарабкались на утесы, гдѣ находились окопы; взошли по лѣстницамъ на стѣны и валы и непріятель оставилъ городъ. Волтижиры же Боннетовой дивизіи заняли деревню Ніедъ-Кайна и расположились на ровномъ мѣстѣ въ недальномъ разстояніи отъ средины позиціи. Невзирая на сіе непріятель держался на возвышеніяхъ, подкрѣпляющихъ правое крыло его и сопротивлялся нападеніямъ безпрерывно повторяемымъ Герцогомъ Далматскимъ. Со времяни пора-

женія дивизіи Пейери, Маршалъ сей заступилъ мѣсто Графа Бертрана, и сверьхъ начальства надъ четвертымъ корпусомъ, распоряжалъ всѣми войсками, находящимися въ срединѣ.

Правое наше крыло, противъ котораго находились Русскіе, придвигалось очень медленно, прикрываясь съ переди и съ боковъ Гохкирхеномъ и Вуршеномъ. При наступленіи ночи Наполеонъ, чтобъ защитить пѣхоту отъ восклицанія *ура*! приказалъ составить каре: потомъ онъ вступилъ въ Бауценъ и армія стала на бивакахъ у сего города. Прочія позиціи по сю сторону Гохкирхена были заняты непріятелемъ, выключая Мелтеверскихъ и Бейковитскихъ возвышеній,

На другой день (21. Маія) Французская армія сохранила занимаемую ею на канунѣ линію. Союзники же покрывали большіе дороги, ведущіе отъ Герлица и отъ Лобау. Правое крыло ихъ, состоящее изъ Пруссаковъ и корпуса Барклая де Толли, простиралось до самаго Клейна и Протшвитца. Въ срединѣ находился Блюхеръ, окопавшійся на Креквитскихъ возвышеніяхъ и при немъ Клейстъ и Іоркъ; позади была расположена Русская Гвардія и оберегатель-

ный корпусъ, состоящій изъ тридцати тысячь. Лѣвое же ихъ крыло, охраняемое Русскими и предводительствуемое Милорадовичемъ, Княземъ Горчаковымъ и Виртембергскимъ Принцемъ Евгеніемъ, все еще стояло на Гохкирхскихъ возвышеніяхъ, около Куневальда.

На разсвѣтѣ, Наполеонъ ожидалъ, чтобъ корпуса, предводимые Неемъ приближась къ правому непріятельскому крылу, выманили его изъ крѣпкой позиціи. Но союзники, направивъ войска Іорка и Клейста на средину, оставили только на правомъ своемъ крылѣ Блюхера и Барклая де Толли. Въ тоже время они полагали, что одинъ только 5 корпусъ будетъ участвовать въ сраженіи, а прочіе отправились на Берлинъ, почему Герцогу Реджіо дано было повелѣніе дѣйствовать на лѣвомъ непріятельскомъ крылѣ. Многочисленный корпусъ Русскихъ, открывъ проходъ чрезъ Бейковидскую и Роклаускую долины, отразилъ штыками нападеніе Герцога Реджіо, которой велѣлъ отступить правому своему флангу. Непріятели, ободренные симъ успѣхомъ, старались въ продолженіи всего дня, зах-

вашить позиціи, занимаемые Баварскою дивизіею. II Корпусъ подошедшій въ єто время увѣрилъ союзниковъ, что всѣ усиліи Наполеона клонились на Милорадовича; они направивъ многочисленные свои силы на лѣвое крыло, отдалили ихъ отъ средины и правой стороны, гдѣ мы готовились нанесть рѣшительные удары.

Наполеонъ завтракалъ въ то время, какъ раздались первые пушечные выстрѣлы въ авангардѣ Маршала Нея, которой изъ Ломска прибылъ къ Кликсу, гдѣ и переправился черезъ Шпрее. Ожидая только сего соединенія, чтобъ дѣйствовать съ большею силою, онъ съ радостію встаетъ изъ за стола, садится на лошадь и съ поспѣшностію отправляется на Ніедеръ-Кайнаское вызвышеніе, откуда могъ видѣть всѣ дѣйствіи происходящіе вокругъ Кл. Бауцена, которой былъ ключемъ къ позиціи.

Союзники будучи слишкомъ слабы на правомъ крылѣ своемъ, со всевозможною поспѣшностію придвигають оберегательные войски на угрожаемое мѣсто и становять ихъ наугольникомъ; такимъ образомъ, что сей уголъ сдѣлался срединою ихъ линіи

сраженія, но правый флангъ Блюхера остался открытъ. Наполеонъ, почитавшій рѣшительнымъ движеніе Нея, какъ скоро увидѣлъ, что онъ остановленъ оберегательными непріятельскими корпусами, двигнулъ всѣ свои резервы на правое крыло союзниковъ, сдѣлавшееся ихъ срединою и гдѣ были соединены главнѣйшіе наши силы. Въ тоже время, желая отвлечь Генерала Милорадовича, Наполеонъ приказалъ Маршалу Мармонту напасть на укрѣпленія со стороны Герлица и Башвича.

Сильной огонь артиллеріи, раздался на семъ мѣстѣ и Бонапарте былъ увѣренъ, что лѣвое непріятельское крыло сильно стѣсняемо, а средина его должна ослабѣть, потому что ему надобно было отрядить войски на правое крыло, тогда онъ не колебался болѣе идти прямо на Блюхера. Дивизіи Моранда и Франкемонта (Виртембергская) соединясь съ Гвардіею, по возванію Далматскаго Герцога, ударили на укрѣпленіи, которые нѣсколько разъ были браты и отнимаемы. Наконецъ Блюхеръ отступилъ на Пюрсшвитцъ, но корпусъ Іорка, получивъ повелѣніе вторично взять Креквицъ, стремительно на-

палъ на Виртембергскую дивизію и разбилъ ее. При отступленіи своемъ сія дивизія принуждена была оставить въ сей деревнѣ одинъ баталіонъ, которой по превосходномъ защищеніи здался. Для вознагражденія сего урона, Наполеонъ далъ повелѣніе ударить съ боку на корпусъ Іорка, тѣмъ временемъ какъ Генералъ Дево производилъ огонь по Блюхерѣ, которой подвигался для подкрѣпленія своихъ. Генералы Дюлолуа и Друотъ, выступили также въ передъ Гвардіи съ 60 орудіями. Наконецъ, около семи часовъ вечера, Маршалъ Ней съ Генералами Лористономъ и Рейньеромъ занялъ Вуршенъ, тогда какъ Герцоги Рагузскій и Тарентскій, приближаясь къ Гохкирхену заняли всѣ редуты. Средина ихъ и правое крыло союзниковъ потянулись на Вейсенбергъ, а остальные на Лобау.

Наполеонъ все это время находился у Ніедеръ-Кайны; съ высоты холма, сидя на стулѣ, отдавалъ онъ всѣ повелѣніи для полученія успѣха въ сраженіи. Усмотря, что у него также какъ и при Люценѣ оспориваютъ побѣду, онъ задрожалъ отъ гнѣва и немедленно приказалъ кавалеріи Латуръ-Мобурга двинутся въ передъ, въ

надеждѣ захватить плѣнныхъ, но непріятель сохранилъ присутствіе духа и не устрашился нашей кавалеріи, надъ которой онъ имѣлъ большое превосходство. Несмотря на наши успѣхи и быстрое преслѣдованіе, Союзные войски отступили въ совершеннѣйшемъ порядкѣ. Никогда еще война не представляла картины, подобно той, каковую являли страшные наши колонны; когда они бросались въ кл. Бауценскую лощину и испуская радостные крики взбирались на возвышеніи, чтобъ пожать новые лавры. Многочисленная артиллерія, извергающая пламя со всѣхъ сторонъ, казалась дѣйствіемъ тысячи громовъ, вдругъ ударяющихъ. Множество воиновъ, презирающихъ опасности въ глазахъ Бонапарта, которой съ зрительною трубкою въ рукахъ примѣчалъ ихъ движеніи и съ тихимъ удовольствіемъ ожидалъ исполненія данныхъ имъ повелѣній; наконецъ, пылающіе деревни, которые при ночной темнотѣ, освѣщали ужасное сіе зрѣлище, представляли важную и вмѣстѣ жалостную картину.

Эскадроны наши оказали блистательную храбрость, но усиліи ихъ не имѣли никакого успѣха и день сей, не доставилъ никакой вы-

годы конницѣ. Непріятельская же кавалерія, зная совершенно все пространство того мѣста, которое занимали уже около десяти дней и находясь повсюду, обезпечивала отступленіе. Такимъ образомъ Союзники удержали во всю ночь важнѣйшіе свои позиціи и уже на другой день по утру, послѣдніе отряды козаковъ очистили Кюневальдскіе возвышеніи гдѣ находился ихъ обсерваціонный корпусъ и отступили на Лобау.

Вся польза пріобрѣтенная нами отъ сего продолжительнаго и кровопролитнаго сраженія состояла въ отдаленіи непріятеля отъ дорогъ, ведущихъ въ Шлезію, ибо невзирая на благоразумное движеніе Нея, мы не могли захватить ни плѣнныхъ, ни артиллеріи, ни обозу. Потеря наша была весьма велика. Наполеонъ полагалъ, что 12000 пало на сраженіи, но оная должна быть гораздо многочисленнѣе, потому что непріятель, укрѣпленный въ выгоднѣйшихъ противъ нашего позиціяхъ, понесъ значительный уронъ въ убитыхъ и раненыхъ. Никакое кровопролитное сраженіе не было для насъ такъ безполезно.

Маршалъ Ней занялъ позицію въ Вурщенѣ, гдѣ прежде находилась глав-

ная квартира Союзниковъ Наполеонъ приказалъ поставить свою палатку подлѣ Кл. Бюрсшвитской гостинницы. Всѣ Европейскіе войска расположились ночевать вокругъ сего мѣста, какъ вдругъ ему пришла чудная мысль воздвигнуть на Монтъ-Сенисѣ монументъ въ знакъ своей благодарности народамъ Франціи и Италіи. Надобно было пожертвовать двадцать пять милліоновъ для сего памятника, который повидимому хотя воздвигаемъ былъ изъ гордости, но дѣйствительно могъ почитаться произведеніемъ надменнаго человѣка, занимающагося будущимъ. Предвидя, что для него можетъ быть необходимо будетъ оставить желѣзный свой скипетръ, онъ вдругъ хотѣлъ предать вѣчности союзъ между Италіанцами и Французами и предохранить послѣднихъ отъ опасностей разрушенія. Въ семъ намѣреніи, онъ опредѣлилъ, чтобъ симъ памятникомъ служила крѣпость, которая бы замыкала Монъ-Сенескую дорогу. Проницательность его заставляла страшиться, чтобы въ послѣдующіе времена, пылкій и честолюбивый народъ, послѣ продолжительной неволи, не употребилъ во зло своей независимости.

Въ слѣдующій день (22. Маія) едва началъ разсѣеваться утренній туманъ, какъ вся армія двинулась въ походъ, выключая войскъ Маршала Удино, которые остались на мѣстѣ сраженія. Русскіе и Прусаки исполняя предначертанный планъ, продолжали свое отступленіе въ величайшемъ порядкѣ. Они уступали всякой шагъ съ удивительною неустрашимостію. Если намъ и удавалось чѣмъ нибудь овладѣть силою, то всегда съ важными потерями. Чтобъ занять Кетитскія и Вейсенбургскія возвышеніи, надобно было дать жаркое сраженіе. Высота, лежащая за Рейхенбахомъ, казалось назначалась для прикрытія отступленія. Многочисленная артиллерія, поставленная на оной, извергала смерть въ наши ряды и подвергала опасности всѣ дороги, ведущіе изъ города и окрестностей; но какъ скоро правое наше крыло окружило ее, то она удалилась. Лѣвой же нашъ флангъ, задерживаемый непріятельскою конницею, не могъ приближиться. Наполеонъ приказалъ Генералу Валтеру принявъ начальство надъ Гвардіей, опрокинуть Русскихъ, чего неудалось ему сдѣлать; союзники видя однихъ только Улановъ, предводимыхъ Генераломъ Лефебръ-Денуетомъ, полагали

имѣть дѣло только съ легкою конницею и въ надеждѣ смять ее придвинули дивизію тяжелой кавалеріи; но наша конница также приняла участіе въ семъ дѣйствіи, которое сдѣлалось очень жаркимъ, особливо въ то время, когда Генералъ Латуръ-Мобургъ съ своимъ корпусомъ, состоящимъ изъ Французскихъ и Саксонскихъ кирасиръ, прискакалъ на помощь. Непріятель остановился и пѣхота его заняла позицію на другомъ возвышеніи, передъ Маркерсдорфомъ. Въ семъ сраженіи данномъ Графомъ Латуръ-Мобургомъ, у дивизіоннаго Генерала Боейера оторвало ногу и онъ, бывъ перенесенъ въ Герлицъ, вскорѣ послѣ того умеръ.

Маркерсдорфская позиція, остановя наше движеніе, раздражала Наполеона, которой хотѣлъ самъ начальствовать авангардомъ, надѣясь что присудствіе его, возбудивъ бодрость войскъ, заставитъ легко преодолѣть препятствія и доставитъ плѣнныхъ, которыхъ къ удивленію его приводили весьма мало. Увѣряютъ, что въ тотъ день онъ простиралъ мужество свое даже до дерзости, и если не погибъ, то обязанъ тѣмъ единственно щастію. Множество ядеръ поражали вокругъ его

Саксонскихъ солдатъ. Наполеонъ при захожденіи солнца приказалъ приблизиться своимъ войскамъ; самъ же, продолжая ими начальствовать, торопилъ походомъ двѣ многочисленные колонны, одну состоящую изъ пѣхоты, а другую изъ конницы, которые простирались до пяти тысячь и обѣ были стѣснены на весьма маломъ пространствѣ. Храбрые наши воины, воспламененные честію при движеніи впередъ казались непобѣдимыми подъ руководствомъ дерзкаго хищника. Совсѣмъ тѣмъ, каждый шагъ выигранной земли дорого для насъ стоилъ; съ яростію слѣдуя за непріятелемъ, мы мало помышляли о своей потерѣ; но вечеромъ сего дня, Наполеону суждено было понести неожиданную и чувствительную потерю.

Россіяне снова заняли позицію на холмѣ, но не стрѣляли, ожидая какъ видно появленія нашей арміи изъ Маркерсдорфа. Тѣмъ временемъ войски наши проходили вокругъ сей деревни, около коей проѣзжалъ и самъ Наполеонъ въ сопровожденіи своей свиты. Въ ту минуту, какъ онъ въѣзжалъ въ долину, обставленную непріятель-

скими батареями, раздался первый пушечный выстрѣлъ, и ядро, пролетѣвъ мимо самаго Бонапарте, упало позади его. Вскорѣ послѣ того, прибывшій Адьютантъ, доноситъ, что тоже самое ядро зацѣпивъ Герцога Тревизскаго, похитило Инженерваго Генерала Киргенера и поразила въ животъ Маршала Дюрока. При семъ извѣстіи, Наполеонъ не могъ скрыть глубокой горести, каковую причиняла ему потеря лучшаго изъ друзей его и вѣрнѣйшаго изъ подданныхъ. Не произнеся ни одного слова, онъ удалился какъ бы для того, чтобъ собраться съ духомъ и скрыть отъ окружающихъ его свое смущеніе. Приближась къ небольшой мызѣ, онъ сошелъ съ лошади на поле, покрытое хлѣбомъ и оттуда внимательно примѣчалъ то мѣсто, съ котораго, летѣвшее бѣдственное ядро, едва не лишивъ самаго его жизни, похитило у него любимца. Потомъ, возвратясь назадъ, остановился на возвышеніи по сю сторону Маркерсдорфа, гдѣ поставлено было пять палатокъ, окруженныхъ пѣхотою и Гвардіею, выстроенныхъ кареемъ.

Немногіе обстоятельства въ жизни Наполеона представляли случаи къ столь важ-

нымъ разсужденіямъ: вечеромъ когда огни на бивакахъ смѣшивались съ блистающими звѣздами, на сихъ же самыхъ возвышеніяхъ, на коихъ столь долгое время сражались, видѣли хищника Престола, который вмѣсто того, чтобы составлять благополучіе отечества во внутренности дворца своего, предпочиталъ лучше препровождать ночи въ палаткѣ, посреди мертвыхъ и умирающихъ тѣлъ и пылающихъ деревень. По истиннѣ, фиміамъ прежнихъ побѣдъ упоилъ восторгомъ его сердце, жаждущее крови человѣческой. Но могъ ли онъ почитать побѣдами успѣхи, получаемые безъ выгодныхъ послѣдствій съ многочисленною потерею силъ, которые были даны ему не для совершенія торжествъ своей гордости, но для доставленія прочнаго мира изнуреннымъ народамъ? Не взирая на начало сей важной кампаніи, душа его предавалась тоскѣ неизвѣстностію о будущихъ успѣхахъ; онъ содрогался воображая, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней, перунъ удвоивая свои удары поразилъ всѣхъ его окружающихъ и Бесьера и Дюрока изъ коихъ первый былъ сотоварищемъ военныхъ его трудовъ, а второй любимый повѣренный. Смерть ихъ

соединяясь съ погибелію толикаго числа храбрыхъ воиновъ, изъ которыхъ война ежедневно пожирала самыхъ отборнѣйшихъ, предвѣщала повидимому горестную участь; особливо когда онъ вспоминалъ, что въ сей же самый день, на Асперскихъ равнинахъ, онъ лишился Монтобелло, истиннаго своего друга и неустрашимѣйшаго воина, то всѣ сіи обстоятельства внушали самые мрачные мысли тому человѣку, которой столько былъ мнителенъ, что придавалъ большую важность ничтожнѣйшимъ вещамъ.

Погруженный въ глубокое уныніе, Наполеонъ заключился въ палаткѣ: недвижимъ и задумчивъ сидѣлъ онъ на походной постелѣ въ сѣрой шинели, съ опущенными руками, мрачнымъ видомъ и поникшею главою, въ отдаленіи отъ своей свиты, которая въ нѣкоторомъ разстояніи расположась кучами, не смѣла промолвить ни однаго слова, взирая съ благоговѣніемъ на горесть своего предводителя. Послѣ чрезмѣрнаго волненія послѣдовала мрачная тишина; всѣ глядѣли другъ на друга, испуская тяжкіе вздохи; унылые лица и смущенные взгляды свидѣтельствовали сколько раздѣляли придворные горесть,

чувствуемую Наполеономъ потерею лучшаго изъ своихъ друзей. Сожалѣнія ихъ могли быть весьма искренни, ибо Дюрокъ, несмотря на свое возвышеніе, всегда былъ кротокъ, скроменъ и въ особенности чрезвычайно ласковъ. Рѣдкіе качества при такомъ дворѣ, гдѣ многіе, желая подражать своему властителю, заимствовали отъ его свойствъ одни только недостатки, которые заставляли и самаго его ненавидѣть.

Уныніе, царствующее вокругъ Бонапарта совершенно различествовало съ безпечностію солдатъ. Будучи неизвѣстны о нещастіи, они весело приготовляли себѣ кушанье, тѣмъ временемъ какъ Гвардейскіе музыканты на концѣ каре играли на разныхъ инструментахъ. То плачевными гимнами старались они раздѣлять горесть Наполеона, то надѣялись утѣшить его тѣми военными пѣснями, которые возвышая душу, заставляютъ ее ощущать только чувствованіе славы. Картина сія покажется еще важнѣе, когда вообразятъ, что близь того мѣста находился лагерь Монарха обширнѣйшей Имперіи, владыки двадцати различныхъ народовъ и Короля его союзника, коего

самая корона зависѣла единственно отъ сей кампаніи, равно безпокоющагося о сохраненіи и спасеніи своего народа сколько Наполеонъ о потерѣ своего вліянія. Вся Европа раздѣлялась на двѣ части; каждая сторона сражалась за свое освобожденіе, но всего достойнѣе замѣчанія было то, что въ лагерѣ древнихъ Монархій говорили только о независимости и отечествѣ, тогда какъ въ арміи недавно еще бывшей республиканскою, для одушевленія солдатъ потребны были приманки награжденій и воззрѣніе Военачальника.

Какъ скоро посты были заняты и армія расположилась на бивакахъ, Наполеонъ поѣхалъ посѣтить Герцога Фріульскаго, которой нѣсколько часовъ находился въ столь ужасныхъ мученіяхъ, что ожидалъ смерти, какъ благодѣянія небесъ. Совсѣмъ тѣмъ въ бюллетенѣ своемъ Наполеонъ увѣрялъ, что нашелъ его въ совершенной памяти и сохранившаго величайшее хладнокровіе. Разговоръ ихъ, о коемъ послѣ разсказывали, былъ слишкомъ невѣроподобенъ, разглашенный съ намѣреніемъ внушить читателямъ бюллетеней рабское почтеніе къ своему властителю. Равнымъ образомъ желаніе Дюрока,

чтобъ Наполеонъ прожилъ еще тридцать лѣтъ, восторжествовалъ надъ непріятелями и чтобъ исполнились надежды отечества, было собственный вымыселъ Наполеона, употребившаго сію хитрость въ надеждѣ, что пророческіе изрѣченіи, произнесенные воиномъ въ послѣдній часъ его жизни, будутъ почтены непреложными, подобно приговору Провидѣнія.

Но въ семъ разговорѣ всего болѣе должно поразить признаніе Наполеона въ своемъ вѣроисповѣданіи, когда онъ сказалъ своему любимцу :- Дюрокъ! есть другая жизнь; тамъ мы опять увидимся! слова, оставленныя безъ вниманія простымъ народомъ, но которыя Исторія должна сохранить, по тому что они были жертвою, принесенною Божеству. Пріятно мыслить, что человѣкъ, о жизни котораго будетъ всегдашній разговоръ будущихъ поколѣній и произнесеніе проклятія, котораго страсти совершенно были противны правиламъ нравственности, не могъ удержатся въ торжественную сію минуту, чтобъ не вознести всѣхъ мыслей своихъ къ Тому, Которой всемогуществомъ Своимъ ежедневно доказываетъ намъ ничтожество величайшихъ нашихъ предпріятій.

Бонапарте сопровождаемый Герцогами Далматскимъ и Виченскимъ, казался столь тронутымъ, что долгое время стоялъ, не произнеся ни одного слова. Наконецъ, давъ обѣщаніе Дюроку заступить мѣсто отца его дочери, онъ пожалъ ему руку и вышелъ, сказавъ только: *Прощай, мой другъ!* Вскорѣ послѣ того онъ вошелъ въ свою палатку и провелъ всю ночь, не принимая къ себѣ никого.

Всѣ возвышеніи находящіеся за Маркерсдорфомъ, въ тотъ же вечеръ были заняты нашими войсками; 4 корпусъ, надъ которымъ Генералъ Бертранъ снова принялъ начальство, занялъ на другой день окружности Квейса. Пламя, показавшееся у Герлица, служило неоспоримымъ доказательствомъ, что непріятель сжегъ мостъ и оставилъ весь лѣвый берегъ Нейса. Саксонцы, начальствуемые Рейньеромъ и находящіеся въ тотъ день въ авангардѣ, вступили въ Герлицъ. Жители прелестнаго сего городка, по прибытіи побѣдоносныхъ своихъ согражданъ извѣстили насъ, что Русскіе, Прусскіе и Англійскіе Министры въ день Вуршенскаго сраженія были въ стѣнахъ ихъ города, и по окончаніи сраженія выѣхали изъ него рано по утру.

Россійскій Императоръ не проѣзжалъ чрезъ сей городъ. Прусскій Король остановился въ Левенбергѣ (23. Маія) гдѣ обнародовалъ провозглашеніе, въ которомъ убѣждалъ народъ оказывать туже твердость, которая въ царствованіи Фридерика заставляла его нѣсколько лѣтъ переносить бѣдствіи, для достиженія благополучнаго окончанія войны и пріобрѣтенія знаменитаго мира.

Союзники, вручили начальство Барклаю де Толли, которому также ввѣрено было и лѣвое крыло арміи, а правое поручено Блюхеру. Сдѣлавъ таковую перемѣну, они повидимому хотѣли удержатся на правомъ берегу Нейсы; но войски наши, имѣя въ своей власти переправу, съ поспѣшностію навели нѣсколько мостовъ и перешли черезъ рѣку въ большомъ числѣ. Въ полдень Наполеонъ вступилъ въ Герлицъ; осмотрѣвъ рѣку и главные дороги, онъ приказалъ возобновить прежніе мосты на Нейсѣ. Возвратясь послѣ сего осмотра, онъ остался въ своемъ кабинетѣ и трудился весь тотъ, и послѣдующій день (23 и 24. Маія).

Съ вечера Герцогъ Реджіо посланъ былъ изъ Бауцена по Люкауской дорогѣ, чтобъ напасть на корпусы Бюлова, Тюмена и

Воронцова и удержать движеніе ихъ къ Шлезіи. Кажется, что цѣлію сего было еще намѣреніе разсѣять многочисленные толпы партизановъ, защищаемыхъ войсками, осаждающими Магдебургъ и Виттенбергъ. Партизаны сіи, которыми начальствовали Генералы Чернышевъ, Тіелманнъ и Маіоръ Лютцовъ, распространясь по нижней Лузаціи и вокругъ Виттемберга, перехватывали наши отряды, разрушали Гошпитали, магазины и отбивали ремонты.

По прибытіи въ Гойерцверду, Герцогъ Реджіо имѣлъ важное дѣло съ Генераломъ Бюловымъ; черезъ нѣсколько послѣ того дней дивизіи Пактода и Рагловича (Баварскіе) вступили въ новое сраженіе гораздо кровопролитнѣйшее, въ которомъ хотя и оказали рѣдкую храбрость, но не могли овладѣть городомъ Лукау, котораго стѣны были мужественно защищаемы; въ слѣдствіе упорной битвы, продолжавшейся до самой ночи, 12 й корпусъ принужденъ былъ отступить на Убигау, вытерпѣвъ важную потерю. Сопротивленіе Прусаковъ, сдѣлавшееся гораздо сильнѣе по мѣрѣ приближенія къ Берлину, доказывало намъ, что потріотизмъ ихъ учинитъ затруднительными и кровопро-

литными всевозможные нападенiи на сiю столицу.

Тѣмъ временемъ Герцогъ Беллунно хотя успѣлъ образовать одну только дивизiю, но соединился съ армiею для прикрытiя съ боку лѣваго нашего крыла и для подкрѣпленiя подвигающагося въ передъ авангарда. Наполеонъ 25 Маiя вступилъ въ Бунцлау и учредилъ тамъ главную свою квартиру. Чуствуемое имъ удовольствiе было тѣмъ сильнѣе, что сверьхъ выгоды, полученной нами оставленiемъ верхней Лузацiи, которая совершенно была истощена, мы переносили военные дѣйствiи въ Шлезiю, принадлежащую Прусскому Королю, коему онъ горѣлъ желанiемъ отмстить и гдѣ найденные пособiи, онъ по системѣ своей позволялъ употреблять безъ всякой пощады.

Въ самый день прибытiя Наполеона въ Бунцлау, Блюхеръ разставилъ нашему авангарду пагубную сѣть. Дивизiя Мезона идущая въ передъ, подвигалась съ большою осторожностiю. Маршалъ Ней, не одобряя сей предусмотрительности, приказалъ выступить дивизiи Гайнау. Лишь только два баталiона оной прошли деревню Мишельсдорфъ, какъ ихъ атаковали

двадцать кавалерійскихъ эскадроновъ, находившіяся въ засадѣ. Храбрые наши воины, разстроенные стремительнымъ нападеніемъ и многочисленными силами, были разбиты, разсѣяны и лишились четырехъ орудій съ ихъ ящиками; Наполеонъ, встревоженный симъ урономъ, на другой день по утру прискакалъ въ Гайнау съ величайшею поспѣшностію, что и доказывало чрезмѣрную тоску его; но въ утѣшеніе ему показали трупъ и ордена Прускаго Полковника, распоряжавшаго симъ дѣйствіемъ.

Со времяни нашего пребыванія въ Прускихъ владѣніяхъ, Наполеонъ оказывалъ болѣе веселости, что и д йствительно должно быть когда онъ извѣстился, что союзники намѣрены согласиться на предлагаемое имъ перемиріе. Сверьхъ того и самолюбіе его чувствовало величайшую радость, видя непріятельскую армію оставлявшую ему Шлезію, которую онъ хотѣлъ предложить Австріи, будучи увѣренъ, въ ослѣпленіи, что Держава сія не откажется отъ столь лестнаго подарка и, принявъ оной, содѣлается навсегда непримиримымъ врагомъ Пруссіи. Сверьхъ того плодородная и изобильная сія провинція во

все продолженіе войны могла облегчать его предпріятіи; онъ также весьма часто освѣдомлялся о разстояніи отъ Лейгница до Бреславля. Дорогою онъ напѣвалъ отрывки Италіанскихъ и Французскихъ пѣсенъ, занимаясь всѣми видѣнными имъ предметами какъ такой человѣкъ, который свободенъ отъ всѣхъ заботъ. Выѣхавъ изъ Мишельсдорфа, онъ встрѣтилъ нѣсколько выстроившихся непріятельскихъ конныхъ полковъ. Пѣхота остановилась въ ожиданіи оныхъ, но Русскіе прислали Парламентера; цѣлію его какъ видно было, увѣриться получилъ ли Маршалъ Ней подкрѣпленіе, или находится ли Бонапарте при передовыхъ постахъ.

Непріятели приближились очень близко и Наполеонъ, сошедъ съ лошади, пошелъ въ сторону пѣшкомъ. Когда дали ему замѣтить, что они приближаются, то онъ сказалъ Князю Невшательскому подобно Леониду (*) Если они приб-» лижаются, такъ и мы къ нимъ приб-

(*) *Персы къ намъ приближаются*, вскричали Спартанѣ, *а мы къ нимъ*, отвѣчалъ Леонидъ стремясь имъ на встрѣчу.

» лижимся. » Наполеонъ дѣйствовалъ въ сей день съ чрезвычайностію точностію. Онъ самъ распоряжалъ передними войсками; переходя съ возвышенія на возвышеніе, онъ разсматривалъ всѣ окружности и объѣзжалъ вокругъ каждаго города и деревни разсматривая положеніи, наконецъ ничего не оставилъ, чтобы подробно не освѣдомиться о той землѣ, которая каждую минуту напоминала ему знаменитые кампаніи Фридриха II. Наполненный сими воспоминаніями и будучи увѣренъ, что непріятель станетъ оспоривать Лигницъ, въ которомъ нѣкогда Прусаки одержали важную побѣду, онъ сказалъ съ улыбкою: *Мы возобновимъ старое знакомство съ Лигницемъ.*

Совсѣмъ тѣмъ, непріятель не защищалъ сего города и Наполеонъ нашелъ его оставленнымъ. До вступленія въ оной онъ внимательно разсматривалъ всѣ окружности, Предосторожность сію нѣкоторые приписывали воспоминанію внушаемому мѣстами, бывшими театромъ войны, которому любили научатся всѣ люди, свѣдущіе въ военномъ искусствѣ. Большая же часть другихъ полагали, что такая осторожность и скрытность происходи-

ли отъ страха, каковой онъ чувствовалъ, находясь въ такой землѣ, гдѣ не зналъ ни людей, ни мѣстъ и въ которой всѣ жители обнаружили величайшій энтузіазмъ за отечество и Государя.

По выступленіи изъ Лигница, непріятельская армія раздѣлилась на двѣ части; одна направила путь на Бреславль, а другая на Швейдницъ. Такимъ образомъ Пруссаки вознамѣрились затвориться въ Шлезскихъ крѣпостяхъ, чтобъ нападать и тревожить тылъ нашей арміи, если она вздумаетъ двигаться въ передъ. Герцогъ Беллуно отрядилъ на Глогау кавалерію Генерала Себастіани. Въ тотъ же день Генералъ Бертранъ получилъ повелѣніе двинутся на Яуеръ, а за нимъ немедленно послѣдовалъ и Наполеонъ, почитая очень важными собранные имъ свѣденіи. Онъ старался узнать столько ли многочисленны войска, отступающіе въ Верхнюю Шлезію, чтобы могли удержать его идти въ передъ или лучше, хотя бы оные были и малочисленны, то ограничиться удержаніемъ ихъ въ сей гористой странѣ, гдѣ каждая высота могла служить защитою. По упорномъ сраженіи, выдер-

жанномъ Виртембергскою дивизіею, мы узнали, что противу поставленные силы были весьма малочисленны и что невозможно напасть на нихъ съ однимъ корпусомъ; войски наши заняли Яуерскую позицію, а непріятель остался въ своей.

Бонапарте, находясь въ Лигницѣ, старался освѣдомиться о направленіи непріятеля, какъ вдругъ, 29 Маія въ ту самую минуту какъ дано было повелѣніе къ отъѣзду и когда Императорская гвардія приготовлялась выступить, разнесся слухъ, что Русскій Парламентеръ прибылъ на аванпосты Генерала Рейньера для врученія Невшательскому Принцу депешей отъ Австрійскаго Министра Стадіона, который подъ предлогомъ договоровъ о посредничествѣ, пребывалъ въ главной квартирѣ Россійскаго Императора. Сею депешею отъ 22 числа и доставленною не прежде 28 объявлялось, что союзники принимаютъ перемиріе, чтобы приготовиться къ переговорамъ на Конгресѣ, предложенномъ Императоромъ Французовъ и что въ семъ намѣреніи Россійскій и Прусскій Монархи готовы отправить на передовые посты уполномоченныхъ. Вскорѣ послѣ того Вичен[с]кій Герцогъ отправился

въ Вальштадъ, гдѣ велъ переговоры съ Генералъ-Адьютантомъ Россійскаго Императора Графомъ Шуваловымъ и Генераломъ Клейстомъ. Въ то время Наполеонъ былъ въ чрезвычайномъ волненіи; наконецъ, оставивъ Лигницъ, онъ отправился къ тому мѣсту, гдѣ происходили переговоры. Нетерпѣливо желая знать послѣдствіе оныхъ, онъ поѣхалъ въ Вальштатъ, котораго имянемъ черезъ три мѣсяца послѣ того названъ Блюхеръ въ вознагражденіе за одержаніе побѣды, которую можно почесть слѣдствіемъ пагубнаго сего перемирія.

Наполеонъ отправился на передовые посты, сколько для освѣдомленія о ходѣ переговоровъ, столько и для того, чтобъ не подать подозрѣнія союзникамъ будто онъ желаетъ перемирія. Во время сихъ переѣздовъ, онъ показывалъ видъ, что во всѣхъ мѣстахъ дѣлаетъ непріязненные распоряженіи. Благоразуміе не позволяло ему болѣе приближаться къ Бреславлской дорогѣ и онъ остановился въ дурной и маленькой деревенькѣ Розницѣ, куда ночью прибылъ къ нему Виченскій Герцогъ. Немедленно послѣ того, сей послѣдній отправился съ бумагами въ Геберсдорфъ, гдѣ

дипломатики размѣнивались. Переговоры сіи возобновились въ Стригау и наконецъ въ Плейсвитцѣ. Графъ Бубна поспѣшно прибылъ въ главную нашу квартиру, гдѣ имѣвъ продолжительный разговоръ съ Бассанно, возвѣстилъ ему въ дипломатическихъ выраженіяхъ, что Дворъ его готовъ возобновить союзъ свой съ Франціею, какъ скоро оная согласится ограничить прежніе требованіи, ни мало не сходствующіе съ обстоятельствами. Кампанія наша еще не устрашила Австрію.

Въ Лейгницѣ происходило величайшее движеніе. Со всѣхъ сторонъ разсылали адьютантовъ, ординарцевъ и безпрестанно привозимые депеши не оставляли болѣе сомнѣнія, что заключеніе перемирія предшественника мира, приближается къ окончанію. Увѣряютъ, что согласно статьямъ сего договора Наполеонъ хотѣлъ, чтобъ Одеръ служилъ границею между обѣими арміями, но Пруссія не принимала сего условія, ибо тогда Берлинъ былъ бы занятъ нашими войсками, равно и Наполеону не должно было уступать, потому что лѣвой флангъ его со стороны Прусіи остался бы открытымъ, тогда какъ

и правое крыло также подверглось бы опасности, въ случаѣ объявленія Австріею войны. Совсѣмъ тѣмъ, не взирая на важные сіи причины Бонапарте не настаивалъ въ перьвомъ своемъ требованіи и это самое заставляло подозрѣвать, что Австрія дѣйствительно ему угрожала, если онъ будетъ продолжать углубленіе свое въ Шлезію. Но какъ бы то ни было боязнь принудила его сдѣлать сію ошибку, и онъ подписалъ перемиріе; которое по многу подрывая; приближало его паденіе.

До выступленія изъ Рознвига въ Неймаркъ, случилось одно обстоятельство, повидимому не важное, но которое имѣло, какъ сказываютъ, значительные послѣдствіи. Четырнадцать Императорскихъ фуръ, наполненныхъ необходимыми и драгоцѣннѣйшими вещами, учинились добычею пламени въ Рознвигѣ. Во время дипломатическихъ переговоровъ введено въ обыкновеніе, чтобы съ щедростію расточать большіе подарки. Наполеонъ же, не имѣя болѣе ни портретовъ, ни табакерокъ, ни цѣпей, украшенныхъ бриліантами, не могъ по прежнему оказать своей расточительности. Онъ былъ увѣренъ, что случай, лишая его сихъ обыкновен-

ныхъ средствъ обольщенія, предостерегалъ сдѣлатся бережливѣе и что, употребляя малые пожертвованіи для прекращенія войны, онъ можетъ тѣмъ лучше остановить ее. Совсѣмъ тѣмъ обстоятельство сіе много, помнѣнію его, способствовало его паденію.

Тѣмъ времянемъ, какъ уполномоченные утверждали статьи договоровъ для перемирія, Наполеонъ находился въ Неймаркѣ, въ 8ми миляхъ отъ Бреславля. По окончаніи дипломатическихъ дѣлъ, онъ предавался увеселенію, проѣзжая мимо биваковъ, стоящихъ въ окружностяхъ города. Дорогою онъ ласково разговаривалъ съ крестьянами, иногда разспрашивалъ о пособіяхъ земли ихъ, иногда объ ихъ занятіяхъ. Освободясь отъ всѣхъ попеченій и не страшась будущаго, онъ былъ пріятенъ и веселъ. Наконецъ все возвѣщало сколько онъ былъ доволенъ надеждою на заключеніе скораго мира Радость его еще болѣе увеличилась, когда онъ узналъ, что Генералъ Лористонъ 1го Іюня безпрепятственно вступилъ въ Бреславль. Чиновники столицы Шлезіи вышли поздравить его отъ лица города. Онъ благосклонно

принялъ ихъ, приказывалъ успокоить жителей и увѣрить, что прощаетъ ихъ за оказанное вспомоществованіе Штейну, Шарнгорсту и Коцебу. Столь благоразумными поступками онъ совершенно покорилъ сердца раздраженныхъ прежде противъ него тѣхъ самыхъ жителей; а какъ ему было извѣстно сколько Королъ любимъ своими подданными, то, желая извинить его, онъ сказалъ депутатамъ съ обыкновеннымъ хвастовствомъ: *Я знаю, что онъ былъ обманутъ.*

Въ день вступленія нашего въ Бреславль непріятельскіе дѣйствіи на аванпостахъ прекратились: черезъ три дни послѣ того, перемиріе было заключено и размѣнено въ Плейсвитцѣ 4 Іюня. Наполеонъ тотчасъ послалъ извѣстіе къ Саксонскому Королю, что онъ заключилъ пятидесяти двухъ дневное перемиріе, что Конгресъ будетъ въ Прагѣ и что Саксонія скоро освободится отъ своего бремяни. Причина наружнаго сего утѣшенія, предвѣщала напротивъ новые бѣдствіи злополучной сей странѣ, потому что послѣ перемирія главная часть Французскихъ войскъ долженствовала расположиться на квартирахъ въ Саксоніи, опредѣленной въ случаѣ во-

зобновленія непріязненныхъ дѣйствій служитъ театромъ войны.

По силѣ условій перемирія, мы должны занимать только малую часть Шлезіи; пограничная линія начиналась отъ Богемскихъ горъ чрезъ Камницъ, Лохъ, Головицъ, Лигницъ до устья Кацбаха въ Одеръ; потомъ лѣвымъ берегомъ рѣки сей отъ Кроссена до границъ Саксоніи; за Ангальтскими владѣніями лѣвый берегъ Эльбы служилъ преградою позицій Маршала Даву находящихся передъ Гамбургомъ, которые должны оставаться въ томъ же положеніи, въ какомъ находились 8 го Іюня въ полночь. Равнымъ образомъ и для Прусско-Россійской арміи начертана была линія, которая протянувшись черезъ Ландегутъ, Стригау и Кантъ соединялась за Бреславлемъ съ Одеромъ. Бреславль же и все пространство Шлезіи, заключающееся между сими двумя линіями, оставались свободны и не должны быть заняты ни которою изъ воюющихъ державъ. По условіямъ перемирія мы безпрепятственно могли снабжать съѣстными припасами крѣпости обложенные союзниками и защищаемые нашими войсками.

Какъ въ Данцигъ, Модлинъ и Замостье,

такъ равно и въ Кистринскій и Штеттинскій гарнизоны были отправлены Французскіе офицеры съ сообщеніемъ извѣстія о заключеніи перемирія и съ повелѣніемъ собирать припасы на каждые пять дней. Молодая гвардія направила путь на Глогау; занявъ окрестности оной вмѣстѣ съ кавалеріею Генерала Себастіани, она наочистила сію крѣпость, въ которой находились остатки стараго четвертаго корпуса. Защитники Глогау, доказали своею твердостію, что многочисленные наши бѣдствіи не изгладили еще изъ памяти Французскихъ солдатъ, чѣмъ обязаны они прежней своей славѣ.

По окончаніи и выполненіи условій перемирія, Наполеонъ спѣшилъ оставить Неймаркъ; онъ выѣхалъ изъ онаго 5го Іюня вечеромъ и отправился въ Лигницъ, гдѣ на другой день по утру присоединился къ нему Герцогъ Виченскій. Оттуда, онъ отправился на разсвѣтѣ къ Саксонской столицѣ и на пути разсматривалъ всѣ позиціи, бывшіе во время семилѣтней войны мѣстомъ какого нибудь значущаго дѣйствія. Въ Герлицѣ онъ спалъ десять часовъ, не призывая къ себѣ никого. Необыкновенный етотъ случай достоинъ

замѣчанія, ибо онъ доказываетъ, что перемиріе въ одно мгновеніе разсѣяло всѣ его безпокойствы. Наконецъ черезъ пять дней (10 го Іюня) онъ прибылъ въ Дрезденъ. Желая быть свободнѣе и чтобъ не нарушить спокойствія Королевскаго семейства, Наполеонъ избралъ мѣстомъ своего пребыванія дворецъ Марколини (*). Дворецъ сей, находящійся въ предмѣстіи Фридерихштата по уединенію своему и прекраснымъ садамъ казалось весьма приличествовалъ какъ для нравственнаго, такъ и для физическаго состоянія Бонарпарта.

Надобно рѣшить важный вопросъ прилично ли было для насъ заключеніе подобнаго перемирія. Чтобъ рѣшить трудную сію задачу, должно навѣрное полагать, что Наполеонъ имѣлъ твердое намѣреніе стараться о заключеніи мира. Переговоры доказывали, что онъ желалъ продолженія войны и, остановивъ оную въ сію минуту, сдѣлалъ большую ошибку. Русскіе дѣйствовали съ тоюже храбростію

(*) Графъ Марколини былъ уроженецъ Моденской и любимецъ Саксонскаго Короля.

какъ и при Москвѣ Наполеонъ, думалъ что отъ нихъ однихъ зависитъ миръ Европы. Самое перемиріе было ими принято единственно для того, чтобъ дать время подойти ожидаемымъ ими резервнымъ войскамъ. Правда, что отряды партизановъ, находящіеся подъ начальствомъ Брауншвейгскаго Принца, Генерала Тіелмана и Маіора Лютцова, распространившіеся вдоль Саалы, угрожали намъ, отрѣзавъ сообщеніе, перехватывать всѣ ожидаемые изъ Франціи пособіи. Равнымъ образомъ можетъ быть и Австрія, объявила, что нападетъ на него съ тылу, если онъ проникнетъ въ Польшу. Какъ бы то ни было, но навѣрное можно полагать, что весьма могущественные причины заставили его принять перемиріе и согласиться заключить себя въ такую страну, которая посредствомъ топографическаго своего положенія могла сдѣлатся для него пагубною. Отлагая военные дѣйствіи, уничтоженіемъ настоящихъ опасностей, онъ увеличивалъ будущіе бѣдствіи. Въ особенности же терялъ дальновидность движеній и всѣ выгоды, каковые внушалъ его войскамъ жаръ наступательной войны, сохраненной ими до самой Шлезіи. Сверхъ

шого число войскъ его тридцатью тысячама превосходило непріятельскіе силы; ожидаемое имъ подкрѣпленіе почти равнялось съ вспомогательными войсками ожидаемыми Пруссіею и Россіею. Со стороны политики надежды его были еще малозначущіе; всѣ переговоры клонились къ отложенію Государей отъ нашего союза. Къ тому же допустить Австрію и Швецію подавать свой голосъ, значило, благопріятствовать составляемому ими замыслу возвратить свободу Европы и дать имъ время положить навѣсы чрезвычайную тягость, которая долженствовала преклонить оные на ихъ сторону.

Едва мы извѣстились на какихъ слабыхъ залогахъ основывался миръ, то упованіе на заключеніе онаго исчезала и безпокойства начали увеличиваться. Въ первый еще разъ мы уступили по силѣ договора завоеванные нами страны и не только не выиграли ни одного шагу земли, но еще отдали лучшую часть Шлезіи, оставя у себя самую безплодную. Не таковы были перемиріи заключенные въ слѣдствіе Маренгскаго, и Ваграмскаго сраженій.

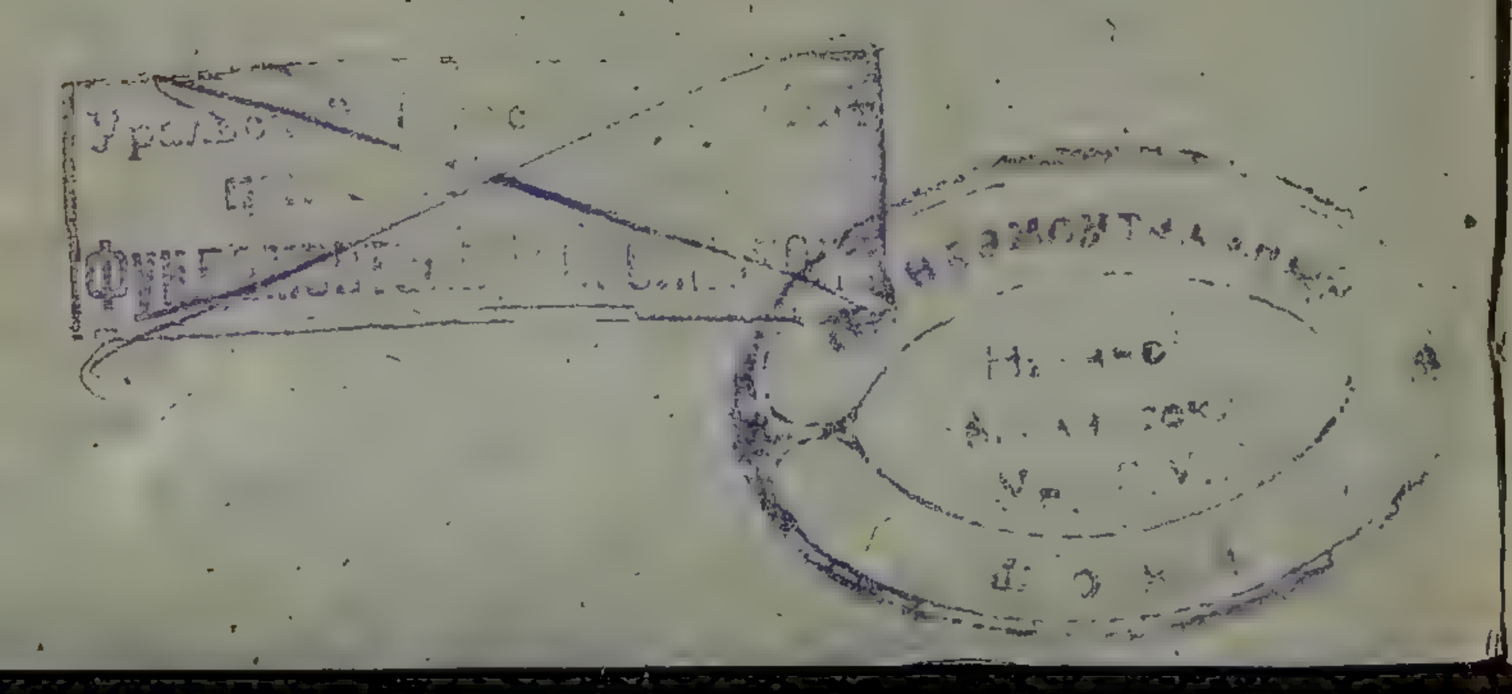
Какъ скоро Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ и когда предался на единѣ размыш-

леніямъ, то долженъ былъ жестоко страдать, помышляя о предстоящихъ ему трудностяхъ, которые обнаружилъ передъ глазами изумленныхъ народовъ нещастливый его договоръ. Положеніе его тѣмъ болѣе должно было его раздражать, чемъ менѣе онъ привыкъ уступать могуществу обстоятельствъ. Но такъ какъ необходимость принуждала его обуздать себя, то онъ хотѣлъ увѣрить, что всѣ сіи дѣйствіи внушены ему величайшею мудростію и трогательнымъ человѣколюлюбіемъ. Притворясь соболѣзнующимъ о человѣческихъ бѣдствіяхъ и желающимъ исправить злополучіи, которые онъ могъ бы предупредить, еслибъ въ прекраснѣйшіе минуты своей славы, вмѣсто покоренія народовъ онъ единственно помышлялъ объ укрощеніи самаго себя. Но напрасно было его притворство, свойства его уже всѣмъ были извѣстны; всякая держава остерегалась его лукавства и всѣ пособіи, подаваемые ему прежде политикою, въ тогдашнее время были безполезны. Опытность научила познавать его дѣйствія и недовѣрять его поступкамъ.

Бонапарте, не въ силахъ будучи никогда восторжествовать надъ пустою и бѣд-

ственною страстію, болѣе сожалѣлъ тогда о потерѣ могущества, нежели объ упущеніи случаевъ, каковые имѣлъ онъ дѣлать добро. Воздыхая о прошедшемъ и страшась будущаго онъ предался горести; коей подвергается униженное честолюбіе. Заключась во дворцѣ, Наполеонъ занимался вымышленіемъ обширныхъ предпріятій потомъ составлялъ новые и въ свою очередь оставлялъ ихъ. Единственное его успокоеніе ограничивалось уединенными прогулками среди прекрасныхъ рощей и когда цѣлая природа являлась во всемъ своемъ блескѣ, когда все наслаждалось ея благотвореніями, ужасная тоска терзала его душу. Въ глубокомъ молчаніи и задумчивости блуждалъ онъ по садамъ, произнося изрѣдка прерывающіеся слова и испускалъ тяжкіе вздохи, выражающіе обширность его желаній и вмѣстѣ невозможность удовлетворить онымъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

1337
И. Л.

